АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СИБИРИ

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СИБИРИ

Выпуск 4

Материалы региональной научной конференции
10-11 декабря 1999 г.

Издательство Томского университета
Томск - 2000

Американские исследования в Сибири. Вып. 4. Материалы региональной научной конференции 10 – 11 декабря 1999 г. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.

В сборник включены статьи и сообщения отечественных авторов, посвященные внешней и внутренней политике Соединенных Штатов Америки, вопросам современной методологии и историографии. Исследуются сюжеты, связанные с международными отношениями в различных регионах мира. Круг изучаемых проблем методологии и историографии включает анализ современного состояния исторической мысли США.

Для научных работников, учителей, студентов гуманитарных факультетов, всех интересующихся проблемами истории США.

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук **Б.Г. Могильницкий**,
д-р ист. наук **М.Я. Пелипась** (отв. редактор),
канд. ист. наук **Л.Н. Смолякова**, д-р ист. наук **Ю.Г. Чернышев**,
канд. ист. наук **О.И. Ющенко** (отв. секретарь)

Издание осуществлено при поддержке Отдела культуры
Посольства Соединенных Штатов Америки

ISBN № 5-7511-1215-6

© Сибирская ассоциация американистов, 2000
© Томский государственный университет, 2000

РАЗДЕЛ I

История внешней и внутренней политики США

ПРОБЛЕМА КИТАЯ В АМЕРИКАНО-АНГЛИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1941 - 1945 ГГ.

Л.И. Казакевич

(Томский университет систем управления и радиоэлектроники)

Прошедшие пятьдесят пять лет со дня окончания Второй мировой войны продемонстрировали, что интерес ученых и общественности к этому глобальному событию не иссяк. Общим и специальным вопросам Второй мировой войны посвящена огромная литература. Публиковавшиеся в разных странах и в разное время документы и архивные материалы позволили воссоздать дипломатическую, политическую и военную историю. Не были обойдены вниманием исследователей и проблемы дальневосточной политики великих держав в годы Второй мировой войны[1]. Но некоторые вопросы китайской политики США и Великобритании в 1941 - 1945 гг. освещены недостаточно. Опираясь на публикации дипломатических документов госдепартамента США, мемуары, исследования отечественных и зарубежных историков, автор предприняла попытку выяснить место Китая в планах правящих кругов США и в американо-британских отношениях в 1941 - 1945 гг.

Обострение американо-японских отношений привело к тому, что 7 декабря 1941 г. Япония напала на тихоокеанский флот США в Пирл-Харборе. Соединенные Штаты Америки вступили во Вторую мировую войну. Через несколько дней войну Соединенным Штатам объявили Германия, Италия и их сателлиты. Великобритания, Голландия и некоторые другие страны объявили войну Японии. Японо-китайская война фактически началась в июле 1937 г. после нападения Японии на Китай, однако по различным соображениям японское и гоминьдановское правительства официально войны не объявляли. Через два дня после начала войны в редакционной статье в «Нью-Йорк Тайме» выражалась надежда, что США не останутся одни на Тихом океане: «Мы имеем в качестве нашего верного союзника Китай с его неисчерпаемыми людскими ресурсами - Китай, который мы не бросим в наш собственный час испытаний. ...Имея таких союзников, мы найдем ключ к стратегии на Тихом океане»[2].

С целью координации военных действий было решено провести англоамериканскую конференцию в Вашингтоне. Премьер-министр У. Черчилль, возглавлявший английскую делегацию, был озабочен тем, что «Соединенные Штаты могут заняться исключительно войной против Японии на Тихом океане, предоставив Великобритании сражаться с Германией и Италией в Европе, Африке и на Среднем Востоке»[3]. Но опасения британского премьера были напрасными. Накануне конференции 20 декабря 1941 г. военный министр Стимсон представил президенту Ф.Д. Рузвельту меморандум о предполагаемых к обсуждению на конференции основных вопросов. С точки зрения американских военных, главным театром военных действий объявлялась Северная Атлантика, а врагом № 1 - Германия. Следующим по значимости театром военных действий считалась юго-западная часть Тихого океана, где были поставлены под угрозу позиции США в этом районе, как существующие, так и, что, пожалуй, было более важно, «будущие торговые интересы США на Тихом океане».

Такой подход не означал преуменьшения опасности от вооруженного противоборства с Японией. В Белом доме обсуждалась возможность нападения Японии на западное побережье США. Стратегия американского правительства была изложена в послании президента Рузвельта конгрессу:

«Мы не можем вести эту войну в оборонительном духе. Мы должны бить врага, и бить всякий раз и повсюду, где нам удастся настигнуть его. Мы должны удерживать его вдали от наших берегов, ибо мы намерены перенести эту войну на его собственную территорию»[4]. Поскольку вдали от американских берегов Японию пока сдерживал один Китай, считалось жизненно важным его поддержать[5].

Конференция в Вашингтоне начала свою работу 21 декабря 1941 г. На первом заседании американские политики и военные предложили принять в качестве стратегической основы следующее: «1. Главным членом держав «оси» является Германия, а поэтому решающим театром военных действий надо считать район Атлантики и Европы. 2. Независимо от вступления Японии в войну, мы продолжаем считать Германию главным противником, ее разгром явится ключом к победе. За победой над Германией должно последовать падение Италии и поражение Японии»[6]. Такая постановка проблемы встретила полное понимание со стороны Великобритании. Таким образом соотношение сил и политические соображения привели к тому, что американо-английская стратегия на Тихом океане в течение первого года войны имела оборонительный характер.

Совершенно иначе представлялось будущее гоминьдановскому правительству Чан Кайши. В Чунцине полагали, что с вступлением США в войну на Тихом океане борьба против Японии значительно активизируется. Чан Кайши рассчитывал на расширение военной помощи Китаю со стороны США и Великобритании. С этой целью одновременно с конференцией в Вашингтоне 23 декабря 1941 г. состоялось совещание в Чунцине, на котором присутствовал Чан Кайши, военный министр Китая Хо Инцин, представители США и Великобритании. На этом совещании отмечалось, что в создавшейся ситуации делом первостепенной важно-

сти является оборона Бирмы, так как именно через территорию этой страны могла доставляться военная помощь Китаю. При решении вопроса об использовании китайской армии подчеркивалось, что «китайское сопротивление должно быть сохранено путем продолжающихся поставок китайских армий для будущих наступательных действий». Было предложено создать в Чунцине объединенный военный совет, который бы представлял информацию и рекомендации, касающиеся восточно-азиатского театра военных действий[7]. Гоминьдановское правительство надеялось в качестве равноправного партнера участвовать с Соединенными Штатами Америки и Великобританией в планировании совместной стратегии. Однако эти планы не встретили и не могли встретить поддержки у западных союзников, поскольку не соответствовали англо-американской стратегической линии.

Одним из немногих практических результатов конференции в Вашингтоне для тихоокеанского региона явилось создание нового театра военных действий, названного районом «АБДА» (по первым буквам английских слов: америко-англо-голландско-австралийское). Командующим этим театром был назначен генерал Уэйвелл (Великобритания). Это решение было принято без консультаций с Чан Кайши. Ф.Д. Рузвельт, совершенно резонно полагая, что эта новость вызовет негативную реакцию в Китае, распорядился направить «ободряющее послание» Чан Кайши, прежде чем будет публично объявлено о создании единого командования в юго-западной части Тихого океана. Такое послание было направлено Рузвельтом 29 декабря 1941 г.[8], а 2 января 1942 г. было объявлено о создании объединенного командования.

Это решение оставляло в стороне Китай, так как «было очевидно, что ни одна часть Китайской республики не может быть подчинена англоамериканскому командованию». С целью поднять моральный дух своего китайского союзника США выступили с инициативой выделить Китай из общего алфавитного списка стран, подписавших Декларацию Объединенных Наций 1 января 1942 г., «чтобы подчеркнуть разницу между теми, кто активно ведет войну в своих собственных странах, и теми, кто захвачен державами оси». В окончательном списке, составленном лично Рузвельтом, стояли Соединенные Штаты Америки, Соединенное Королевство, СССР, Китай, а затем в алфавитном порядке все остальные страны[9].

Обсуждение дальневосточных проблем на Вашингтонской конференции обнаружило различие в позициях правительств США и Великобритании[10]. Эти расхождения касались, прежде всего, вопроса о значении Китая в общей военной борьбе против держав «оси». Черчилль отмечал, что в Вашингтоне он «обнаружил, что американцы, даже высшие руководители, придавали удивительно несоразмерное значение Китаю. Мне было известно, - писал Черчилль, - что Китаю приписывалась такая же боевая мощь, что и Британской империи. Я сказал президенту о том, насколько, по моему мнению, американцы переоценивают вклад, который может внести Китай в общую войну. Он совершенно не согласился со мной»[11]. Черчилля не убедили доводы Рузвельта, что значение Китая определяют его колоссальное население в 500 млн. человек и возможные быстрые темпы его развития в будущем.

В то время, когда в Вашингтоне проходила конференция, Япония продолжала свое победоносное наступление. Район, захваченный ею после нападения на Пирл-Харбор, имел форму открытого веера, центр которого находился в Токио, а его лучи протяженностью более 3 тыс. км простирались на восток до центральной части Тихого океана, в южном направлении до побережья Австралии, на запад до побережья Индии

4 января 1942 г. японские войска вторглись в Бирму с целью захвата бирманской дороги, оставшейся единственным каналом, по которому осуществлялись поставки Китаю. Сильнейшим ударом для союзников, особенно для правящих кругов Великобритании, было падение Сингапура 11 февраля 1942 г. По признанию Черчилля, это было «величайшей катастрофой английского оружия». Положение США и Великобритании на Дальнем Востоке было критическим. На следующий день после получения известия о падении Сингапура Ф.Д. Рузвельт обсуждал с Г. Гопкинсом вопрос о мерах, которые должны были быть приняты в новой ситуации. В качестве первоочередных задач были выдвинуты следующие: «1. Англичане должны взять на себя основную ответственность за немедленное укрепление Бирмы и защиту Рангуна. Соединенные Штаты должны оказать всю возможную дополнительную помощь. 2. Соединенные Штаты должны и в дальнейшем нести основную ответственность за военную помощь Китаю в виде материалов, но пока им следует ограничить поставки этих материалов таким срочно необходимым вооружением, как самолеты, боеприпасы, высокооктановый бензин и прочее оружие, которое может быть использовано китайской армией. Воздушные добровольные силы, находящиеся в настоящее время в Рангуне, должны рассматриваться как часть помощи Чан Кайши»[12].

Правительство США, не оказавшее реальной помощи китайскому народу, боровшемуся против японской агрессии с 1937 г., теперь изыскивало пути активизации военных операций гоминьдановских войск против Японии с целью ослабления нажима японских вооруженных сил на США и Великобританию на тихоокеанском театре военных действий. Для решения этой задачи в феврале 1942 г. в Китай был направлен генерал Дж. Стилуэлл. Он получил посты командующего американскими войсками в Китае и американо-китайскими войсками в Бирме. В связи с его назначением в американских правительственных кругах отмечали, что Стилуэлл «будет делать акцент на внутренней военной реорганизации Китая» с тем, чтобы китайская армия внесла больший «вклад в борьбу против Японии»[13]. Накануне отъезда Стилуэлла в Китай Ф.Д. Рузвельт направил Чан Кайши телеграмму, в которой сообщал о «быстром расширении операций по переброске самолетов через Африку и Индию в Китай и заверил его, что «эта линия снабжения в Китай будет действовать, несмотря на возможные неудачи в Бирме»[14].

9 марта 1942 г. президент Ф.Д. Рузвельт направил телеграмму премьер-министру Великобритании У. Черчиллю, предложив разделить ведение военно-морских операций между США и Великобританией следующим образом: США брали на себя ответственность за все операции в районе Тихого океана. Решения, относящиеся к этому району, должны приниматься в Вашингтоне американским объединенным комитетом

начальников штабов после консультации с совещательным органом из представителей Австралии, Новой Зеландии, Голландской Индии, Китая[15]. С этим предложением британское правительство согласилось.

Между тем положение на тихоокеанском театре военных действий продолжало ухудшаться. В марте 1942 г. английские и китайские войска в Бирме потерпели поражение. Эти военные победы Японии создали непосредственную угрозу британской колониальной империи вообще и Индии, в частности. В такой ситуации внимание правящих кругов Великобритании оказалось сосредоточенным на решении вопроса обеспечения безопасности Индии[16].

После захвата Бирмы японскими войсками в их руки перешла бирманская дорога, и Китай оказался совершенно отрезан от внешнего мира. В такой ситуации гоминьдановское руководство Китая самой важной для себя считало проблему организации американских военных поставок в Китай. Через китайского посла в Вашингтоне Сунь Цзывеня были сделаны предложения по решению этой проблемы. Один из предложенных вариантов предусматривал поставки через Персидский залив до Каспийского моря, затем по советской территории до китайской границы по железной дороге, а затем на юг по автомобильной дороге в Китай до Чунцина. Общая протяженность такого пути составляла более 5 тыс. км. Другой вариант, переданный через китайского посла в Лондоне Веллингтона Ку, можно считать самым сложным. Суда из Соединенных Штатов должны были проходить через Северный Ледовитый океан мимо Новой Земли до устья Енисея. Здесь грузы должны были перегружаться на советские речные суда в Игарке и перевозиться по Енисею до Красноярска, затем по Транссибирской железной дороге - до китайской границы, а затем 2 тыс. км - по автомобильной дороге до Чунцина. Кроме того, чунцинское правительство выдвинуло притязания на прямое участие в работе распределительных органов, изучающих и определяющих потребности стран, нуждающихся в помощи. Аргументы, выдвинутые китайской стороной, были следующие: «Никто, кроме нас, не может как следует разъяснить наши потребности, - заявил китайский дипломат. - Это не может быть сделано американскими офицерами не только потому, что они недостаточно знакомы с нашим положением, но и по политическим причинам, ибо такая процедура была бы превратно понята нашим народом»[17].

В Вашингтоне отнеслись весьма сдержанно к этим китайским инициативам. Для поставок военного снаряжения в Китай был открыт воздушный мост от Ассама в северо-восточной Индии через Гималаи в Китай протяженностью 500-700 км. Эта воздушная трасса, действовавшая в необычайно трудных высокогорных условиях в течение трех с половиной лет, являлась единственной нитью между гоминьдановским Китаем и остальным миром. Что касается распределения поставок по ленд-лизу в Китае, то обязанности главного администратора были возложены на генерала Стилуэлла.

После своего прибытия в Китай Стилуэлл подготовил в военное министерство США доклад о бирманской кампании. В этом докладе, в частности, отмечалось, что «существующая военная и политическая организация Китая в высшей степени безнадежна». Генерал Стилуэлл при-

надлежал к той части американских военных и политических деятелей, которые считали, что в условиях военных побед Японии Соединенным Штатам следует опираться на китайские вооруженные силы. Для достижения этой цели Стилуэллом и его сотрудниками были разработаны планы, суть которых сводилась к военной реформе в Китае и созданию новых армейских групп. Одну из них планировалось создать в Индии из остатков китайских подразделений, которые потерпели поражение в Бирме. Вторая группа из 30 дивизий должна была быть создана в западной части провинции Юньань. Стилуэлл полагал, что эти две армейские группировки будут сражаться в Бирме с целью разгрома вторгшихся туда японских войск.

Этот план вызвал отрицательную реакцию Чан Кайши, который, ссылаясь на критическое положение Китая, требовал только увеличения американской помощи и совершенно не стремился к военной реформе. Любопытно, что и в Вашингтоне планы Стилуэлла не встретили поддержки. «Большинство политических и военных стратегов в Вашингтоне, - писал Шэллер, - даже те, кто в целом симпатизировал Стилуэллу, решительно предпочитали не касаться щекотливой проблемы реорганизации армий Чан Кайши. Они считали, что США должны в первую очередь накапливать политический капитал в Китае»[18]. Эта позиция официального Вашингтона объяснялась еще и тем, что имевшие место разногласия в среде американских военных и политиков в вопросе о том, какому театру военных действий - тихоокеанскому или европейскому - отдать предпочтение, были урегулированы. Победили сторонники европейского театра[19]. Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что Великобритания, мало интересуясь тихоокеанским фронтом, поскольку США взяли на себя ответственность за этот район, оказывала давление на США, настаивая на операциях в Северной Африке. Это имело место во время второй Вашингтонской конференции (19 - 25 июня 1942 г.) и позднее, когда У. Черчилль пытался преодолеть сопротивление американских военных и убедил Ф.Д. Рузвельта в необходимости проведения наступательной операции в Северной Африке в 1942г.

К лету 1942 г. Япония исчерпала свои наступательные возможности. В начале июня 1942 г. США выиграли битву у о-ва Мидуэй. Это привело к тому, что на Тихом океане установилось равновесие и фронт стабилизировался.

В июне 1942 г. в связи с предстоящей высадкой союзников в Северной Африке с тихоокеанского театра военных действий была переброшена часть боевой и транспортной авиации. Это вызвало резкую реакцию Чан Кайши и обострило американо-китайские отношения[20]. 26 июня 1942 г. Чан Кайши вызвал Стилуэлла и угрожал заключить мирный договор с Японией, если США не пересмотрят свою политику в отношении Китая. 28 июня он вручил Стилуэллу официальную ноту американскому правительству Ответ из Белого дома был послан немедленно Ф.Д. Рузвельт заверял главу китайского правительства, что «отвлечение этих самолетов представляет собой временную меру» и что США и их союзники «считают борьбу Китая жизненно важной частью наших общих военных усилий и рассчитывают на сохранение китайского театра военных действий как совершенно необходимого для разгрома наших

врагов»[21]. В последующие месяцы наметившаяся тенденция к стабилизации и равновесию сил на тихоокеанском театре военных действий упрочилась «при явно опережающем наращивании военной мощи Соединенными Штатами в этом районе»[22].

В октябре 1942 г. в правительстве США впервые был поднят вопрос о возможном участии СССР в разгроме Японии. В меморандуме отмечалось, что «при участии России в качестве активного и мощного союзника мы сумеем в ближайшем будущем эффективно бомбардировать Японию. Без нее для этого, вероятно, потребуется гораздо больше времени... и каждый месяц этой войны будет стоить нам много жизней и миллиарды долларов»[23]. Бесспорно, такой подход оказывал свое влияние на формирование дальневосточной политики США. Сотрудник американского посольства в Чунцине, политический советник Стилуэлла, Дж. Дэвис в октябре 1942 г. посетил Вашингтон и исходя из бесед с руководящими деятелями пришел к выводу, что «военные соображения не являются главными для планировщиков китайского театра, ...в военном министерстве и госдепартаменте надеялись сохранить военный и политический статус кво»[24]. Кроме того, события, происходившие на других фронтах Второй мировой войны в последующие месяцы, оказывали свое влияние на американскую политику на Дальнем Востоке. К таким событиям можно, бесспорно, отнести победы советской армии, в частности Сталинградскую битву. О значении Сталинградской битвы и ее влиянии на американскую стратегию один из биографов Рузвельта писал следующее: «Завершение грандиозной русской победы в Сталинграде изменило всю картину войны и перспективы ближайшего будущего. В результате одной битвы, - которая по времени и невероятному количеству потерь была фактически равна отдельной крупной войне, - Россия стала в ряды великих мировых держав... Рузвельт понял, что должен теперь взглянуть в более далекое будущее, чем военная кампания 1943 г., и заняться рассмотрением вопросов послевоенного мира»[25].

В такой ситуации американские политические руководители придавали все большее значение Китаю как союзнику не только в годы войны, но и в послевоенный период. Со своей стороны китайское руководство недвусмысленно давало понять о намерении Чунцина следовать в фарватере американской политики. Об этом было заявлено во время поездки в США в феврале 1943 г. жены Чан Кайши Сун Мэйлин. Эта образованная и красивая женщина, свободно владеющая английским языком, выступила на совместном заседании конгресса с целью привлечь внимание американских полигиков и общественности к нуждам Китая. Во время беседы с американским президентом Сун Мэйлин заверила, что «Китай питает доверие к Рузвельту и его политике и поэтому хочет заранее взять на себя обязательства относительно послевоенного сотрудничества»[26].

Необходимость сохранения Китая в качестве союзника требовала принятия решений, способных оказать позитивное влияние на Дальнем Востоке. Для обсуждения вопросов совместной стратегии Ф.Д. Рузвельт и У. Черчилль встретились на конференции в Касабланке в январе 1943 г. Желая подчеркнуть, что в центре внимания будут только военные вопросы, в состав делегации были включены высшие военные ру-

ководители обеих стран. Результатом одиннадцатидневных переговоров явился документ, который подтвердил прежние приоритеты. У. Черчиллю удалось получить согласие Ф.Д. Рузвельта на проведение главной операции союзников в 1943 г. на Сицилии.

Что касается Дальнего Востока, то по инициативе американской стороны обсуждался вопрос о проведении наступательной операции в Бирме с целью освобождения от японских войск бирманской дороги. Операция мыслилась как совместная американо-англо-китайская. От Чан Кайши было получено предварительное согласие, но при условии предоставления транспортных самолетов и поддержке сухопутных операций действиями английского флота в Бенгальском заливе[27]. Однако британский премьер-министр выступил против наступления в Бирме и отказался поддержать его английскими военно-морскими силами в Бенгальском заливе. Это, в свою очередь, привело к тому, что Чан Кайши также заявил о своем отказе участвовать в операции[28].

На заседании англо-американского комитета начальников штабов 17 января генерал Дж. Маршалл предупредил, что «если операция «Анаким» (кодовое название предполагаемой операции в Бирме. - *Л. К.*) не будет осуществлена, положение на Тихом океане может повести к тому, что США будут вынуждены отказаться от своих обязательств на европейском театре». Со своей стороны президент Ф.Д. Рузвельт подчеркнул, что помощь, оказываемая Китаю, имеет, прежде всего, политическое значение. Английская делегация уступила и в принципе согласилась на проведение операции «Анаким», но срок ее проведения не был установлен. Было решено также «улучшить воздушную транспортировку в Китай путем предоставления дополнительных транспортных самолетов и увеличения американских военно-воздушных сил, действующих сейчас в Китае, до максимального размера»[29]. В целом решения Касабланкской конференции о дальнейших операциях против Японии на Дальнем Востоке имели весьма общий характер, и конкретное планирование боевых операций все больше сосредоточивалось в руках американского командования.

Бесспорно, на политику США и Великобритании в отношении Китая большое влияние продолжала оказывать потенциальная угроза выхода Китая из войны и заключения сепаратного мира с Японией, а также изменения внешнеполитического курса Японии в Китае и в странах Юго-Восточной Азии. Правящие круги Японии были заинтересованы в прекращении японо-китайской войны и предпринимали усилия для «политического решения» китайской проблемы. В конце декабря 1942 г. в Японии был принят документ «Основной курс урегулирования китайского вопроса с целью завершения войны в великой Восточной Азии». В плане практической реализации этого курса в январе 1943 г. Япония заключила с марионеточным прояпонским правительством Ван Цзинвея соглашение об отмене прав экстерриториальности, изменило характер оккупационного режима, всячески стремилось усилить антиамериканские и антианглийские настроения в Китае[30]. Имели место контакты между японской дипломатией и прояпонски настроенными кругами гоминьдана с целью заключить сепаратный японо-китайский договор и тем самым вывести Китай из войны. Победы на советско-германском фронте, переход стратегической инициативы в 1943 г. к странам анти-

гитлеровской коалиции побудили также правящие круги Японии изменить политику в отношении оккупированных ею стран. 1 августа 1943 г. началась полоса провозглашения «независимости» Бирмы, Филиппин, Голландской Индии, Таиланда, нанкинского правительства Ван Цзинвея. В ноябре 1943 г. в Токио прошла конференция марионеточных правительств из оккупированных японскими войсками вышеназванных стран.

В такой ситуации правящие круги США, стремившиеся заручиться поддержкой азиатских народов, должны были предпринять ответные меры. Однако их инициативы поднять международный престиж гоминьдановского Китая наталкивались на сопротивление английского правительства. У. Черчилль в памятной записке министру иностранных дел Великобритании А. Идену от 21 октября 1942 г. писал о нежелании британского кабинета рассматривать чунцинское правительство Чан Кайши как представителя великой мировой державы. По мнению Черчилля, при таком положении дел «появился бы голос на стороне Соединенных Штатов в любой попытке ликвидировать Британскую заморскую империю»[31]. Эта позиция Великобритании осталась неизменной и была продемонстрирована во время визита А. Идена в Вашингтон в марте 1943 г. При обсуждении вопроса о создании послевоенной международной организации безопасности Ф.Д. Рузвельт высказался за включение Китая в число великих держав и предложил ввести его в руководящий орган будущей организации. Американский президент подчеркнул, что Китай «сыграет полезную роль, помогая держать Японию в узде, и что он хочет всемерно укрепить Китай». Иден поставил под сомнение способность Чан Кайши добиться внутренней стабилизации и заявил, что, «возможно, после войны Китаю придется пережить революцию»[32]. Ф.Д. Рузвельт убеждал Идена, что «Китай при любом серьезном политическом столкновении с Россией будет, несомненно, на нашей стороне». Очевидно, этот аргумент показался английским политикам убедительным, и они согласились привлечь Китай к созданию будущей Организации Объединенных Наций. Важное политическое решение, инициированное правительством США, было принято в мае 1943 г. в г. Хот-Спрингс, штат Вирджиния, на конференции стран антигитлеровской коалиции. На этой конференции американское и английское правительства объявили об отказе от «прав экстерриториальности» в Китае.

Между тем вопросы военной стратегии США и Великобритании вообще и на Дальнем Востоке, в частности, очень активно обсуждались на встречах глав двух стран в течение всего 1943 г. После конференции в Касабланке в январе 1943 г., где был поставлен вопрос о необходимости военных операций в Бирме с целью оказания помощи Китаю, Ф.Д. Рузвельт и У. Черчилль встретились на очередной англо-американской союзной конференции в Вашингтоне в мае 1943 г. Эта конференция получила кодовое название «Трайдент» и еще раз продемонстрировала различные цели и подходы американского президента и английского премьер-министра. Принципиально важным для стран антигитлеровской коалиции было решение руководителей США и Великобритании об открытии второго фронта в Западной Европе в 1944 г. Что касается Даль-

него Востока. Шервуд признает, что главной заботой Ф.Д. Рузвельта «было обеспечить дальнейшее участие Китая в войне. Именно это имел в виду президент в любых своих решениях»[33].

Английский премьер-министр был озабочен восстановлением и сохранением колониальных владений Великобритании в Юго-Восточной Азии. Признавая наличие серьезных разногласий между США и Великобританией, У. Черчилль поставил британской делегации задачу убедить американских союзников в том, что Англия придает важное значение тихоокеанскому региону, но объективные обстоятельства, а именно джунгли и сезон муссонов, требуют изменения плана военной операции «Анаким» в Бирме. В качестве альтернативы Черчилль предложил подготовить и осуществить операцию по освобождению острова Суматра, что явилось бы шагом по возвращению Сингапура Великобритании[34]. Однако это предложение не было поддержано американскими политиками.

На Вашингтонской конференции 1943 г. сложилась щекотливая ситуация в связи с конфликтом между Чан Кайши и американским генералом Стилуэлло. Дж. Стилуэлл был одним из немногих, если не сказать единственным, американским офицером высокого ранга, который владел китайским языком, хорошо знал положение дел в Китае и, относясь с большим уважением к китайскому народу, открыто и резко критиковал режим Чан Кайши.

Стилуэлл, как было сказано выше, был сторонником активизации военных усилий гоминьдановского Китая против Японии. Выступая за оказание помощи Китаю ввиду того, что его экономическое положение быстро ухудшалось, а «моральное состояние народа и армии плохое», Стилуэлл предложил план реорганизации китайской армии и участия ее в наступательных операциях против японских войск на бирманском фронте. Чан Кайши выступил резко против и обратился к президенту Ф.Д. Рузвельту с просьбой увеличить помощь Китаю за счет поставок по воздуху, так как, по его мнению, «только воздушная мощь будет иметь какую-либо ценность в теперешней ситуации». Неожиданно Чан Кайши получил поддержку от Черчилля, который, стремясь избежать проведения сухопутных операций в Бирме, также выступил сторонником увеличения воздушной мощи. Такой поворот позволял Великобритании полностью устраниться, так как все бремя материальных и прочих расходов по увеличению военно-воздушных сил в Китае ложилось на США.

Поскольку принятие предложений Стилэулла неизбежно вовлекало США во внутриполитические проблемы Китая, а американские политики хотели избежать именно этого в рассматриваемое время, то в ходе переговоров стороны, причем каждая исходила из собственных интересов, пришли к выводу, что план и содержание операции «Анаким» должны быть изменены. 17 мая 1943 г. Г. Гопкинс передал Сун Цзывеню, присутствовавшему на конференции, что операция «Анаким» будет осуществлена зимой 1943/44 гг. Сейчас обсуждаются детальные планы для каждой фазы операции»[35]. В своем же дневнике Гопкинс записал следующее: «Подготовка к осуществлению операции «Анаким» должна

была продолжаться, но она носила лишь «административный» характер, что означало, что она проводится лишь на бумаге, а не на деле»[36].

После продолжительных дискуссий был согласован окончательный доклад, одобренный Ф.Д. Рузвельтом и У. Черчиллем. Было решено сконцентрировать все имеющиеся в распоряжении ресурсы на строительстве и увеличении воздушных путей в Китай, усилить воздушные операции против японских войск в Бирме и увеличить американские военно-воздушные силы в Китае[17]. Это решение было доведено до сведения Чан Кайши, и тот в своем ответном послании благодарил Ф.Д. Рузвельта за принятые решения[38]. Как отмечал американский историк М. Шэллер, это решение субсидировать воздушную мощь в Китае «обнаружило не военные, а политические обязательства. Воздушная мощь была подачкой Чан Кайши, способом купить его поддержку для более широкого американского диктата»[39].

Однако, добившись увеличения поставок, Чан Кайши не стремился активизировать военные действия против Японии. Боеспособность гоминьдановской армии, как это неоднократно отмечали американские военные и дипломаты в Китае, оставалась очень низкой. За годы войны с Японией с 1937 г. системы автоматического оружия использовались только на 30 - 40 %, инженерно-саперное имущество - на 45 - 47 %, автотранспорт - на 28 - 33 % из-за того, что солдаты и офицеры не были обучены пользоваться ими. Лучшие свои дивизии Чан Кайши направил на борьбу с вооруженными силами КПК. В то же время в Чунцине продолжались контакты между представителями китайского правительства и гоминьдана с японскими эмиссарами, приезжавшими из Нанкина. В связи с этим в июле 1943 г. посол США в Чунцине К. Гаусс заявил Чан Кайши протест и сообщил о «недовольстве» Ф.Д. Рузвельта этими фактами и пассивностью гоминьдановских войск. Чан Кайши поспешил заверить американского президента в готовности продолжать совместную борьбу[40].

В Вашингтоне американские политики вели подготовку к очередной англо-американской конференции, которую планировалось провести в Квебеке (Канада). Соединенные Штаты, как и весь мир, находились под впечатлением грандиозной победы Советской Армии на Курской дуге, которая знаменовала завершение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны советского народа и всей мировой войны. События на советско-германском фронте оказывали непосредственное влияние на официальные круги в Лондоне и Вашингтоне. Бесспорно, главным на Квебекской конференции был вопрос о высадке англо-американских войск в Северной Франции в мае 1944 г. (операция «Оверлорд»), хотя повестка дня переговоров предусматривала обсуждение многих военных и политических проблем Европы и Дальнего Востока.

В ходе подготовки к конференции объединенным комитетом начальников штабов США был подготовлен меморандум, посвященный дальневосточным проблемам, в котором констатировалось наличие различных подходов у США и Великобритании. В меморандуме подчеркивалось, что «английское правительство руководствуется целью восстановить престиж британской империи на Дальнем Востоке», и в первую очередь будет стремиться вернуть Сингапур. Для достижения этой цели

они попытаются добиться согласия США на проведение совместной кампании. Аналитики из объединенного комитета начальников штабов США советовали воздержаться от заключения какого-либо соглашения по этому вопросу.

Что касается целей США в Китае и на Дальнем Востоке, они формулировались исходя из сложившейся ситуации. Меморандум отмечал численное превосходство китайских войск над японскими и вместе с тем их плохую подготовку и оснащенность, вследствие чего они были неспособны к каким-либо наступательным операциям, кроме операций местного масштаба. Эта военная слабость Китая объяснялась «общими условиями», которые явились результатом потери промышленных районов, разрушения коммуникаций и изоляцией от внешнего мира. Оценивая стратегические резервы Китая, американские аналитики считали, что при обеспечении достаточного количества поставок и выполнении плана снаряжения и подготовки китайских войск положение может улучшиться и огромный людской потенциал Китая может быть эффективно использован Объединенными Нациями[41].

Следует отметить, что протоколы заседаний Квебекской конференции (14 - 24 августа 1943 г.) подтверждают правильность оценок, данных американскими военными и политиками. Наряду с разногласиями по вопросам европейской стратегии, с новой силой проявились англо-американские разногласия по вопросам дальневосточной политики. Принятые решения носили компромиссный характер. В итоговом документе от 24 августа 1943 г. подчеркивалось, что общей целью союзников является безоговорочная капитуляция держав «оси». Поражения Японии планировалось достичь в течение 12 месяцев после окончания военных действий в Европе. Относительно Китая было решено оказать ему помощь и использовать его территорию для операций против Японии. Планировалось освободить Северную Бирму в середине февраля 1944 г. с целью улучшения воздушных и сухопутных коммуникаций с Китаем[42].

Английскому премьер-министру удалось провести решение о создании командования в Юго-Восточной Азии во главе с английским адмиралом лордом Л. Маунтбэттеном. Его заместителем был назначен генерал Стилуэлл, но это американское присутствие в лице генерала в командовании Юго-Восточной Азии было формальным, так как Стилуэлл имел к этому времени и так много должностей, которые требовали внимания и сил. Он являлся командующим китайско-бирмано-индийским театром военных действий, главным администратором по распределению поставок ленд-лиза в Китае и являлся начальником штаба армии Чан Кайши.

В политическом отношении основным достижением Квебекской конференции явилась подготовка проекта декларации четырех держав - СССР, США, Великобритании и Китая - о создании послевоенной международной организации. Включение Китая в число четырех великих держав произошло после настойчивых просьб Чан Кайши признать Китай в качестве равноправного партнера и под давлением Ф.Д. Рузвельта на английское правительство. Впрочем, известный американский историк Дж. Фэйрбэнк писал, что признание Китая в качестве великой державы было скорее по форме, чем по существу[43]. Коренной перелом в ходе Второй мировой войны благоприятствовал активизации военных

действий США и Великобритании на Тихом океане. Японская система обороны во многих пунктах Тихого океана была прорвана. В 1943 г. англо-американские войска заняли остров Гуадалканал, Соломоновы о-ва, о-ва Гилберта и приступили к операциям в центральной части Тихого океана. Американские военные разработали новые стратегические планы, в соответствии с которыми наступление на Японию должно было осуществляться не с баз континентального Китая, а с тихоокеанских островов.

Дальнейший ход войны, прежде всего настоятельная необходимость открытия второго фронта в Европе, возросший международный авторитет советского государства требовали проведения конференции глав правительств СССР, США и Великобритании. Местом встречи был выбран Тегеран. У. Черчилль настаивал на предварительном англо-американском совещании. Ф.Д. Рузвельт отклонил идею двусторонней встречи, но со своей стороны предложил провести англо-американо-китайскую конференцию для обсуждения дальневосточных вопросов. Таким образом была созвана конференция в Каире. В ходе подготовки США к Каирской конференции президент Рузвельт направил в Китай своего личного представителя генерала П. Хэрли. Возвратившись из поездки по Китаю, где он встречался с Чан Кайши, Стилуэллом и др., Хэрли доложил президенту, что наиболее обнадеживающим было то, что Чан Кайши заверил его, что Китай «будет следовать за Соединенными Штатами в дипломатических и политических вопросах, которые будут обсуждаться на предстоящей конференции». Однако при этом Хэрли очень скептически относился к способности и готовности Китая внести материальный вклад в наступательную войну против Японии[44].

В ходе подготовки к конференции американский комитет начальников штабов представил президенту меморандум о положении на Дальнем Востоке и на Тихом океане в 1944 г.[45]. В нем отмечалось, что Япония будет пытаться урегулировать отношения с Чунцином политическим путем, однако, говорилось в меморандуме, «после Московской конференции шансы на успех в этом направлении уменьшились»[46]. Оценивая намерения и возможности Китая, американские военные руководители, как и прежде, отмечали низкую боеспособность китайских войск, из которых только пятая часть была в состоянии выдержать оборонительные операции и то только с помощью эффективной поддержки с воздуха. В противоположность гоминьдановским войскам армии, возглавляемые КПК и насчитывавшие 600 тыс. человек, отличала высокая боеспособность, а результатом были успешные боевые действия против японцев за последние месяцы.

Соединенные Штаты планировали обсудить на конференции следующие вопросы: положение в Китае, отношение Чан Кайши к предполагаемому участию Советского Союза в войне на Дальнем Востоке, участие китайских войск в операциях в Северной Бирме, поставки Китаю снаряжения и подготовка китайских войск, а также создание американских воздушных баз в Китае. Кроме этого, Соединенные Штаты готовились к обсуждению проблемы присутствия вооруженных сил США в Китае и взаимоотношений между генералиссимусом и другими командующими на дальневосточном театре военных действий, а также та-

ких послевоенных проблем, как участие Китая в оккупации Японии и возвращение китайских территорий, достижение соглашения о взаимной безопасности, проблема военных и военно-морских баз, обеспечение необходимой помощи Китаю для создания им сухопутных, воздушных и морских сил для выполнения тех обязанностей, которые Китай сможет принять на себя[47].

Со своей стороны Чан Кайши тоже готовился к конференции. По его заданию генерал Стилуэлл подготовил меморандум, который содержал программу подготовки на американские средства 90 китайских дивизий. Для подготовки первой группы из 30 дивизий предполагалось привлечь 200 американских инструкторов. Подготовка трех групп по 30 дивизий планировалась в три этапа: к 1 января 1944 г., к маю 1944 г. и к 1 января 1945 г. Чан Кайши согласился с тем, что Китай будет участвовать в сухопутных операциях по освобождению Бирмы при поддерживающих действиях английского флота в Бенгальском заливе. Чан Кайши рассчитывал на помощь из Соединенных Штатов в создании собственно китайских военно-воздушных сил в составе двух групп истребителей, одной группы средних бомбардировщиков, одной эскадрильи разведывательных самолетов и одной транспортной эскадрильи. К августу 1944 г. планировалось создать третью группу истребителей и группу тяжелых бомбардировщиков[48].

Каирская конференция начала свою работу 22 ноября 1943 г. Говоря в целом об этой конференции, следует отметить, что дальневосточным вопросам был отдан приоритет, и обсуждение их заняло больше времени, чем обсуждении операции «Оверлорд» и других европейских проблем.

Двусторонние американо-китайские переговоры охватывали широкий круг проблем: международное положение Китая, положение японского императорского дома, оккупацию Японии, судьбу народов Юго-Восточной Азии, экономическую помощь Китаю. Соединенные Штаты не планировали активного обсуждения с Чан Кайши вопросов военной стратегии. Протоколы тех немногих официальных заседаний, свидетельствуют о том, что «генералиссимус, как правило, очень неохотно брал на себя конкретные обязательства, сопровождая каждое заявление оговорками и ограничениями». Было совершенно очевидно, что Чан Кайши по-прежнему не был заинтересован в реализации американских планов в Северной Бирме, где китайским дивизиям предназначалось стать основной живой силой. Поэтому китайский генералиссимус выдвигал условие обязательных одновременных морских операций английского военно-морского флота. У. Черчилль, как и прежде, тоже без особого энтузиазма относился к предложениям о крупных операциях в Бирме, так как «рассматривал последнюю скорее как аванпост Британской империи», и, как отмечал Шервуд, «ему вовсе не нравилась мысль, что американцам или, скорее всего, китайцам будет принадлежать заслуга ее освобождения».

Что касается общих результатов Каирской конференции, следует подчеркнуть, что ее участники не смогли выработать согласованные решения по вопросам военных действий в Азии и на Тихом океане. Соглашение об операции в Бирме Шервуд классифицировал как «мнимое».

По его мнению, острые дискуссии по вопросам стратегии проистекали из того факта, что «в Юго-Восточной Азии англичане и американцы вели две разные войны и преследовали различные цели, а гоминьдановское правительство Китая вело третью войну, имея в виду главным образом свои собственные интересы»[49]. И все же наиболее важным итогом двусторонних переговоров между Ф.Д. Рузвельтом и Чан Кайши в Каире явилась принципиальная договоренность о послевоенном сотрудничестве США и Китая в Азии. В обмен на предоставление экономической и военной помощи Соединенные Штаты получали базы на китайской территории, а также, что более важно, послушного младшего партнера и опору в деле упрочнения позиций США на Дальнем Востоке и в колониальных странах Юго-Восточной Азии[50].

Одним из немногих официальных документов явилась Каирская декларация трех держав от 1 декабря 1943 г. В этой декларации говорилось, что цель трех держав - лишить Японию всех островов на Тихом океане, захваченных ею с начала Первой мировой войны, а также возвращение Китайской республике Маньчжурии, Формозы (Тайвань) и Пескадорских островов (о-ва Пэнхуледао). Кроме того, провозглашалась необходимость предоставления независимости и свободы Корее[51]. Значение Каирской конференции заключалось в том, что на ней впервые обсуждались политические и территориальные проблемы Дальнего Востока.

Чан Кайши покинул Каир полный надежд, что ему удалось лично заручиться поддержкой президента Ф.Д. Рузвельта и что, наконец-то, требования Китая будут удовлетворены. Однако достигнутые договоренности соблюдались не более десяти дней. Коррективы в дальневосточную стратегию США и Великобритании внесла встреча Ф.Д. Рузвельта, У. Черчилля и И.В. Сталина в Тегеране.

Тегеранская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании проходила с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. Ф.Д. Рузвельт информировал советского руководителя о ходе войны против Японии и о решениях Каирской конференции. При обсуждении дальневосточных проблем И.В. Сталин сообщил американскому президенту и английскому премьер-министру решение Советского Союза вступить в войну против Японии после поражения фашистской Германии. Несмотря на различные позиции по ряду вопросов, Тегеранская конференция продемонстрировала сотрудничество трех великих держав и их нацеленность на быстрейшее окончание Второй мировой войны.

После завершения конференции в Тегеране президент Ф.Д. Рузвельт и премьер-министр У. Черчилль и их помощники провели двустороннее совещание в Каире с 4 по 6 декабря 1943 г. В связи с утвержденными планами и стратегией союзников в Западной Европе на 1944 год руководителям США и Великобритании пришлось отказаться от некоторых решений, достигнутых на первой Каирской конференции. Прежде всего, утверждение сроков вторжения союзников в Северной Франции весной 1944 г. делало невозможным проведение крупномасштабной англо-американо-китайской операции в Бирме. 5 декабря Ф.Д. Рузвельт и Г. Гопкинс подготовили послание Чан Кайши, которое одобрил У. Черчилль. В этом послании сообщалось о невозможности «выделить достаточное количество судов для десантной операции в Бенгальском заливе,

которая должна была быть проведена одновременно с операцией «Тарзан» (новое название операции в Бирме. - *Л.К.*), чтобы обеспечить ее успех». На усмотрение Чан Кайши оставляли вопрос проводить операцию «Тарзан» или отложить ее до ноября»[52].

Продолжавшиеся достаточно долго англо-американские дискуссии по вопросу о бирманской кампании вспыхнули с новой силой в Каире. Стремление американского президента выполнить обязательства перед Чан Кайши в каком-либо объеме и во что бы то ни стало вызвало сложные чувства у британского премьер-министра. В своих мемуарах У. Черчилль с плохо скрытым раздражением отмечал давление со стороны Ф.Д. Рузвельта и его желание отвоевать Бирму для восстановления дороги в Китай, которая, по мнению Черчилля, имела сомнительную ценность. «Мы, безусловно, положительно относились к усилиям, имевшим целью обеспечить участие в войне Китая, - писал он. - ...однако необходимо было сохранить чувство меры и иметь в виду возможные альтернативы. Мне чрезвычайно не нравилась перспектива боевых действий в Северной Бирме. Трудно было выбрать худшее место для наступления против японцев». Мотивы такой позиции Черчилль указал довольно откровенно: «Бирма далека от Японии, и отвлечься туда, дать увязнуть там нашим войскам означало бы лишить нас принадлежащей нам по праву доли в победе на Дальнем Востоке»[53]. Правящие круги Великобритании настойчиво стремились вернуть под свой контроль колониальные владения на Дальнем Востоке и на Тихом океане. Одной из первоочередных целей английское правительство видело возвращение Сингапура. Однако в ходе переписки между Ф.Д. Рузвельтом и У. Черчиллем американский президент сумел убедить британского премьер-министра предпринять «самую энергичную акцию» в Бирме для того, чтобы помешать противнику и не дать ему вторгнуться в Индию. Очевидно, этот последний аргумент не мог оставить Черчилля равнодушным, и в январе 1944 г. союзные войска под командованием генерала Стилуэлла начали наступление в Бирме, хотя и ограниченными силами.

В июне 1944 г. состоялась высадка англо-американских войск в Северной Франции. На советско-германском фронте в результате широкого и успешного наступления в Белоруссии Советская Армия вышла к границам Польши. Эти успехи в Европе способствовали наступательным действиям союзников в центральной и южной частях Тихого океана. Японские войска были вынуждены оставить захваченные территории в Индии и Бирме. Отдавая должное мужеству солдат союзников, сражавшихся против японских войск, нельзя не признать, что операции в Бирме, на которых особенно настаивало правительство США, не оказали серьезного воздействия на общий ход войны на тихоокеанском театре военных действий. По признанию Шервуда, летом 1944 г. на фоне военных успехов союзников «огромный район побед не включал в себя Бирму и Китай»[54]. Более того, Япония по-прежнему оставалась способной вести длительную войну против США и Великобритании своими сухопутными силами на азиатском континенте. И весной 1944 г. японское командование начало одно из самых мощных наступлений за все годы войны в Китае с лета 1937 г. Это наступление осуществлялось в южном направлении и создало угрозу столице чанкайшистского Китая - г. Чунцину и г. Кунмину, который был конечным пунктом воздушного

моста, по которому осуществлялись американские поставки в Китай. За несколько месяцев японские войска подчинили себе огромную территорию - более 200 тыс. кв. км с населением 60 млн. человек. Этот успех японских сухопутных войск должен был компенсировать островные потери Японии на Тихом океане.

В целом операции, осуществленные странами антигитлеровской коалиции в 1944 г., означали вступление Второй мировой войны в новый, завершающий этап. В такой обстановке правительство США и Великобритании провели еще. одну двустороннюю встречу для согласования совместной военной стратегии, а также политических проблем, связанных со скорым поражением Германии. Такая встреча Ф.Д. Рузвельта и У. Черчилля состоялась в Квебеке с 13 по 19 сентября 1944 г. По признанию Шервуда, «внешняя обстановка на второй Квебекской конференции была той же, но атмосфера ее была совершенно новой»[55]. Эта новизна определялась в значительной степени тем, что за годы Второй мировой войны позиции Британской империи оказались ослабленными, в то время как мощь и влияние Соединенных Штатов постоянно возрастали. Пожалуй, именно при обсуждении вопросов войны на Тихом океане обнаружились изменения в положении англо-американских союзников и, как следствие, изменения в их взаимоотношениях.

Следует отметить, что на протяжении всех лет войны на Тихом океане основное бремя несли Соединенные Штаты Америки. Но на завершающем этапе войны, считал Черчилль, роль британских войск на Дальнем Востоке не должна ограничиваться лишь оказанием незначительного содействия американским войскам. Обеспокоенный восстановлением утрачиваемых Британией позиций, Черчилль в своих мемуарах отмечал: «...теперь наступило время для освобождения Азии, и я намерен был добиться того, чтобы мы приняли в этом деле полное и равное с другими участие... Мы должны были на поле боя вернуть принадлежащие нам по праву владения на Дальнем Востоке, а не дожидаться того, чтобы нам возвратили их за столом мирной конференции». Премьер-министр полагал, что британский флот должен принять полное участие в наступлении на Японию, а после поражения Германии на Дальний Восток могли быть переброшены и английские военно-воздушные силы. Настойчивость Черчилля в этом вопросе натолкнулась на сопротивление американского командующего военно-морскими силами адмирала Э. Кинга, командующего военно-воздушными силами США генерала Г. Арнольда и др. Напряженность и драматизм этой ситуации Черчилль передал в своих мемуарах: «Английский флот был предложен, - повторил я. - Принято ли это предложение? «Да, - сказал Рузвельт. «Позволите ли вы также английским военно-воздушным силам принять участие в основных операциях?»

Здесь оказалось значительно труднее получить прямой ответ... Маршалл заявил: «Не так давно мы во всеуслышание требовали самолетов. Теперь мы имеем их в избытке».

Я сказал, что ради хороших отношений, от которых столь многое зависит в будущем, жизненно важно, чтобы англичанам была дана возможность нести свою справедливую долю бремени в основных операциях против Японии»[56].

После дискуссии окончательный доклад объединенного англо-американского штаба был одобрен Ф.Д. Рузвельтом и У. Черчиллем. Что касается военной стратегии на тихоокеанском театре, принципиально важное решение сводилось к определению сроков окончания войны против Японии предположительно через 18 месяцев после разгрома Германии. Наряду с этим были утверждены планы операций в Бирме, которые должны были сопровождаться высадкой десанта в столице Бирмы - Рангуне еще до наступления сезона муссонов в 1945 г. Ввиду указанных выше трений и разногласий на тихоокеанском театре военных действий не было создано единого командования, как в Европе. Продвижением в юго-западной части Тихого океана командовал американский генерал Д. Макартур, в Юго-Восточной Азии - английский адмирал лорд Л. Маунтбэттен, действиями военно-морских сил командовал американский адмирал Ч. Нимиц.

В конце 1944 - начале 1945 гг. из более чем 4 млн. человек в сухопутных войсках Японии 1856 тыс. солдат и офицеров дислоцировались в Китае, в то время как в Юго-Восточной Азии — 490 тыс., на островах Тихого океана - 339 тыс. человек. На азиатском континенте важной промышленной базой Японии была Маньчжурия, которая делала ее оборонительный потенциал достаточным для длительного сопротивления даже при условии высадки англо-американских войск на самих японских островах. В то время, когда война на Тихом океане велась преимущественно военно-морскими силами, сокрушить японскую мощь на континенте в свете достигнутых ранее договоренностей должны были советские войска после разгрома Германии. Неудивительно, что на Квебекской конференции при обсуждении дальневосточной стратегии США и Великобритании практически был обойден молчанием вопрос о военном вкладе гоминьдановского Китая в общую победу союзников.

Как было сказано выше, в эти и последующие месяцы положение Китая в результате японского наступления было критическим. Положение усугублялось внутренней борьбой между гоминьданом и КПК. В рассматриваемое время США стали проявлять все больший интерес к внутриполитическому положению в Китае и стремились сохранить во главе Китая те силы, которые бы Соединенные Штаты могли легко использовать в своей дальневосточной и глобальной политике. Поэтому в центре внимания вашингтонских политиков становятся переговоры между КПК и гоминданом с целью создания коалиционного правительства.

Ключ к пониманию мотивов и целей правительства США в Китае на завершающем этапе войны дают документы госдепартамента, подготовленные в конце 1944 г. к предстоящей Ялтинской конференции. В планировании своей китайской политики США исходили из того, что «Китай является ареной прежде всего американских интересов» и что «сильный дружественный Китай сделает много, чтобы облегчить нашу задачу и обеспечить взаимовыгодные связи». При этом подчеркивалось, что недостаточно проводить негативную политику довоенного периода - «мы должны принять лидерство в развитии Китая». В американских правящих кругах обсуждались краткосрочные и долгосрочные цели в Китае. В качестве краткосрочных планировалось предоставление прямой военной помощи китайским вооруженным силам в виде поставок

военных материалов, создания военно-воздушных сил и др. и поощрение эффективного американо-китайского военного сотрудничества. Меморандум, озаглавленный «Долгосрочные цели и политика США в отношении Китая», гласил, что «Китай будет необходим как главный стабилизирующий фактор на Дальнем Востоке». Исходя из этого определялись политические цели, а именно, «продолжать поддерживать существующее правительство Китая», т.е. гоминьдановское правительство Чан Кайши. При этом правящие круги США рассчитывали, что Китай станет орудием проведения их колониальной политики в отношении Кореи, Бирмы, стран Юго-Восточной Азии[57]. Что касается экономической сферы, то в Вашингтоне решили «продолжать предоставлять Китаю всю практическую экономическую и финансовую помощь, которую он может запросить».

Что касается политики Великобритании по отношению к Китаю, то она была недвусмысленно изложена У. Черчиллем во время англо-американской встречи на Мальте (30 января - 2 февраля 1945 г.). На заседании 2 февраля английский премьер-министр заявил Ф.Д. Рузвельту, что «американские и британские операции в этой части мира разойдутся. Американские усилия будут направлены в Китай, а Великобритания повернет на юг»[58]. Английские правящие круги рассчитывали, что тем самым Соединенные Штаты не будут препятствовать Великобритании восстанавливать ее позиции и влияние в своих и голландских колониях.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно отметить следующее. Анализ документов и материалов англо-американских конференций 1941 -1945 гг. показывает, что вопрос об участии Китая в общей борьбе стран антигитлеровской коалиции неизбежно возникал, когда американские и английские руководители обращались к дальневосточным проблемам. При этом позиция каждой из сторон определялась ее собственными устремлениями, что приводило к довольно острым англо-американским разногласиям. Именно из-за этих разногласий западные союзники не смогли выработать согласованную линию в отношении Китая. При этом следует подчеркнуть, что инициатива в принятии тех или иных шагов в отношении Китая, как правило, исходила от американского правительства. Ввиду того, что в годы Второй мировой войны приоритет отдавался европейскому театру военных действий и военные возможности Китая были ограничены, его участие в антияпонской борьбе не переоценивалось ни в Лондоне, ни в Вашингтоне. Западным союзникам не удалось осуществить сколько-нибудь значительные военные операции в этом регионе. Однако военная стратегия определялась в конечном итоге политическим расчетом, а именно, необходимостью сохранить Китай на стороне антигитлеровской коалиции вообще и сделать его опорой прежде всего дальневосточной политики США.

Правящие круги США изначально стремились к укреплению собственных позиций в Китае, всегда и неизменно оказывали поддержку гоминьдановскому Китаю. Рубежом в политике США в Китае в годы Второй мировой войны явился 1943 г., когда в результате коренного перелома, достигнутого самоотверженной борьбой советской армии, произошли изменения в стратегических планах США. Вашингтонские политики все больше стали рассматривать Китай не просто в качестве соратника в вооруженной борьбе, а как своего будущего партнера и союз-

ника в Азии в послевоенный период, как форпост для распространения американского влияния на Дальнем Востоке.

---

[1] История дипломатии. Дипломатия в годы второй мировой войны. М., 1975. Т. IV; *Севостьянов Г.Н.* Дипломатическая история войны на Тихом океане. От Пирл-Харбора до Каира. М., 1969; *Ефимов Г.В., Дубинский А.М.* Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн.2 (1917 - 1945). М., 1973; *Воронцов В.Б.* Тихоокеанская политика США 1941 - 1950. М., 1967; *Павляк С.* Политика США по отношению к Китаю (1941 - 1955). М., 1976; *Сапожников Б.Г.* Китай в огне войны (1931 - 1950). М., 1977; *Смирнова Н.А.* Позиция США на Каирской конференции в ноябре-декабре 1943 г. // Американский ежегодник, 1976. М., 1976. С.23-43; *Поздеева Л.В.* Американо-английские отношения: конец 1943 - начало 1944 года // Американский ежегодник, 1990. М., 1991.С.60-72; *Севостьянов Г.Н.* Квебекская конференция 1943г. // Новая и новейшая история. 1996. №2. С. 131-157; *Он же.* Вторая Квебекская конференция 1944г. // Новая и новейшая история. 1997. №1. С.143-166.

[2] New York Times, December 9, 1941.

[3] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т.3. Великий союз. М., 1998. С.329.

[4] *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т.2. М., 1958. С.26.

[5] Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. (FRUS). The Conferences at Washington, 1941 - 42 and Casablanca, 1943. Wash., 1968. P.46.

[6] *Шервуд Р.* Указ. соч. Т.2. С.15-16.

[7] FRUS. The Conferences at Washington. P.271-273.

[8] Ibid. P.284.

[9] *Шервуд Р.* Указ. соч. Т.2. С.20.

[10] Более подробно см.: *Севостьянов Г.Н.* Дипломатическая история войны на Тихом океане. С.43-78.

[11] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т.4. Поворот судьбы. М.,1998.С.65.

[12] *Шервуд Р.* Указ. соч. Т.2. С.92-93.

[13] *Shaller M.* U.S. Crusade in China, 1938 - 1945. N.Y., 1979. P.94.

[14] *Шервуд Р.* Указ. соч. Т.2. С. 109-110.

[15] Такой совещательный орган был создан 1 апреля 1942 г. в Вашингтоне. Он назывался Тихоокеанский военный совет. В него входили США, Великобритания, Австралия, Канада, Китай, Нидерланды, Новая Зеландия и Филиппины.

[16] *Черчилль У.* Указ. соч. Т.4. С. 151. ^Шервуд Р. Указ. соч., т.2. С.108-109, 134, 112.

[17] *Шервуд Р.* Указ. соч., т.2. С.108-109, 134, 112.

[18] *Shaller M.* Op. cit. P.104, 105, 107.

[19] *Севостьянов Г.Н.* Дипломатическая история войны на Тихом океане. С.207-214.

[20] *Павляк С.* Политика США по отношению к Китаю. С. 73-74.

[21] *Шервуд Р.* Указ. соч. Т.2. С.227.

[22] *Севостьянов Г.Н.* Дипломатическая история войны на Тихом океане. С.299.

[23] *Шервуд Р.* Указ. соч. Т.2. С.284.

[24] *Shaller M.* Op.cit. P. 120.

[25] *Шервуд Р.* Указ. соч. Т.2. С.362.

[26] Там же. С.372.

[27] *Севостьянов Г.Н.* Дипломатическая история войны на Тихом океане. С.365.

[28] FRUS. The Conferences at Washington. P.561.

[29] Ibid. P.603, 630, 797.

[30] История дипломатии. Т.4. Дипломатия в годы Второй мировой войны. М., 1975. С.382-386.

[31] *Черчилль У.* Указ. соч. Т.4. С.254.

[32] *Шервуд Р.* Указ. соч. Т.2. С.287, 390.

[33] *Шервуд Р.* Указ. соч. Т.2. С.419.

[34] *Черчилль У.* Указ. соч. Т.4. С.359-362.

[35] FRUS. The Conferences at Washington and Quebec, 1943. Wash., 1970. P. 88, 298.

[36] *Шервуд Р.* Указ. соч. Т.2. С.409.

[37] FRUS. The Conferences at Washington and Quebec. 1943. P. 142.

[38] Ibid. P.385.

[39] *Shaller M.* Op. cit. P.114.

[40] *Сапожников Б.Г.* Китайский фронт во Второй мировой войне. М., 1971. С.133.

[41] FRUS. The Conferences at Washington and Quebec. 1943. P.419-423.
[42] Ibid. P. 1122, 1127.
[43] *Fairbank J.K.* The United States and China. Harward. 1979. P.340.
[44] FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. Wash., 1961. P.264.
[45] Ibid. P.233-243.
[46] На Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943г. была закреплена политическая линия на придание Китаю статуса великой державы. Благодаря личной настойчивости госсекретаря К. Хэлла «Декларация по вопросу о всеобщей безопасности» была подписана от имени четырех держав, и Китай был включен в число государств, несущих ответственность за создание будущей Организации Объединенных Наций
[47] FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. P.245-246.
[48] Ibid. P. 159-160.
[49] *Шервуд Р.* Указ. соч. Т.2. С.462, 464.
[50] FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran. 1943. P.323-325.
[51] A Decade of American Foreign Policy. Basic Documents, 1941 - 49. Wash., 1950. P.22.
[52] FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran. P. 803-804.
[53] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 5. Кольцо смыкается. М., 1998. С.334-335.
[54] *Шервуд Р.* Указ. соч. Т.2. С.507.
[55] *Шервуд Р.* Указ. соч. Т.2. С.520.
[56] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 6. Триумф и трагедия. М., 1998. С. 78, 85-86
[57] FRUS. The Conferences at Malta and Yalta, 1945. Wash., 1955. P.353, 354, 356-357.
[58] Ibid. P.544.

АНГЛО-ЕГИПЕТСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ О СТАТУСЕ БРИТАНСКОЙ БАЗЫ В ЗОНЕ СУЭЦКОГО КАНАЛА И ПОЗИЦИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ (1946-1954 гг.)

М.Я. Пелипась

Томский госуниверситет

Египет – крупнейшая страна Арабского мира - занимал важное место в послевоенной ближневосточной политике Великобритании. Британское военное присутствие в Египте осуществлялось в соответствии с условиями двустороннего договора, подписанного в августе 1936 г. Срок действия договора устанавливался в 20 лет с возможностью изменений условий соглашения по истечении десяти лет. В марте 1945 г. правительственной комиссией, которая была создана в Великобритании задолго до окончания военных действий в Европе с целью разработки послевоенных стратегических планов, был подготовлен доклад «Безопасность в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке». Британские правительственные эксперты считали, что в послевоенный период неизбежно обострение англо-советских отношений в ближневосточном регионе. По их оценкам, кризисный характер отношений двух стран должны были принять во второй половине 50-х гг. В связи с этим в докладе назывались меры по отражению эвентуальной угрозы нападения со стороны Советского Союза, в том числе: 1. Разместить на Ближнем Востоке британские авиационные группировки для нанесения ударов по нефтепромыслам на севере и юге Кавказа и по сухопутным войскам Советского Союза в случае их вступления на территории Ирана, Турции или Греции. 2. Сформировать подразделения мобильных сил, способных задержать наступающие подразделения противника до подхода резервов. 3. Создать, для придания глубины обороне, систему баз в западных и южных районах Ближнего Востока. 4. Побудить Соединенные Штаты принять на себя долю ответственности за ситуацию в ближневосточном регионе. Имперский стратегический резерв и главное административное руководство операциями в Центральном и Восточном Средиземноморье должны были находиться в Египте, где в зоне Суэцкого канала уже существовала крупная военная база Великобритании. В документе констатировался рост влияния националистических сил в странах региона и рассматривались способы сохранения влияния Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке в послевоенный период. В частности, британские аналитики настаивали на внесении изменений в условия договора с Египтом, для того чтобы иметь более надежные гарантии сохранения военного присутствия на территории этой страны. 12 июля 1945 г. комитет начальников штабов британских вооруженных сил одобрил рекомендации комиссии. Однако способы их реализации стали

предметом дискуссии между представителями военного и дипломатического ведомств.

26 июля 1945 г. было сформировано новое лейбористское правительство Великобритании во главе с К. Эттли. Министром иностранных дел довольно неожиданно стал Э. Бевин. Он декларировал намерение правительства строить отношения с арабскими странами на основе принципов доверия и взаимной выгоды. Для обсуждения проблем ближневосточной политики министр созвал конференцию дипломатических представителей в странах региона, которая проходила в Лондоне с 5 по 17 сентября 1945 г. Участникам конференции Э. Бевин предложил новые подходы в отношениях со странами Ближнего и Среднего Востока. В частности, было рассмотрено предложение о создании Совета ближневосточного развития, в задачи которого входило бы осуществление проектов, направленных на развитие промышленности, сельского хозяйства, социальной сферы, результатом которых стало бы ускорение экономического развития и повышение уровня жизни. Деятельность Совета должна была привести к ослаблению влияния националистических движений, способствовать формированию новых экономических отношений между Великобританией и ближневосточными государствами и открыть дорогу к формированию региональной оборонительной организации. Средства для реализации проектов должны были выделяться как Великобританией, так и заинтересованными в осуществлении проектов странами региона. Конференция одобрила предложения о создании Совета ближневосточного развития, который под названием Управление ближневосточного развития был позднее, в апреле 1946 г., учрежден в Каире.

Военно-стратегические аспекты ближневосточной политики конференция обсудила 12 сентября. В итоге дискуссии было подтверждено, в частности, мнение о стратегической важности сохранения в Египте британского военного присутствия. Рекомендации конференции были изложены Бевином кабинету министров и получили одобрение правительства на заседании 4 октября. В конце октября начальник генерального штаба А. Брук (позднее - лорд Аланбрук) совершил турне по странам Ближнего Востока. Эмир Трансиордании Абдаллах поддержал идею создания Ближневосточной оборонительной конфедерации. Руководство Ирака также высказалось в поддержку создания региональной организации при поддержке Великобритании. В Каире А. Брук провел переговоры с королем Египта Фаруком и премьер-министром М. Нукраши. Фарук положительно воспринял идею укрепления партнерских отношений между Великобританией и Египтом. Однако глава египетского правительства на встрече с британским фельдмаршалом подчеркнул, что до полного вывода британских войск с территории страны невозможно, прежде всего по внутриполитическим причинам, обсуждение любых вопросов, связанных с военным сотрудничеством Великобритании и Египта.

Вместо распущенной в июле 1945 г. комиссии по планированию политики послевоенного времени была создана объединенная комиссия по планированию, действовавшая под патронажем комитета начальников штабов вооруженных сил. Комиссия предложила начать переговоры

с правительством Египта с целью внесения следующих изменений в условия договора 1936 г.: сокращения вдвое, то есть до 5 тыс. чел., оговоренной в соглашении численности британского воинского контингента в Египте, смены мест дислокации войск и выведения их из крупнейших городов, чтобы сконцентрировать силы на базе в зоне Суэцкого канала. Изменения не должны были касаться прав Великобритании на размещение на территории Египта авиационной группировки. Рекомендации комиссии были поддержаны министром иностранных дел Э. Бевином и одобрены на заседании правительства 18 января 1946 г., которое одновременно определило курс на сохранение военного присутствия в Египте, но не на основе двустороннего договора, а в рамках многостороннего военного сотрудничества между государствами Ближнего и Среднего Востока и Великобританией.

Новые подходы к отношениям с Египтом и другими ближневосточными государствами были неотъемлемой частью политики лейбористского правительства, связанной с планами превращения Ближнего Востока в регион, который заменит Индию в качестве основного рынка сбыта британских товаров, и привлечением Франции и других европейских стран, а затем и США, к эксплуатации природных ресурсов Африки. Реализация «проекта Евро-Африки» должна была, по замыслу Э. Бевина, создать для Великобритании возможности контроля над интеграционными процессами в Европе, привлечь ресурсы европейских стран и США к созданию «африканской линии обороны» Великобритании и, в конечном итоге, позволить преодолеть временные, как казалось, послевоенные экономические трудности, и сохранить статус члена Большой Тройки, наряду с Соединенными Штатами и Советским Союзом.

Реальности международных отношений довольно быстро показали утопичность таких планов. В странах Ближнего Востока национально-патриотические силы развернули борьбу за ликвидацию иностранных баз в регионе. Поддерживаемые Великобританией арабские режимы также были вынуждены декларировать готовность добиваться вывода британских войск с территории страны.

С египетской стороны требование об изменении условий договора с Великобританией в завуалированной форме прозвучало в тронной речи короля Египта Фарука еще 18 января 1945 г. Тогдашний премьер-министр Египта А. Махер, выступая в парламенте, заявил, что нет более оснований для тех ограничений суверенитета страны, которые содержит договор 1936 г. В марте 1945 г. Египет объявил войну Германии и Японии и принимал участие в качестве члена-основателя в создании Организации Объединенных Наций. Осенью 1945 г. в Египте прошли антиправительственные и антибританские демонстрации. Под давлением оппозиции 20 декабря того же года египетское правительство официально предложило начать переговоры по вопросу об изменении условий договора 1936 г. Целью египетской дипломатии было добиться полного вывода британских войск с территории страны.

В конце января 1946 г. в ноте британского правительства было высказано принципиальное согласие начать переговоры, однако ни Великобритания, ни Египет не предпринимали шагов к началу консультаций.

В британских правительственных кругах не прекращались дискуссии о том, какие именно военные объекты следует непременно сохранить на египетской территории. Наиболее радикальных взглядов придерживался премьер-министр К. Эттли, который предлагал полностью вывести британские войска с Ближнего Востока и сосредоточить их в Африке на линии Лагос – Кения. Однако эти предложения не были поддержаны кабинетом министров и руководством вооруженных сил. Египетские власти опасались, что переговоры приведут к обострению политического кризиса в стране [1]. Как считает английский историк Дж. Кент, декларируя готовность вести переговоры с Египтом, британское правительство стремилось, на самом деле, лишить дипломатию Советского Союза возможности, добиваясь прав на создание военных баз в черноморских проливах, использовать ссылки на военное присутствие Великобритании в зоне Суэцкого канала. Кроме того, британские политики рассчитывали, что вывод войск из Египта не приведет к общему сокращению военного присутствия на Ближнем Востоке, так как выводимые подразделения будут расквартированы на территории Палестины и в Ливии [2].

2 апреля 1946 г. британское правительство объявило о решении направить делегацию в Каир. В ходе переговоров британский министр авиации лорд Стейнгейл предложил обсудить вопрос о выводе британских сухопутных войск, с тем, чтобы истребительная и бомбардировочная авиация Великобритании по-прежнему базировалась в Египте. Премьер-министр Египта И. Сидки потребовал полного вывода британских войск. Британский кабинет министров принял решение продемонстрировать готовность к компромиссу, надеясь, однако, что египетские лидеры, быстро осознав, что полный вывод британских войск чреват для них потерей власти, согласятся заключить соглашение на устраивающих Великобританию условиях. В конце апреля 1946 г. министр иностранных дел Э. Бевин принял решение о начале переговоров с представителями Египта на условиях полного вывода войск в течение 5 лет с признанием египетским правительством права Англии восстановить военное присутствие в случае международного кризиса или начала военных действий. Британское правительство предупредило, что не может согласиться с возникновением угрозы безопасности судоходства по Суэцкому каналу. Предотвратить появление «вакуума силы» в стратегически важном районе мира должно было военное сотрудничество между Великобританией и Египтом в рамках Совета совместной обороны Египта и Суэцкого канала. Египетская сторона настаивала на выводе британских войск в течение одного года.

Переговоры начались в мае 1946 г. и продолжались с перерывами до конца октября. 25 октября 1946 г. был подписан договор, который должен был заменить соглашение 1936 г. Великобритания обязывалась вывести свои войска из Каира, Александрии и района дельты Нила к 31 марта 1949 г. и завершить вывод воинского контингента с территории Египта к 1 сентября того же года. Кроме протокола о порядке вывода британских войск, к тексту соглашения прилагался протокол о статусе Судана, который в соответствие с конвенциями 1899 г. находился официально под совместным управлением Великобритании и Египта. Именно разногласия по интерпретации условий этого протокола фор-

мально стали причиной отказа сторон от выполнения условий соглашения, уже подписанного от имени своих правительств министром иностранных дел Великобритании Э. Бевином и премьер-министром Египта И. Сидки. В конце января 1947 г. Э. Бевин информировал членов палаты общин британского парламента о прекращении переговоров с Египтом и о намерении правительства руководствоваться условиями договора 1936 г. и сохранить военное присутствие в зоне Суэцкого канала до истечения срока действия этого соглашения, то есть в течение еще около 10 лет. Министр иностранных дел Великобритании впервые высказал сожаление, и впоследствии это часто будут делать британские политики, что вмешательство американских дипломатов, которые посоветовали королю Фаруку настаивать на немедленном выводе войск, помешало успеху англо-египетских переговоров. Британский историк Х. Рахман, подробно исследовавший ход переговоров 1946 г., считает, что срыв заключения нового англо-египетского договора был предопределен тактическим просчетом, который допустило британское Министерство иностранных дел. После того как официальный Лондон декларировал согласие на полный вывод войск, он утратил рычаг давления на Египет. Обострение политической ситуации в Египте, в определенной степени являвшееся следствием избранной британской дипломатией тактики затягивания переговоров, заставляло египетскую делегацию демонстративно ужесточать свою позицию и сопротивляться навязыванию условий соглашения, ущемляющих суверенитет страны. Руководство британской делегации вовремя не озаботилось получением от египетской стороны документа, в котором содержалась бы ее интерпретация условий суданского протокола [3].

Аргументированные выводы многих британских исследователей об общем снижении уровня дипломатии Великобритании в послевоенный период заслуживают самого пристального внимания [4]. Однако срыв «соглашения Сидки-Бевина» объяснялся не только и не столько просчетами британской дипломатии, сколько изменениями в ближневосточной политике лейбористского правительства. Во второй половине 1946 г. правительство Советского Союза, убедившись в том, что бывшие союзники по антигитлеровской коалиции не намерены поддержать СССР в решении вопроса о пересмотре режима черноморских проливов, прекратило дипломатическое давление на Турцию [5]. В связи с этим существовали возможности значительного снижения международной напряженности в Восточном Средиземноморье. Это не соответствовало интересам правящих кругов Великобритании, которые надеялись, создавая кризисную ситуацию в регионе, укрепить «особые отношения» с Соединенными Штатами Америки и привлечь военные и экономические ресурсы США для сохранения британских позиций на Ближнем и Среднем Востоке. Демонстративный отказ британского правительства в феврале 1947 г. от военной поддержки режимов Греции и Турции, спровоцировал провозглашение американской «доктрины Трумэна». Демонстрация намерения вывести войска из Египта, а затем создание тупика в англо-египетских отношениях были, в определенной степени, частью попыток давления Великобритании на США. Британское правительство пыталось заставить американское правительство продекларировать цели

своей ближневосточной политики и признать, что военное присутствие Великобритании в Египте связано с созданием совместной с Соединенными Штатами линии обороны против возможной агрессии со стороны Советского Союза.

В 1946 г., не без участия американского правительства Г.Трумэна, обострилась ситуация в Палестине и британское правительство начало подготовку к передаче палестинского вопроса на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН. Великобритания рассчитывала сохранить контроль над Палестиной, но в ближайшее время на эту территории нельзя было передислоцировать войска из Египта. Единственным успехом лейбористского правительства на Ближнем Востоке было подписание в мае 1946 г. договора с Трансиорданией, который гарантировал сохранение британского военного присутствия на территории страны. Тупик, который возник в англо-египетских отношениях в связи со срывом «соглашения Сидки-Бевина», устраивал не только британское правительство, но и верхи Египта, власть которых в значительной степени держалась на английских штыках. Стремясь сбить волну антиправительственных выступлений, правительство Египта обратилось с жалобой в ООН. Египетская делегация просила Совет Безопасности принять резолюцию, осуждающую Великобританию и требующую немедленного вывода британских войск с египетской территории, а также ликвидации британской администрации в Судане. Правительство Великобритании доказывало неправомерность претензий Египта, ссылаясь на условия договора 1936 г. Во время обсуждения вопроса в Совете Безопасности 5 августа 1947 г. обнаружились разногласия между членами Совета, и они не приняли никакого решения [6].

Начавшаяся в мае 1948 г. арабо-израильская война почти на полтора года отодвинула на второй план вопрос о пересмотре условий договора 1936 г. Война продемонстрировала низкую боеспособность египетских вооруженных сил. Это усилило политический кризис в стране. Британское правительство получило дополнительные возможности, ссылками на явную неспособность Египта своими силами обеспечивать безопасность судоходства по Суэцкому каналу, обосновывать необходимость военного присутствия Великобритании на египетской территории. Египетское правительство продолжало настаивать на пересмотре условий договора 1936 г. «в пакете» с определением будущего статуса Судана. Египетские представители доказывали, что, при условии предоставления военной помощи, египетская армия способна в кратчайшие сроки, в пределах одного года, повысить свою обороноспособность до уровня, который позволит заменить британские войска в роли гаранта безопасности Суэцкого канала. Британские правительственные эксперты считали, что только на перевооружение египетской армии потребуется не менее пяти лет.

Начало войны в Корее привело к усилению международной напряженности во всем мире. Ведущие страны Североатлантического союза резко увеличили военные расходы, активизировали создание военной организации этого блока. Во второй половине 1950 г. начинается подготовка к принятию в число членов Североатлантического блока Греции и Турции. Британская дипломатия стремилась обусловить включение

Турции в НАТО обязательствами турецкого правительства оказывать активную поддержку Великобритании на Ближнем Востоке. При участии Турции, в частности, лейбористское правительство планировало создать в Восточном Средиземноморье военную организацию под названием «средневосточное командование». Официальный Лондон надеялся добиться от стран Британского Содружества внесения вклада в сохранение военного присутствия на Ближнем и Среднем Востоке. Египет также должен был стать участником «средневосточного командования». В этом случае британская база в зоне Суэцкого канала могла быть переименована в союзную, а англо-египетский договор мог быть заменен многосторонним соглашением. Однако в середине 1951 г. египетское правительство отклонило сделанное Великобританией, Соединенными Штатами, Францией и Турцией предложение стать членом-основателем «средневосточного командования» [7].

Очередной кризис в англо-египетских отношениях, связанный с принятием 9 октября 1951 г. египетским парламентом решения о денонсации договора 1936 г. и отказом Египта участвовать в создании региональной военной организации, возник накануне парламентских выборов в Великобритании, назначенных на 25 октября 1951 г. Выборы принесли победу консервативной партии. Правительство возглавил У. Черчилль, министром иностранных дел стал А.Иден. Находясь в оппозиции, Черчилль неоднократно выступал с критикой египетской политики лейбористов. Став премьер-министром, он немедленно продемонстрировал стремление строить отношения с Египтом с позиции силы. На заседании кабинета министров 30 октября У. Черчилль заявил, что обязанностью Великобритании является держать открытым Суэцкий канал, используя для этой цели, если понадобится, вооруженную силу. 6 ноября У. Черчилль вновь декларировал намерение правительства сохранить военное присутствие в зоне канала. Министр иностранных дел А. Иден был намерен избрать тактику выжидания и не оказывать давления на Египет. Однако члены комитета начальников штабов предложили немедленно прекратить поставку топлива для нужд египетских властей со складов в зоне канала. Их поддержал У. Черчилль, выдвинул программу «полной приостановки», начиная от военной помощи и кончая «замораживанием» стерлинговых счетов Египта [8]. Со своей стороны правительство Египта начинает поддерживать стихийно разворачивавшуюся партизанскую войну населения против контингента британских войск. Столкновения манифестантов с британскими патрулями произошли в Каире, Александрии и городах зоны Суэцкого канала, в том числе в Исмаилии и Порт-Саиде. Правительство сняло запрет на деятельность организации «Братья-мусульмане», члены которой активно участвовали в нападениях на военнослужащих британского гарнизона, а также призвало к кампании несотрудничества и бойкоту товаров английского производства. Около 80 тыс. египтян, работавших на обслуживании британской базы, оставили свои рабочие места. Египетские власти уволили с государственной службы британских чиновников и учителей.

Очень скоро выяснилось, что правительство не в состоянии контролировать и удерживать антибританские действия населения в пределах, необходимых для оказания политического давления на официальный

Лондон. После ряда предупреждений со стороны командовавшего британским контингентом генерала Дж. Эрскина 15 ноября 1951 г. было взорвано 75 домов в одной из деревень, объявленной базой египетских террористов. 25 января 1952 г. генерал Эрскин предъявил заместителю губернатора Исмаилии, которую британское командование считало главным центром снабжения террористов, ультиматум с требованием разоружить местных полицейских. Египетская администрация воспротивилась этому требованию. В результате состоялось настоящее сражение между полицейскими и британскими войсками. 50 полицейских было убито, более ста человек из числа гражданского населения ранено. Артиллерийским обстрелом было разрушено здание полицейского управления Исмаилии.

26 января в ответ на эти действия британских войск волна протеста и насилия охватила Каир. Около 700 зданий было разрушено и сожжено. 30 человек, в том числе 9 европейцев, было убито, несколько сот – ранено. Материальные потери британской администрации и граждан Великобритании оценивались в 4 млн. ф. ст. Напуганное размахом насилия, правительство объявило 27 января о введении смертной казни. В тот же день король Фарук сместил прежнее правительство. Глава нового правительства направил ранее отозванного посла в Лондон. В беседе с британским послом новый премьер-министр выразил желание возобновить переговоры, начав отношения с консервативным правительством У. Черчилля как бы «с чистого листа». Инициатива встретила поддержку в Лондоне. Члены британского правительства считали, что силовое противостояние с Каиром уже дало необходимые результаты и дальнейшее его продолжение может привести к опасному углублению политического кризиса в Египте. Посол Р.Стивенсон получил инструкции руководства Министерства иностранных дел приступить к регулярным консультациям с членами египетского правительства [9]. Возобновившиеся в марте 1952 г. англо-египетские переговоры продолжались до конца мая. Они продемонстрировали сохранявшиеся разногласия в определении будущего статуса Судана. Египетские представители отстаивали требование объединения Судана с Египтом, а британские – выступали за право суданцев на самоопределение. Участники переговоров не были заинтересованы в поисках компромисса. У. Черчилль был уверен, что нет никакой необходимости спешить с изменением условий договора 1936 г. Королевский режим Египта лишь демонстрировал готовность отстаивать национальные интересы. В реальности его существование по-прежнему в значительной степени зависело от поддержки Великобритании.

Премьер-министр Египта А. Махир в интервью журналистам и в беседах с дипломатами ведущих стран НАТО неоднократно заявлял о своей поддержке планов создания «средневосточного командования». Однако консервативное правительство не спешило начинать переговоры по этому вопросу. В течение первой половины 1952 г. британская дипломатия активно разрабатывала планы создания Средневосточной оборонительной организации, которая, в отличие от «средневосточного командования», должна была иметь военно-политический характер. Формирование организации должно было идти в два этапа. На первом

этапе должны были быть созданы политические органы. На втором - военная организация с участием предполагавшихся членов несозданного «средневосточного командования». Создание Средневосточной оборонительной организации (МЕДО) должно было способствовать решению целого ряда проблем ближневосточной политики Великобритании, таких как сохранение военного присутствия в регионе с привлечением стран Содружества к решению этой задачи, урегулирование отношений с Египтом на условиях, соответствующих представлениям правящих кругов о ведущей роли страны в международных отношениях. Контроль над Суэцкой базой мог быть формально передан МЕДО. У. Черчилль был против даже символической передачи Суэцкой базы Египту. Вопреки возражениям А. Идена, напомнившего, что такие намерения ранее уже были обнародованы лейбористским правительством совместно с США, Францией и Турцией, Черчилль настоял на решении кабинета министров, в соответствие с которым контроль над базой мог быть передан только объединенному командованию, которое, согласно имевшимся планам, должен был возглавить британский генерал [10]. Реализация планов создания Средневосточной оборонительной организации в значительной степени зависела от позиции Соединенных Штатов Америки.

Район Ближнего и Среднего Востока занимал в первые послевоенные годы далеко не главное место в системе внешнеполитических приоритетов США. В американском стратегическом планировании оно определялось задачей создания плацдарма для нанесения - в начальной фазе военного конфликта с Советским Союзом - авиационного ядерного удара по нефтедобывающим и нефтеперерабатывающим мощностям на территории СССР. Дипломатическое давление Советского Союза на Турцию в первые послевоенные годы в попытках пересмотра режима черноморских проливов, выдвигавшиеся в прессе сопредельных с Турцией советских республик территориальные претензии, до конца 1946 г. не позволяли американским военным экспертам уверенно вести стратегическое планирование на данном театре возможных военных действий. Отчасти поэтому, согласно плану «Мейкфаст», одобренному в США в конце 1946 г., британская база в зоне Суэцкого канала определялась как место базирования американских стратегических бомбардировщиков [11]. Лишь с 1947 г. после провозглашения «доктрины Трумэна» при американской технической помощи началась модернизация аэродромов на турецкой территории. С конца 1949 г. за счет ассигнований по американской программе военной помощи развернулось строительство новых аэродромов. Уже в начале 1951 г. американская пресса сообщила о скором завершении строительства аэродромов для размещения тяжелых бомбардировщиков и истребителей «в трех часах полета до Москвы и в часе – до основных центров нефтедобычи на Кавказе и в Румынии» [12]. Соответственно пересматривалась стратегическая роль британской базы в зоне Суэцкого канала. В военном планировании США по-прежнему подчеркивалось ее значение, но лишь в аспекте обеспечения, в случае войны с Советским Союзом, авиационной поддержки военных действий с территории Турции [13].

Начало войны в Корее привело к своеобразной ревизии «слабых мест» в глобальной обороне стран НАТО, под лозунгом «не допустить повторения событий, подобных корейским» [14]. Особое внимание в этом плане было обращено на район Восточного Средиземноморья. В НАТО развернулась дискуссия о структуре военных командований блока в данном регионе. В сумме это привело к повышению интереса правительства Соединенных Штатов к стратегической роли британской базы в зоне Суэцкого канала. Американская дипломатия приняла активное участие в попытках британской дипломатии сохранить контроль над базой в рамках «пакетного решения», предусматривавшего вступление Египта в «средневосточное командование» и превращения английской базы в союзную [15]. Но официально в послевоенное время США занимали позицию невмешательства в англо-египетские отношения. Документы государственного департамента, предназначенные для руководства к действию глав дипломатических представительств в странах Ближнего и Среднего Востока, разъясняли, что правительство хочет сохранить свободу дипломатического маневра [16].

Выдвижение в январе 1949 г. администрацией Г. Трумэна программы экономической помощи развивающимся странам, известной как «программа четвертого пункта», означало, что невоенные факторы силы начинают все более учитываться при разработке внешнеполитической стратегии США. В частности, перед американскими лидерами стояла задача, хотя бы в общих чертах, определить, каковы способы «укрепления демократических институтов» в странах региона, которое предусматривала «доктрина Трумэна». Не случайно, хотя с известной долей преувеличения степени пассивности американской дипломатии, сотрудник ЦРУ, работавший в странах Ближнего Востока под дипломатическим прикрытием, М.Коупленд охарактеризовал содержание египетской политики правительства в 1947-1952 гг. фразой: «Давайте подождем, пока мы поймем, что же мы делаем» [17].

Определение приоритетов в ближневосточной политике требовало получить ответ на вопрос, какие именно социальные слои и политические силы в долговременном плане могут стать опорой США. При внимательном рассмотрении оказалось, что такой социальной опоры просто нет. Государственный секретарь США Д. Ачесон в январе 1952 г. определил ситуацию в странах Ближнего Востока как «достойную самого Карла Маркса: масса безработных, бездомных и нищих, отсутствует пролетариат, нет среднего класса, правящий слой невелик, но продажен. Его поддерживают иностранцы, которые хотят продолжать эксплуатировать бесценные богатства региона, особенно нефть и Суэцкий канал» [18]. Эту точку зрения разделали и британские правительственные эксперты, но в отличие от американских политиков, они настаивали на продолжении сотрудничества с тем силами, которые стояли у власти в государствах региона [19].

Не имея серьезного опыта ближневосточной политики, американская дипломатия попыталась применить на Ближнем Востоке практику своих действий в странах Латинской Америки и сделать ставку на такой, относительно вестернизированный институт, как армия. Акцент был сделан на установление контактов с младшим и средним офицер-

ским составом, часть которого получила военное образование в странах НАТО и по социальному происхождению не была связана родственными и клановыми отношениями со «старой шайкой» коррумпированных политиков [20]. Однако реальности Ближнего Востока множили сомнения относительно ценности латиноамериканского опыта. Главной проблемой была нестабильность военных режимов и полное нежелание военных декларировать приверженность демократическим ценностям. Особенно показательным в этом плане было развитие ситуации в Сирии, где в течение 1949 г. произошло три военных переворота. 30 марта 1949 г. полковник Х. Заим осуществил государственный переворот и провозгласил проведение реформ, подобных реформам К. Ататюрка в Турции. Переворот получил поддержку Саудовской Аравии и Египта, а также США и Франции. Однако действия Заима вызвали сопротивление со стороны всех политических партий Сирии, а затем он потерял поддержку в армейских кругах. 14 августа Заим был свергнут. Но, когда новый глава военного режима полковник Ханнауи начал переговоры с Ираком об объединении, в конце декабря 1949 г. произошел новый переворот, который возглавил полковник А. Шишекли. Новое правительство пыталось демонстрировать нейтралистскую, и даже отчасти изоляционистскую, политику и отклонило американские предложения об оказании помощи. Позднее в декабре 1951 г. А. Шишекли отстранил от власти гражданское правительство и установил военную диктатуру [21].

Обобщение опыта послевоенной ближневосточной политики и разработка рекомендаций правительству стали задачами комиссии, которая была создана по распоряжению госсекретаря Д. Ачесона в конце 1951 г. В состав комиссии вошли представители госдепартамента, министерства обороны, деловых кругов и академической науки. Во главе комиссии был поставлен сотрудник Центрального разведывательного управления К. Рузвельт. В докладе комиссии, представленном в начале 1952 г., большое место занимал анализ ситуации в Египте. В качестве главной задачи эксперты определили поиск фигуры политика, который при помощи США мог встать во главе государства и осуществить программу действий, разработанную при помощи американских советников. Одновременно предлагалось незамедлительно начать консультации с представителями политической элиты Египта, которым можно было пообещать предоставление экономической помощи, после того как поддерживаемый Соединенными Штатами лидер придет к власти.

Американские дипломатические представители и резидентура ЦРУ на Ближнем Востоке не ограничивались сбором информации и аналитической работой. Имевший хорошие личные отношения с королем Фаруком, К. Рузвельт в ходе ряда встреч в начале 1952 г. пытался убедить египетского монарха в необходимости проведения политических реформ. Поняв тщетность своих попыток, американский «криптодипломат» сосредоточился на установлении связей с молодыми офицерами египетской армии. Некоторые результаты своей деятельности К. Рузвельт суммировал в докладе, представленном государственному секретарю в мае 1952 г. С точки зрения Рузвельта, США имели ограниченные возможности влияния на развитие внутриполитической ситуации в Египте. Вопреки надеждам, не удалось выявить политика харизматиче-

ского типа, на которого можно было бы сделать ставку. Сотрудник ЦРУ не исключал, что такой лидер заявит о себе во время переворота, который, возможно, проведут военные с целью свержения короля Фарука [22].

Увлеченность части правительственных кругов США идеей приведения к власти в арабских странах националистических сил, способных обеспечить стабильность режимов, не обращая при этом внимания на то, что «не всегда и не обязательно националисты настроены дружественно в отношении Великобритании и Соединенных Штатов», развернувшаяся в американской прессе кампания в поддержку «сильных личностей» из числа арабских военных, расценивались в Великобритании как свидетельство неопытности в ближневосточной политике «дружественного колосса», над действиями которого британское правительство должно установить надежный контроль [23].

Для вернувшегося к власти У. Черчилля укрепление «особых отношений» с Соединенными Штатами было одной из приоритетных задач во внешней политике. Во время визита в Вашингтон в январе 1952 г. он добивался от американского правительства активной поддержки британской ближневосточной политики. Но администрация Г. Трумэна полагала, что участие США в деятельности военных структур планировавшейся к созданию Средневосточной оборонительной организации должно носить «символический характер» и иметь место только в том случае, если от него действительно «будет зависеть ... урегулирование спора между Англией и Египтом» [24]. Революция в Египте 23 июля 1952 г. создала определенные условия для укрепления американского влияния в этой стране, в том числе и через воздействие на ход англо-египетских переговоров по проблеме будущего статуса базы в зоне Суэцкого канала [25].

Официально главой организации «Свободные офицеры», осуществившей государственный переворот в Египте, был генерал М. Нагиб. В первом же своем заявлении для иностранных журналистов генерал заявил, что суданский вопрос и проблема вывода британских войск с территории страны являются приоритетными для членов организации. В отличие от лидеров свергнутого режима, М. Нагиб не настаивал на распространении власти египетского правительства на территорию Судана. В ноябре 1952 г. в Каир были приглашены ведущие суданские политики, которые получили заверения в том, что новое руководство Египта признает право суданцев на самоопределение. В январе 1953 г. было подписано соглашение о будущем статусе Судана между представителями египетского правительства и лидерами политических партий Судана. Меморандум с изложением официальной позиции Египта был вручен послу Великобритании Р. Стивенсону. Посол получил инструкции министерства иностранных дел начать консультации с представителями египетского правительства.

Консервативное правительство Великобритании, проявив заинтересованность в обсуждении суданской проблемы, предприняло попытки сохранить особые права в Судане под предлогом защиты интересов немусульманского населения южной части этой страны. Юг Судана должен был остаться под особым контролем британского генерал-губернатора и находиться вне юрисдикции временного суданского правитель-

ства. Разногласия сторон были преодолены при посредничестве американского посла в Египте Дж. Кэффери. Право Судана на самоопределение было зафиксировано в англо-египетском соглашении от 12 февраля 1953 г. Соглашение предусматривало установление трехлетнего «переходного периода», в течение которого все иностранные войска должны были быть выведены из Судана, проведены выборы в парламент и создано национальное правительство. В течение переходного периода верховная власть сохранялась у британского генерал-губернатора, при котором создавалась международная комиссия, состоявшая из двух суданцев, одного англичанина, одного египтянина и одного пакистанца, которая и должна была подготовить выборы. К концу переходного периода парламент Судана должен был решить вопрос о будущем страны: объединится ли Судан с Египтом, войдет ли в Британское Содружество или станет полностью независимым государством [26].

Заключение соглашения по Судану открывало дорогу к началу переговоров о статусе Суэцкой базы. В середине февраля 1953 г. министр иностранных дел Великобритании А. Иден подготовил две памятные записки по вопросу об альтернативах египетской политики правительства. В первой из них Иден призвал членов кабинета министров признать очевидным тот факт, что во второй половине XX в. нельзя надеяться сохранить позиции на Ближнем Востоке, используя методы прошлого века. Так же как и лейбористский министр иностранных дел Э. Бевин, А. Иден считал, что попытки Лондона опереться на «шахов и пашей» усиливают антибританские настроения в регионе. Ситуация требовала урегулирования отношений с Египтом, поскольку Великобритания «не может бесконечно держать 80 тыс. солдат в зоне Суэцкого канала», тем более что «ни один местный рабочий не хочет трудиться на обслуживании объектов базы». Попытки прибегнуть к силовому давлению, как это делалось раньше, в условиях, когда у власти находились военные, могли привести к возникновению вооруженных столкновений между британскими и египетскими войсками. В результате эскалации конфликта Великобритания могла оказаться перед перспективой оккупации всей территории Египта, что повлекло бы за собой серьезные международные последствия. Во второй памятной записке министр иностранных дел намечал тактику, предлагавшуюся его ведомством на переговорах с египетскими представителями. По мнению Идена, следовало добиваться от египетского правительства согласия на поэтапный вывод британских войск и использование Великобританией сооружений и складов базы в случае войны. Исходная позиция британской делегации на переговорах должна была быть максимально жесткой и включать все выдвигавшиеся Лондоном с апреля 1946 г. условия соглашения, в том числе такие, как создание совместной англо-египетской системы воздушной обороны и вступление Египта в Средневосточную оборонительную организацию [27].

Замысел ведения переговоров с Египтом в значительной степени определялся настроениями британской политической элиты и британского общества в целом. Как образно определил британский историк А. Адамтуайт, после Второй мировой войны «Великобритания превратилась в узника своего прошлого». Статус державы-победительницы за-

крепил в общественном сознании образ Великобритании как ведущей мировой державы. Упрощением было бы утверждать, что британское общество питалось только иллюзиями. Страна все еще обладала большой военной мощью, имела ядерное оружие, большой контингент конвенциональных сил и систему баз во многих районах мира. Осознание британским обществом факта неспособности страны играть роль мировой державы должно было произойти постепенно. Быстрое сокращение внешнеполитических обязательств государства, утрата позиций в регионах мира без попыток противостоять этому процессу могли вызвать кризис доверия к Великобритании, прежде всего со стороны стран Британского Содружества, и подорвать традиционное уважение населения к политическим институтам страны [28]. Упорядочивание внешнеполитических обязательств страны, приведение их в соответствие с уменьшившимися возможностями Великобритании протекали в обстановке политической борьбы в правящих кругах. Ближневосточная политика правительства У. Черчилля, которое опиралось на незначительное большинство в 17 мест в палате общин, постоянно подвергалась критике со стороны парламентариев, входивших в так называемую «Суэцкую группу».

В отличие от других групп парламентариев, «Суэцкая группа» состояла только из членов консервативной партии. В нее входило около 40 депутатов палаты общин, с ядром в 28 человек. Как отмечает британский автор С.Онслоу в исследовании, посвященном вкладу рядовых членов британского парламента в формирование внешней политики Великобритании, члены «Суэцкой группы» полагали, что их страна должна стремиться к сохранению статуса мировой державы, равной США и Советскому Союзу. В отличие от лидеров партии, рядовые парламентарии выступали против укрепления отношений с Соединенными Штатами, указывая на опасность потери политической и экономической независимости страны. Члены «Суэцкой группы» наиболее последовательно и активно критиковали решение лейбористского правительства в 1946 г. начать переговоры об изменении условий договора 1936 г., считая, что оно поставило Великобританию в чрезвычайно уязвимую позицию на Ближнем Востоке, особенно в плане перспектив сохранения контроля над стратегически важным районом стыка континентов. Многие из депутатов, входивших в «Суэцкую группу», в годы Второй мировой войны служили в восьмой британской армии, воевавшей на Ближнем Востоке, и имели не самое лучшее мнение о египтянах как солдатах и администраторах. Подписание соглашения, в котором признавалось право Судана на самоопределение, вызвало резкую критику ближневосточной политики правительства. Курс Идена на ликвидацию военного присутствия в Египте считали ошибочным многие парламентарии. А члены «Суэцкой группы» были абсолютно уверены, что заключение соглашения не улучшит англо-египетских отношений и, в случае вывода британских войск, база в зоне Суэцкого канала будет потеряна Великобританией навсегда. Парламентарии требовали от правительства сохранить воинский контингент на базе, сократив его до численности, оговоренной в соглашении 1936 г. Позиция членов «Суэцкой группы» получала поддержку в палате лордов [29]. Болезнь Идена в апреле-октябре 1953 г. значительно усилила влияние «Суэцкой группы», так как У.Черчилль, к

которому перешел полный контроль над разработкой внешней политики, в частном порядке поддерживал деятельность членов группы и в значительной степени разделял их мнения об особенностях национального менталитета египтян.

Период второго премьерства У. Черчилля историки называют его «бабьим летом». То, что Черчилль вернулся на государственную службу в возрасте 78 лет, было его личным триумфом. Однако ситуация послевоенной Великобритании требовала лидеров, находившихся в пике физической и интеллектуальной формы. Понимая, что теряет силы, Черчилль пытался сосредоточиться на ключевых вопросах внешней политики, подменяя министра иностранных дел. Положение осложнялось тем, что А. Иден, как и сам У. Черчилль, был серьезно болен. Операция, сделанная Идену в апреле 1953 г., фактически вывела его из активной политики до конца года. Даже в декабре 1953 г., когда Иден участвовал в саммите на Бермудских островах, по свидетельствам современников, чувствовалось, что министр полностью не поправился. На процессе разработки и осуществления внешней политики сказывалось и столкновение личных амбиций. А. Иден рассматривался в консервативной партии как преемник Черчилля. Заняв пост премьера, Черчилль намекнул, что передаст пост лидера партии в течение года. Год превратился в два, затем в три. Иден болезненно реагировал на все слухи, связанные с передачей лидерства в партии. Черчилль колебался. Временами ему казалось, что Иден не подходит на роль его преемника и лучшей кандидатурой является Г. Макмиллан. Своеобразное «подвешенное» состояние, в котором находился А. Иден, заставляло его часто уступать премьеру: министр не мог позволить себе, отстаивая позицию, пригрозить уходом в отставку. Разумеется, степень принципиальности разногласий не следует преувеличивать. Позднейшие действия самого Идена на посту премьер-министра, особенно в период Суэцкого кризиса 1956 г., показали, что его взгляды на ближневосточную политику страны были гораздо ближе к подходам У. Черчилля, чем это казалось в 1953-1954 гг. Другое дело, что их взаимодействие могло бы сделать британскую внешнюю политику более динамичной, поскольку Иден был хорошим тактиком, а Черчилль обладал стратегическим мышлением. Правда, в силу большого политического опыта или возраста (личный врач премьера лорд Моран намекал на изменения в психике своего пациента) Черчилля отличала способность в течение длительного времени одновременно отстаивать взаимоисключающие подходы к решению важных политических проблем. Он также обладал качеством, которое смущало его сторонников: менять, на первый взгляд неожиданно, позицию по крупным международным проблемам. Так произошло, например, когда У. Черчилль, став премьер-министром, отказался поддерживать идею европейской интеграции, которую он, как казалось, отстаивал достаточно искренне, находясь в оппозиции.

Сохранение позиций на Ближнем Востоке, наряду с англо-советскими, англо-американскими отношениями и ядерной проблемой, были для Черчилля приоритетными вопросами в сфере внешней политики. Он психологически болезненно воспринимал ослабление влияния Великобритании в арабском мире, и для него важнее всего было попы-

таться сохранить престиж страны в регионе. Черчилль считал, что если Англии и суждено «уйти» из Египта, то следует это сделать так, чтобы вывод войск не выглядел как победа египтян. 19 августа 1952 г. У. Черчилль сделал следующую запись: «Я совершенно уверен, что мы не можем согласиться быть выпнутыми из Египта ... и бросить нашу базу стоимостью 500 млн. ф. ст. на разграбление или оставить ее в распоряжении египтян». Постепенно его официальная позиция изменялась в пользу начала переговоров о постепенном выводе войск. Но свидетельства окружения Черчилля дают основания полагать, что в душе премьер-министр предпочитал, чтобы возник военный конфликт с Египтом, в котором египтянам «будет дан урок», после чего Англии, конечно же, придется вывести свои войска, но сделает это она как бы по собственному выбору [30]. Что же касается тактики переговоров, то Черчилль, как и Иден, считал, что их следует вести с позиции силы, но только чаще прибегать к мерам подчеркнуто грубого давления на египетское правительство.

Консультации делегаций двух стран начались 26 апреля 1953 г., но были прерваны уже в начале мая. В середине месяца, в рамках турне по странам Ближнего и Среднего Востока и Южной Азии, с визитом в Каир должен был прибыть государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес. Ожидалось, что в итоге визита в страны Ближнего Востока будет определена стратегия ближневосточной политики новой американской администрации Д. Эйзенхауэра, в том числе и в аспекте англо-американских отношений.

Как уже отмечалось, У. Черчиллю представлялось крайне важным укрепить «особые отношения» с США. Выступив в г. Фултоне в марте 1946 г. как глашатай «холодной войны», Черчилль немало способствовал объединению усилий Соединенных Штатов и Великобритании в деле «сдерживания» Советского Союза. Вернувшись к исполнению обязанностей премьер-министра, У. Черчилль безуспешно пытался строить отношения с американскими лидерами на основе личной дипломатии. Характерна раздраженная реакция известного американского дипломата А. Гарримана на некоторые высказывания и манеру поведения Черчилля во время его визита в Вашингтон в январе 1952 г.: «Он, наверное, думает, что все еще продолжается Вторая мировая война» [31]. Избрание президентом США генерала Д. Эйзенхауэра, политические способности которого британский премьер оценивал, особенно первоначально, весьма невысоко, Черчилль воспринял как реальную возможность наладить механизм двухсторонних консультаций с тем, чтобы направить политику республиканской администрации в соответствующее британским интересам русло. Он пытался повлиять на выбор новым президентом кандидатуры госсекретаря, рекомендуя назначить на этот пост Т. Дьюи, губернатора Нью-Йорка [32]. Но Эйзенхауэр предпочел Дж. Ф. Даллеса. Личные встречи на высшем уровне Эйзенхауэр считал полезными, но, как военный штабист, большое значение придавал рутинному процессу принятия решений, в том числе и по проблемам внешней политики. Президент контролировал действия государственного секретаря, но в отличие от Черчилля не подменял главу дипломатического ведомства.

Воинственная антисоветская риторика Дж. Ф. Даллеса сразу же лишила Черчилля возможности эксплуатировать фактор «советской угрозы» для развития «особых отношений» с Соединенными Штатами Америки. Впрочем, британское министерство иностранных дел постепенно уловило, что политика Даллеса более реалистична, чем ее пропагандистское обеспечение, и новый госсекретарь США имеет свой дипломатический стиль. Он применял тактику «балансирования на грани» кризиса, считая верхом дипломатического искусства, умение не перейти эту грань, особенно в отношениях с Советским Союзом, поскольку это могло привести к началу глобального военного конфликта. Дж. Ф. Даллес хорошо ориентировался в делах Латинской Америки, со времени участия в Парижской мирной конференции считался экспертом по европейским делам, принимал активное участие в разработке мирного договора с Японией. Утверждение Даллеса государственным секретарем США давало британской дипломатии основания полагать, что республиканская администрация будет пытаться использовать методы экономического и дипломатического давления и в отношении ведущих стран НАТО и пытаться навязывать европейским странам свои решения международных проблем. Сложный характер американо-английских отношений, казалось, предрешали и символизировали отношения глав дипломатических ведомств. Склонность Даллеса к безудержному морализаторству и привычка А. Идена обращаться к собеседнику со словами «о дорогой» давно сформировали их взаимную неприязнь. Справедливости ради следует подчеркнуть, что оба политика умели сдерживать свои эмоции, особенно в тех случаях, когда этого требовали государственные интересы.

При общих пессимистических оценках Даллеса «положительными», с точки зрения британских дипломатов, качествами нового государственного секретаря США были его слабые представления о специфике ближневосточной политики. Британское правительство считало, что американское дипломатическое ведомство неизбежно будет вынуждено признать всю обоснованность ближневосточной политики Великобритании и руководствоваться в своих действиях на Ближнем Востоке интересами «атлантической солидарности». Однако уже первые месяцы пребывания у власти республиканской администрации США были отмечены осложнением англо-американских отношений.

Первоначально администрация Д. Эйзенхауэра действительно заявила о поддержке планов создания МЕДО и соответственно «пакетного решения» вопроса о статусе британской базы в зоне Суэцкого канала. Но сделала это явно для того, чтобы подчеркнуть преемственность американской внешней политики и продемонстрировать стремление продолжить начатый правительством Трумэна диалог с новым руководством Египта. Как подчеркивает американский автор М. Холланд, правительства США и Египта, каждое преследовавшее свои цели, не скупились на взаимные обещания. Соединенные Штаты обещали экономическую и военную помощь, а Совет революционного командования, как стало называть себя руководство осуществившей революцию организации «Свободные офицеры», декларировал готовность к военному сотрудничеству со странами НАТО и участию в ближневосточном мир-

ном процессе [33]. В январе 1953 г. завершавший срок своих полномочий президент Г. Трумэн («хромая утка», на американском политическом жаргоне) из всего пакета обсуждавшихся с египетским правительством соглашений подписал лишь документ о выделении субсидий в 10 млн. дол. для закупки американской пшеницы [34]. Коснувшись вопросов оказания военной помощи, Г.Трумэн подчеркнул намерение США поддерживать баланс сил между арабскими странами и Израилем. После вступления в должность Д. Эйзенхауэр поддержал решения своего предшественника, и новое американское правительство обозначило готовность к укреплению отношений с Египтом.

19 февраля 1953 г., не обращая внимания на возражения британского внешнеполитического ведомства, ссылавшегося на договоренности с администрацией Г. Трумэна о координации действий, госдепартамент уведомил правительство Египта о намерении США оказать помощь, правда, не в виде поставок вооружения, а в форме участия египетских военнослужащих в американских программах переподготовки офицерских кадров [35]. Действия американской дипломатии, направленные на укрепление отношений с новым египетским режимом, вызывали раздражение в Великобритании. Британское министерство иностранных дел имело серьезные подозрения, что американские дипломаты и сотрудники ЦРУ не ограничивают свою деятельность исполнением роли «честных брокеров» в отношении англо-египетских переговоров и делятся, преследуя свои цели, с лидерами Египта конфиденциальной информацией, полученной из Лондона по дипломатическим каналам. С тем чтобы лишить Вашингтон возможности играть на англо-египетских разногласиях, правительство Великобритании попыталось убедить США принять официальное участие в переговорах. Такие предложения содержались, в частности, в письмах, которые У. Черчилль направил Д. Эйзенхауэру в связи с его вступлением в должность президента. В этих посланиях он обратился к аргументам, которые ранее он использовал лишь в общении с американскими журналистами [36]. Он писал, что Англия якобы не заинтересована в сохранении контроля над Суэцким каналом, свое влияние в Восточном Средиземноморье и Персидском заливе она может поддерживать, укрепившись на Кипре и в Адене. Но британское военное присутствие в Египте необходимо для поддержания стратегических интересов НАТО. Поэтому американский высокопоставленный офицер должен принять участие в англо-египетских переговорах.

«Атлантическая солидарность» действительно оказывала серьезное влияние на отношения США и Великобритании и учитывалась Белым домом при принятии принципиальных политических решений. Но в данном случае госсекретарь Даллес посчитал более важным сохранить свободу дипломатического маневра и оставить за американским правительством право определять, что соответствует стратегическим целям НАТО. На заседании Совета национальной безопасности 24 февраля 1953 г. было принято решение, что американский представитель примет официальное участие в англо-египетских переговорах только в том случае, если в их ходе будут рассматриваться вопросы создания оборонительной организации на Ближнем Востоке и поставок оружия ее будущим участникам [37].

В марте 1953 г. А. Иден прибыл с визитом в Вашингтон. Глава британского внешнеполитического ведомства ознакомил руководство госдепартамента с теми изменениями в проекте соглашения с Египтом, которые были сделаны после англо-американских консультаций в Лондоне в декабре 1952 г. Государственный секретарь США в целом негативно оценил стремление британского правительства вести переговоры с позиции силы. Он также информировал Идена, что администрация США уже не уверена в целесообразности создания региональной организации при участии арабских стран. Британскому министру дали недвусмысленно понять, что Лондон может столкнуться с противодействием США в том случае, если британская дипломатия будет пытаться завести переговоры с Египтом в тупик. В то же время Идену удалось убедить президента Эйзенхауэра, что именно для успешного начала переговоров необходимо направить высокопоставленного американского военного для участия в миссии британского фельдмаршала У. Слима, в задачу которого входило проведение консультаций с египетскими представителями. Д. Эйзенхауэр распорядился направить в Каир заместителя начальника штаба сухопутных сил генерал-лейтенанта Р. Халла, обусловив, впрочем, его приезд приглашением египетской стороны [38]. По возвращении в Лондон А. Иден информировал кабинет министров о достижении полного взаимопонимания с руководством США[39]. Однако с реализацией договоренностей немедленно обнаружились сложности.

В соответствии с инструкциями, полученными от своего руководства, послы США и Великобритании обратились к премьер-министру Египта М. Нагибу с просьбой направить официальное приглашение генералу Халлу. Однако Совет революционного командования во главе с Г. А. Насером публично высказался против приезда в Каир этого генерала. Ситуация свидетельствовала, как минимум, о расколе в египетском руководстве и начале борьбы за власть между Нагибом и Насером. Однако Иден, зная о тесных контактах американских дипломатов с руководством Совета, не верил, что те не смогли убедить Насера пригласить Халла. Равнодушие, с которым госдепартамент США воспринял отказ, усилило подозрения в искренности обещаний американского президента[40]. Предварительные консультации британских и египетских представителей были прерваны, едва начавшись. У. Черчилль в письме президенту США от 18 марта 1953 г. предупредил, что если американское правительство не будет поддерживать Великобританию на Ближнем Востоке, то британское правительство, в свою очередь, не станет далее поддерживать Соединенные Штаты в войне в Корее[41]. В ряде последующих посланий У. Черчилль выразил свой протест против того, что США обращаются с Великобританией как «со страной, которая просто одна из многих», и констатировал, что возможности британского правительства в достижении сотрудничества с Вашингтоном по вопросам региональной политики исчерпаны. Эйзенхауэр спокойно ответил, что, с его точки зрения, вопрос о приглашении генерала Халла в Египет имеет процедурный характер и США по-прежнему согласны участвовать в переговорах, если речь пойдет о поставках оружия. Ответ американского президента не снял подозрений Черчилля относительно замыслов американской дипломатии в Египте.

Как уже отмечалось, в начале апреля Иден заболел и контроль над египетской политикой правительства полностью взял в свои руки Черчилль. Перед экспертами министерства иностранных дел премьер-министр поставил задачу юридически обосновать возможность сохранения военного присутствия Великобритании в Египте. Юристы министерства указали, что, по их мнению, договор 1936 г. не предусматривает обязательного вывода войск к моменту истечения срока действия соглашения, а ставит его в зависимость от способности Египта обеспечивать безопасность Суэцкого канала, что может стать предметом арбитражного рассмотрения, например Организации Объединенных Наций. Примерно в это же время государственный министр по иностранным делам С. Ллойд предоставил премьеру разведывательную информацию, согласно которой египетское руководство было намерено затягивать переговоры в течение полугода для того, чтобы подготовить за это время партизанские отряды для нападений на британский контингент. В связи с этим представители комитета начальников штабов высказали мнение о необходимости подготовки к отражению таких нападений. На встрече Черчилля с генералитетом было решено, что в связи с обострением ситуации в Египте, британское правительство не будет оказывать военную помощь Франции в войне в Индокитае[42].

Напряженность в отношениях с Великобританией стала предметом дискуссии в госдепартаменте США. Помощник госсекретаря по европейским делам Л. Мерчант высказал сомнение, что «можно поддерживать прочные отношения с Англией, если только все время требовать, чтобы британское правительство шло на уступки, тем более в вопросах, которые Лондон считает важными в плане обеспечения международной безопасности и позиций Великобритании в мире». Заместитель госсекретаря Ч. Беделл Смит считал важным сохранение британского военного присутствия в Египте. Именно через Смита посол Великобритании Р. Макинс пытался нейтрализовать влияние Даллеса на президента Эйзенхауэра. Сотрудники отдела госдепартамента по делам Ближнего Востока, со своей стороны, доказывали, что весь опыт послевоенной ближневосточной политики демонстрирует пагубность для престижа США в арабских странах и большей части государств Южной Азии безоговорочной поддержки Великобритании[43]. Неожиданный и весомый «вклад» в эту дискуссию внес У. Черчилль.

В очередном послании президенту, полученном из Лондона, содержалась просьба, в дополнение к устным, предоставить письменные гарантии того, что США не будут оказывать экономическую или военную помощь Египту без согласия британского правительства. Очередной демарш Черчилля вызвал резкую реакцию американского президента. В телефонном разговоре с Дж. Ф. Даллесом Эйзенхауэр высказал опасения, что, если информация об этом письме британского премьера просочится в конгресс, может возникнуть крупный скандал, и конгрессмены обвинят исполнительную власть в утрате самостоятельности в осуществлении внешнеполитического курса. Для президента и государственного секретаря стало очевидно, что руководство Великобритании не желает считаться с намерением американской администрации организовать ближневосточный мирный процесс, условиями которого должны

были стать не только демонстрация сбалансированности отношений Соединенных Штатов с Израилем и арабскими странами, но и повышение международного престижа нового египетского режима. Решение проблемы вывода британских войск с территории страны могло создать условия для заключения Египтом мира с Израилем, считали в Вашингтоне. Американская дипломатия использовала в своих интересах борьбу за власть в руководстве Египта, но в целом США были заинтересованы в стабилизации внутриполитической ситуации в этой стране.

Посол США в Египте Дж. Кэффери считал, что реальная власть сосредотачивалась в руках Г.А. Насера. Именно он является единственным лидером, готовым договориться с Соединенными Штатами, в то время как М. Нагиб проявляет тенденции к сближению с антизападными силами, - сообщал своему руководству посол. Генерал Нагиб не имел реального влияния на членов Совета революционного командования, но в то же время был популярен в массах и занимал пост премьер-министра. Американские дипломаты и сотрудники ЦРУ в основном контактировали с Насером и его окружением. Но одновременно они поддерживали широкие связи в армейских кругах, чтобы не быть застигнутыми врасплох попыткой нового государственного переворота. Сотрудники ЦРУ в своих донесениях из Египта оценивали политику военного руководства страны как реалистическую, основанную на стремлении отстоять национальные интересы, но в то же время подчеркивали способность египетских лидеров к компромиссу со странами НАТО. На каких условиях возможен такой компромисс, было пока не ясно. С попытками американской стороны «определить его правильную цену», связано направление президентом Эйзенхауэром М. Нагибу письма, в котором содержались заверения в том, что Египет получит полную экономическую и военную поддержку США в случае заключения соглашения с Великобританией. Поскольку ранее представители США ограничивались устными обещаниями, то послание президента, дополненное фотографией Эйзенхауэра с автографом, как бы поднимало отношения между двумя лидерами на более высокий уровень. Британские дипломатические представители не были официально уведомлены об этом письме американского президента [44]. На таком дипломатическом фоне началась поездка Дж. Ф. Даллеса. 11 мая 1953 г. государственный секретарь США прибыл в Каир.

Освещая ход визита государственного секретаря в страны Ближнего и Среднего Востока, журнал американских деловых кругов «Бизнес уик» отмечал, что прекращение англо-египетских консультаций как раз перед этой поездкой «поставило Даллеса под перекрестный огонь критики» как со стороны Каира, так и Лондона. Выступая 11 мая в палате общин с большой речью по проблемам внешней политики, У. Черчилль впервые не упомянул ни о союзе с Соединенными Штатами, ни даже о солидарности с ними. Отметив, что Великобритания осуществляет в Египте миссию, в успехе которой «заинтересованы все страны НАТО», британский премьер-министр подчеркнул решимость правительства использовать военную силу для защиты позиций страны на Ближнем Востоке, независимо от того, будет ли в этом получена помощь от «США или какой-либо другой страны»[45]. 12 мая отряд английских военных ко-

раблей в составе четырех эсминцев, имевших на борту подразделения морской пехоты, был направлен к берегам Египта для укрепления гарнизона Суэцкой базы. Посольство США в Лондоне расценило действия британского правительства как новое свидетельство обострения англо-американских разногласий по проблемам ближневосточной политики [46].

При взгляде из египетской столицы, ситуация в англо-египетских отношениях поначалу вызвала у главы американского внешнеполитического ведомства ощущение «тупика, из которого невозможно выйти «без потери лица» одной из сторон». Избранная Даллесом тактика переговоров свидетельствовала о намерении американского правительства продемонстрировать свою официальную позицию «честного посредника» в отношениях Великобритании и Египта и продолжить диалог с представителями боровшихся за власть группировок египетского руководства. Как бы давая ответ У. Черчиллю, который в выступлении палаты общин приравнял США к «другим странам», госсекретарь заявил о готовности укреплять «особые отношения» Вашингтона с правительством Великобритании, подчеркнув, что хотя американское правительство независимо в проведении внешнеполитического курса, но позиции США и Великобритания «близки по широкому кругу принципов внешней политики». Даллес активно использовал ту аргументацию, которой британская дипломатия оправдывала включение в проект соглашения с Египтом условий, ограничивавших суверенитет страны, возможно, именно затем, чтобы еще раз показать Лондону ее неприемлемость. Кроме протокольных встреч с египетским руководством, госсекретарь провел переговоры с каждым их двух соперничавших лидеров. В беседе с Насером Даллес дал понять, что США готовы отказаться от поддержки планов создания МЕДО и содействовать руководству Египта в достижении лидерства в арабском мире, но в том случае, если будет заключено соглашение с Великобританией и сделаны шаги к урегулированию арабо-израильского конфликта.

М. Нагибу госсекретарь передал автоматический пистолет Кольта из личной коллекции президента Эйзенхауэра, заметив при вручении подарка, что оружие преподносится «для сохранения мира». Британские средства массовой информации и лейбористская оппозиция в палате общин выразили возмущение символичностью подарка. Возможно, действительно, вручение пистолета было своеобразным ответом Лондону на требование предоставить Великобритании право вето в вопросах оказания американской военной помощи Египту [47]. Однако большее недовольство британских правительственных кругов вызвала активность госсекретаря в поисках сценария заключения англо-египетского соглашения. В мировой прессе активно обсуждалось содержание так называемого «американского плана». Отвечая на вопросы корреспондентов, Дж. Ф. Даллес не подтверждал, но и не отрицал наличие такого плана. По сообщению каирской газеты «Аль-Тахрир», план предусматривал, что решение о возникновении ситуации, позволяющей Англии возвратить выведенные войска на Суэцкую базу, принималось бы политическим комитетом Лиги арабских государств. Позиция Великобритании в этом вопросе состояла в том, что войска смогут вернуться на базу «в случае агрессии или ее угрозы» против самого Египта, любой из араб-

ских стран, а также Турции, Ирана и даже, как сообщала американская пресса, против Греции [48].

По возвращении в Вашингтон Дж. Ф. Даллес предложить свернуть разработку планов создания Средневосточной оборонительной организации и акцентировать внимание на формировании организации стран «северного яруса» Ближнего и Среднего Востока. Это означало, что британское правительство более не может рассчитывать на поддержку Вашингтона в навязывании Египту «пакетного решения» проблемы дальнейшего статуса базы в зоне Суэцкого канала. Госсекретарь поручил послу в Лондоне У. Элдричу довести эту информацию до сведения британского премьера и непременно подчеркнуть, что президент Д. Эйзенхауэр поддерживает позицию госдепартамента.

Корректировка египетской политики США проводилась с учетом информации о начале нового витка борьбы за власть в Египте. 18 июня 1953 г. была провозглашена республика. М. Нагиб стал президентом и главой правительства. Посты вице-премьера и министра внутренних дел занял Г.А. Насер. Даллес считал, что эти события служили подтверждением его выводов о динамике и направлении развития политической борьбы в Египте - обладавший реальной властью Насер стремится придать легитимность действиям Совета революционного командования. Но госсекретарь полагал, что не следует пока сбрасывать со счетов и Нагиба, который пытался использовать свою популярность в массах для расширения власти. Напротив, можно использовать противостояние египетских лидеров для расширения американского влияния в стране. И действительно, как тот, так и другой египетский лидер выступали с заявлениями о решимости добиться безоговорочного вывода иностранных войск с территории страны, и оба соглашались обсудить вопрос о праве использования Суэцкой базы «союзниками Египта и союзниками египетских союзников, при условии надежных гарантий получения от США и Великобритании экономической и военной помощи[49].

У. Черчилль с недоверием воспринимал эти заявления, полагая, что они имеют тактический характер [50]. По мнению британского премьера, американская дипломатия переоценивала готовность египетского руководства к сотрудничеству со странами НАТО, а Даллес ошибался в прогнозах исхода борьбы за власть в Египте. Переговоры должны были продолжаться с позиции силы.

На первом этапе консультаций интересы Великобритании представляли посол Р. Стивенсон, посланник М. Крессвел и главнокомандующий британскими войсками на Ближнем Востоке генерал А. Сандерс. В связи с болезнью посла Стивенсона Черчилль назначил временным поверенным в делах Великобритании в Египте Р. Хэнки. Это назначение должно было продемонстрировать непримиримость позиции консервативного правительства.

Р. Хэнки с 1933 по 1936 г. был личным секретарем А. Идена. После Второй мировой войны он работал в министерстве иностранных дел и в основном был связан с разработкой политики в отношении Советского Союза и стран Северной и Восточной Европы. Р. Хэнки происходил из аристократической семьи, его отец лорд Хэнки занимал пост одного из директоров компании Суэцкого канала и входил в группу пэров, под-

держивавших деятельность членов «Суэцкой группы». Отец и сын в равной степени были известны своим высокомерным отношением к египтянам. Р. Хэнки отстаивал точку зрения, что несоблюдение договоров является неотъемлемой чертой их менталитета. Инструкции, которые новый поверенный в делах получил от премьер-министра, буквально сводились к требованию вести себя на переговорах с египетскими представителями как «упорная и грубая свинья».

У. Черчилль определил к участию в переговорах также генерала Б. Робертсона, досрочно освободив его от обязанностей командующего сухопутными силами на Ближнем Востоке. Генерал Робертсон был сторонником вывода войск из Египта. При этом он считал главным добиться от египетского правительства согласия на возвращение войск при оговоренных условиях. По образному выражению генерала, Англия должна была «оставить ногу в двери». Черчилль всегда прислушивался к мнению генерала. Но, судя по всему, премьер-министр включил Робертсона в состав делегации, чтобы напомнить египетскому руководству о существовании плана «Родео», автором которого был этот высокопоставленный военный. План предусматривал, что если в случае начала беспорядков или восстаний в Египте возникнет угроза жизни граждан Великобритании, то британские войска оккупируют Каир и Александрию, а также возьмут под контроль важнейшие линии коммуникаций[51].

Неукротимый дух У. Черчилля на время смирил инсульт, который случился у него в конце июля 1953 г. Инициатива в осуществлении египетской политики перешла к исполняющему обязанности министра иностранных дел лорду Солсбери. В начале июля на заседании кабинета министров он высказал мнение, что «шансы на заключение соглашения будут оставаться ничтожно малыми, то тех пор пока египтяне уверены, что могут использовать американцев против нас». Разумеется, британский дипломат имел в виду заключение соглашения на условиях, которые выдвигала Великобритания. Его заявление означало, что исполняющий обязанности министра был намерен добиваться компромисса с Соединенными Штатами, которые прилагали все более активные усилия для наращивания влияния в Египте.

В июле 1953 г. в Каир был направлен сотрудник ЦРУ М. Коупленд, который должен был оказать помощь в реорганизации египетской разведслужбы и организовать семинары по изучению американского стиля бизнеса и дипломатии. Коупленд оставался в Каире в течение двух лет. Постепенно он стал вхож в окружение Насера и использовался руководством госдепартамента в качестве канала связи с этим египетским лидером. Кроме того, в Египет было направлено около сотни военных советников, которые на поверку оказались бывшими нацистскими офицерами во главе с небезызвестным террористом О. Скорцени. По методам консолидации политической власти Г. Насера должен был консультировать американский эксперт Дж. Эйхельбергер. Позднее в Каир прибыл П. Лайнбарджер – бывший сотрудник Управления стратегических служб США, а в то время – эксперт Пентагона по вопросам ведения «черной» и «серой» пропаганды, Он должен был обучить египетских специалистов новейшим приемам дискредитации политических против-

ников и создания положительных имиджей политиков. Коупленд, Эйхельбергер и Лайнбарджер также помогали египтянам в организации международного вещания радиостанции Радио Каир[32].

На середину июля был запланирован визит лорда Солсбери в Вашингтон. В связи с этим госдепартамент направил послу Кэффери инструкции обсудить с египетскими представителями пределы их возможных уступок на переговорах с Великобританией. В ходе консультаций посол должен был ознакомить египетских лидеров с американскими предложениями по таким остававшимся спорными пунктам, как статус британских технических специалистов, остающихся на базе после вывода войск, срок действия договора и условия использования базы Великобританией в случае войны. Предполагалось, что в результате консультаций египетская сторона представит свои предложения, которые можно будет обсудить на встрече Даллеса и Солсбери. Президент М. Нагиб направил в Вашингтон предложения, которые были почти точной копией американских. Посол Кэффери в своем донесении отметил, что Насер убедил членов Совета революционного командования принять предложения госдепартамента за основу египетской позиции на переговорах, указывая, что США тем самым принимают на себя «моральные обязательства не позволить Англии их отклонить». М. Нагиб сопроводил свое послание обращением к президенту Д. Эйзенхауэру, очевидно, подготовленное при помощи министра иностранных дел М. Фавзи и американского посла Кэффери, в котором генерал напоминал об обещании президента, данном в письме, направленном египетскому лидеру накануне визита Даллеса, и высказывал надежду, что США и Великобритания помогут укрепить египетскую армию и стабилизировать экономическую ситуацию в стране. Д. Эйзенхауэр не мог не признать справедливость косвенного упрека в том, что США продолжают уклоняться от оказания реальной экономической и военной помощи Египту.

Судя по всему, британское дипломатическое ведомство располагало информацией об итогах консультаций американского посла Кэффери с египетскими лидерами. Солсбери из всех «египетских предложений» отклонил лишь то, которое предполагало установления контроля египетских военных за работой технических специалистов. Ознакомленный госсекретарем с содержанием послания Нагиба и получив информацию о реакции на него американского президента, исполняющий обязанности британского министра иностранных дел признал возможным возобновить переговоры с Египтом на условиях, поддерживаемых госдепартаментом США[33]. Собственно говоря, англо-египетские дипломатические контакты возобновились уже в то время, когда Солсбери был в Вашингтоне. В конце июля генерал Б. Робертсон и Г. Насер встретились в неофициальном порядке на обеде в посольстве Пакистана[34]. После этого американский посол выступил в роли посредника и организовал секретную встречу генерала и временного поверенного в делах Р. Хэнки с министром иностранных дел Египта М. Фавзи в его загородном доме. Но встрече было достигнуто согласие сторон возобновить переговоры, без упоминания в печати, по чьей инициативе это делается.

Переговоры были возобновлены 2 августа 1953 г. В течение нескольких дней был согласован проект соглашения, предусматривавший поэтапный вывод британских боевых частей, обслуживание объектов базы в мирное время британскими техническими специалистами и возвращение британских войск на базу в случае войны. Разногласия сохранялись по двум пунктам. Британская сторона предлагала, чтобы технические специалисты оставались на базе в течение десяти лет, в то время как египетская – трех. Условиями возвращения войск на базу британская делегация предлагала считать нападение или его угрозу на арабское государство, Турцию и Иран. Египет ограничивал этот список арабскими странами и настаивал на праве определять существования угрозы нападения. По сообщениям американской печати египетское руководство было готово принять на себя обязательства консультироваться с Великобританией в случае нападения третьей стороны на Турцию, но не соглашалось включать это обязательство в текст соглашения. При американском посредничестве определилась возможность компромисса в деликатном, с учетом внутриполитических интересов сторон, вопросе о статусе британских технических специалистов. Египетская сторона соглашалась увеличить срок их пребывания на базе до пяти лет, но при условии, что в течение последних двух лет они будут считаться представителями инспекции. Британская делегация настаивала на сроке в 7,5 лет. Посол Кэффери предлагал сторонам согласиться на 7 годах. Часть ответственных сотрудников госдепартамента США, отстаивавшая курс на укрепление американо-английских отношений, пыталась всячески форсировать заключение соглашения. Сотрудник британского посольства в Каире Р. Скотт сообщал в Лондон о позиции заместителя госсекретаря США У. Беделла Смита: «Американцы полагают, что в случае кризиса, они (после консультации с нами) просто придут и захватят базу, что бы там ни говорилось в соглашении». Однако министерство иностранных дел не могло игнорировать наличие оппозиции в палате общин, которая внимательно наблюдала за ходом переговоров в Каире. Это было одной из причин того, что британская делегация продолжала настаивать на условиях, которые египетская сторона считала абсолютно неприемлемыми и ущемляющими национальные чувства населения Египта - ношение техническими специалистами военной формы и личного оружия. Кроме того, оппозиция в британском парламенте требовала, чтобы в соглашении с Египтом содержались гарантии свободы судоходства по Суэцкому каналу. С точки зрения международного права это было некорректное требование, но британская дипломатия настаивала на внесении такого обязательства в преамбулу соглашения, рассчитывая, что еврейская община США, давно добивавшаяся от правительства мер в защиту прав Израиля использовать Суэцкий канал, окажет давление на администрацию Эйзенхауэра и это осложнит американо-египетские отношения.

Со своей стороны египетское правительство пыталось оказать давление на Лондон, усиливая дипломатическую активность в регионе. В конце августа 1953 г. состоялось совещание начальников штабов армий арабских государств, на котором обсуждался вопрос о создании объединенного совета обороны. Затем прошла встреча министров обороны и

финансов, которые рассмотрели планы формирования объединенных вооруженных сил стран-участниц оборонительного пакта Лиги арабских государств. Такие силы, по мнению руководства Египта, могли быть размещены в зоне Суэцкого канала и гарантировать безопасность судоходства в той степени, в какой это предусматривал англо-египетский договор 1936 г. Разногласия между арабскими лидерами и действия проанглийски ориентированных политиков в ряде арабских стран не давали шансов на реализацию таких проектов, но демонстрировали готовность арабской дипломатии оспаривать трактовку авторитетных английских юристов буквы и духа англо-египетского договора 1936 г., что, кроме всего прочего, также способствовало росту авторитета египетского руководства в регионе Ближнего Востока[55]. Правительство Египта, вместо реальной экономической и военной помощи получавшее лишь обещания, пыталось оказать давление и на Соединенные Штаты. В июне 1953 г. в Египте побывал с визитом премьер-министр Индии Дж. Неру. Он уделил значительное внимание пропаганде принципов политики «позитивного нейтралитета». В сентябре несколько членов египетского правительства заявили о поддержке этих принципов. В США были обеспокоены начавшимися в третьем мире процессами, которые уже через короткое время привели к возникновению мощного «движения неприсоединения». Госдепартамент США считал, что для нейтрализации наметившихся изменений во взглядах руководства Египта следует форсировать заключение англо-египетского соглашения и затем, на первом этапе, оказать экономическую и военную помощь на сумму в 50 млн. дол.[56]

В Вашингтоне полагали, что, в условиях, когда стратегическая ситуация на Ближнем Востоке начинает меняться в пользу стран НАТО, для британского правительства нет разумных оснований отказываться от компромисса с руководством Египта. В частности, в решающую фазу вступили переговоры о заключении соглашения с Ливией, в соответствии с которым предусматривался двадцатилетний срок пребывания британских войск на территории страны. 18-21 августа 1953 г. произошел государственный переворот в Иране, был свергнут премьер-министр Мосаддык и восстановлена власть шаха. Эти события давали шансы и на улучшение отношений консервативного правительства с оппозицией в палате общин. В поддержку заключения соглашения с Египтом выступал британский генералитет. Военное руководство Великобритании считало, что уже сложились материальные и стратегические условия для передислокации войск из зоны Суэцкого канала и главное - оговорить условия их возвращения на базу в случае международного кризиса. Оправившиеся от болезней премьер-министр и министр иностранных дел, как казалось, сошлись во мнении, что следует использовать посредничество Соединенных Штатов для достижения соглашения с Египтом[57].

Очередной раунд англо-египетских переговоров начался 21 сентября 1953 г. Достаточно неожиданно, в ходе двусторонних консультаций британская делегация ужесточила свою позицию и стала настаивать на праве ввода войск на базу в ситуации, когда ООН примет решение о санкциях против агрессии в любом районе мира. Переговоры зашли в

тупик. После шести встреч представителей двух стран, 4 октября британское посольство в Каире заявило о прекращении переговоров и о том, что «нет оснований для чрезмерного оптимизма по поводу их возобновления». 21 октября, по согласованию с египетской стороной, посольство заявило, что в ходе консультаций «не было найдено возможности достичь соглашения. Встречи продолжатся, после того как возникшая ситуация будет рассмотрена правительствами» [58]. Тупик в переговорах был создан Лондоном в предвкушении победы на ноябрьских выборах в Судане партии Аль-Умма, которая выступала против объединения с Египтом. Со своей стороны, египетское руководство надеялось на победу юнионистских сил, а заодно использовало перерыв в переговорах для того, чтобы продемонстрировать непримиримость в отстаивании национальных интересов и лишний раз, по выражению американского автора М. Холланда, показать всему арабскому миру, что лидеры Египта «не лакеи англичан и американцев». Во второй половине октября возобновились, направляемые военным руководством Египта, партизанские действия против гарнизона Суэцкой базы.

Выборы в Судане завершились победой национально-патриотических сил. Их успех вызвал настоящий бунт оппозиции против руководства консервативной партии. Депутаты - «заднескамеечники» в палате общин напрямую связывали поражение партии Аль-Умма с соглашением по суданскому вопросу, подписанным правительством с Египтом в феврале 1953 г. Члены «Суэцкой группы» подготовили внесение резолюции, призывавшей кабинет министров не выводить войска из зоны Суэцкого канала и после истечения срока действия договора 1936 г. Инициативу парламентариев в неофициальном порядке поддержал У. Черчилль, и лишь решительные возражения министра иностранных дел А. Идена помешали премьер-министру вынести соответствующее решение на утверждение кабинета. Встревоженный таким поворотом событий, госсекретарь США пообещал Лондону продемонстрировать египетскому руководству, что оно имеет ограниченные возможности опереться на американскую поддержку и, в частности, заменить посла Кэффери, который давно обвинялся британским министерством иностранных дел в антианглийских настроениях. Переговоры возобновились 20 ноября, но уже к концу месяца были вновь прерваны.

Критика правительства У. Черчилля со стороны оппозиции в консервативной партии усиливалась. Г. Насер использовал ситуацию для укрепления своих внутриполитических позиций и демонстрации независимости и твердости в отношениях не только с Великобританией, но и США. В публичном выступлении в конце ноября Насер назвал обещаемую Соединенными Штатами помощь «опиумом, с помощью которого Западный мир хочет заставить спать угнетенные народы». В тот же день М. Нагиб заявил, что, по его мнению, США находятся под вредным влиянием британского империализма, очевидно, намекая на предполагаемую смену американского посла. Посол Египта в Вашингтоне А. Хуссейн сообщил государственному секретарю США, что Насер готов к поискам компромисса с Великобританией до конца года. В том случае, если компромисс не будет найден, Египет разорвет сотрудничество с Западом. Египетские лидеры вновь и более настойчиво говорили о на-

мерении перейти на позиции нейтрализма, который, в их трактовке, предусматривал права партизан нападать на британских военнослужащих, а также увеличение объема торговли Египта с социалистическими странами, признание Китайской Народной Республики, ГДР и Албании и поддержку вооруженной борьбы зависимых народов против европейских колонизаторов.

Ситуация на Ближнем Востоке стала одной из проблем, которые обсуждалась на встрече премьер-министра Великобритании и президента США на Бермудских островах в начале декабря 1953 г. У. Черчилль в своей традиционной манере попытался переложить ответственность за недавний тактический просчет британской дипломатии на Соединенные Штаты. Угрожая пойти на существенное улучшение англо-китайских отношений, он потребовал от американского президента пересмотреть египетскую политику США.

В заметках, сделанных к встрече с Черчиллем, американский президент отметил, что состояние дел в ближневосточном регионе представляет угрозу американским интересам, так как Великобритания утрачивает свои позиции. Согласно сложившейся практике распределения ролей между президентом и госсекретарем, демонстрируя верность принципам «атлантической солидарности», Д. Эйзенхауэр охотно пообещал У. Черчиллю не предоставлять в скором будущем помощи Египту. Уступка американского президента попыткам давления со стороны Черчилля имела относительный характер, поскольку США и без того лишь декларировали готовность оказать такую помощь. Функции «жесткого политика» были возложены на Даллеса, который обусловил отсрочку помощи получением от британского правительства достоверной информации о том, какие именно условия соглашения его устраивают, а в беседе с А. Иденом назвал 1 января 1954 г. в качестве даты, с которой США могут перейти к самостоятельной политике на Ближнем Востоке, если Великобритания не проявит склонности к поискам компромисса в отношениях с Египтом [59]. Посол Дж. Кэффери по-прежнему возглавлял посольство в Каире.

После возвращения с Бермудских островов Черчилль и Иден в полной мере столкнулись с угрозой раскола в парламентской фракции консервативной партии. Информация о ходе прошедших выборов в Судане давала некоторые основания членам «Суэцкой группы» говорить о вмешательстве египетского правительства во внутренние дела этой страны. Для оппозиции этого было достаточно, чтобы продолжать отстаивать тезис о невозможности полагаться на любые, в том числе и договорные, обязательства египетского правительства. Опасаясь, что, под американским давлением, кабинет министров пойдет на заключение соглашения с Египтом во время рождественских каникул парламента, члены «Суэцкой группы» хотели «связать руки правительству». Они настаивали, чтобы все ранее сделанные предложения Египту были отозваны и в случае возобновления переговоров они начинались бы «с чистого листа». Министр иностранных дел был вынужден принять энергичные меры для «умиротворения» мятежных депутатов. После обсуждения ситуации в правительстве было решено, что военный министр лорд Александер выступит в комиссии по иностранным делам с докладом о воен-

ной стратегии и экономическом положении страны. Ответным шагом со стороны членов «Суэцкой группы» стало внесение 15 декабря, в день выступления Александера в комиссии, резолюции, призывавшей правительство не выводить войска из зоны Суэцкого канала после истечения срока действия договора 1936 г. Особенно неприятным обстоятельством для правительства было то, что резолюцию поддерживали парламентарии фактически из всех основных неформальных групп палаты общин – представители «старой гвардии» и отставные военные, аграрии и промышленники, ветераны парламента и недавно избранные депутаты. Впрочем, Черчилль надеялся, что из внутриполитических затруднений правительства можно будет извлечь пользу и ссылками на общественное мнение добиться уступок от Египта и США.

Премьер-министр в ходе ряда встреч заверил депутатов, что соглашение не будет заключено во время каникул парламента, и пообещал провести парламентские дебаты, перед тем как такое соглашение будет внесено на ратификацию. Но на этом уступки правительства оппозиции закончились. 17 декабря, во время парламентских дебатов по проблемам внешней политики, Черчилль дал понять, что действия кабинета определяются задачей защиты национальных интересов и правительство будет противостоять попыткам давления со стороны внешних и внутренних сил[60]. После очередных попыток У. Черчилля угрожать Эйзенхауэру улучшением отношений с КНР, в том случае если США не пересмотрят своей египетской политики, за шесть дней до нового 1954 г. прошла встреча британского посла Р. Стивенсона с Г. А. Насером. Иден уполномочил посла информировать египетского лидера, что британское правительство готово отказаться от своих требований сохранить военную форму для технических специалистов, если Египет согласится включить Турцию в список стран, нападение на которые даст право Англии вернуть войска на базу. Насер в неофициальном порядке согласился с возможностью такого компромисса. Буквально накануне Нового года Черчилль, который болезненно воспринимал то, что его правительство вынуждено удовлетворять фактически ультимативное требование не только Вашингтона, но и Каира пойти на компромисс до 1 января, сделал новую попытку отстоять имперский престиж. Премьер-министр предложил А. Идену прекратить все контакты с египетскими представителями, британское посольство в Вашингтоне организовало утечку информации, явно адресованную сионистскому лобби в американском конгрессе, о том, что госсекретарь Даллес поддерживает Египет в ущерб интересам Израиля. Попытки Черчилля вновь затормозить переговорный процесс натолкнулись на сопротивление не только Идена, но и членов комитета начальников штабов[61].

В начале января 1954 г. министерство иностранных дел Великобритании предоставило американскому правительству проект соглашения с Египтом, который предусматривал право возвращения британских войск на базу в случае иностранной агрессии против любого из арабских государств, или в любом районе мира, при признании факта агрессии Организацией Объединенных Наций. На встрече на Бермудских островах британское руководство признало, что последнее условие не будет, конечно же, принято Египтом, но, очевидно, министерство ино-

странных дел не могло игнорировать желание Черчилля, с оглядкой на оппозицию в парламенте, ужесточить позицию Великобритании на переговорах. Проект соглашения предусматривал также, что в случае угрозы агрессии против Турции, Ирана или любого из арабских государств будут проводиться консультации правительств Великобритании и Египта. Несмотря на достижение неофициальных договоренностей, британская сторона продолжала настаивать на ношении техническими специалистами военной формы. Этот жест правительства также предназначался оппозиции в парламенте. В ответ на запрос госдепартамента США египетское правительство представило свой проект соглашения, который предусматривал право Англии вернуть войска на базу в случае нападения на Турцию, любое из арабских государств и проведение двусторонних консультаций в случае нападения на Иран, но в том случае, если технические специалисты будут одеты в гражданские одежды. В неофициальном порядке Насер говорил американским дипломатам, что время на стороне Египта и новых уступок с его стороны больше не будет[62].

Несмотря на внешнюю непримиримость занимаемых египетскими и британскими делегациями позиций, постепенно становилось ясно, что неофициальная договоренность, достигнутая на встрече британского посла с Насером в конце декабря 1953 г., предопределила возможность заключения соглашения в обозримом будущем. Ряд событий свидетельствовал об укреплении британских позиций в ближневосточном регионе. В конце декабря 1953 г. правительство Соединенных Штатов совершенно определенно согласилось поддержать заключение соглашения между Турцией и Пакистаном, которое затем стало основой создания региональной организации с участием Великобритании – Багдадского пакта. По планам британского правительства к турецко-пакистанскому соглашению должны были присоединиться Ирак и Иордания. Местами дислокации войск, выводимых из Египта, по планам комитета начальников штабов вооруженных сил Великобритании, могли стать территории Ливии, Иордании, Ирака, а также Кипр и Аден. По решению комитета вновь начала действовать база британских войск в Аммане, с постоянным дежурством эскадрильи боевых самолетов. Эскадрилья британских ВВС была направлена также в г. Акабу на южном побережье Иордании. Вместе с тем экономическая ситуация настойчиво требовала сокращения государственных расходов. Министр финансов Р. Батлер предложил на очередной финансовый год сократить военные расходы на 10 млн. ф. ст. Выбор стоял между сокращением вклада Великобритании в НАТО и урезанием расходов на содержанием войск на Ближнем Востоке. Правительство вынужденно склонялось ко второму варианту. Создание регионального военного блока на Ближнем и Среднем Востоке с участием Великобритании могло быть ускорено за счет урегулирования отношений с крупнейшей страной арабского мира. В памятной записке от 7 января 1954 г., представленной членам кабинета министров, А. Иден высказался за скорейшее заключение соглашения с Египтом. При американском посредничестве предложения о возобновлении переговоров были 24 января переданы Г. Насеру, который согласился вынести на обсуждение Совета революционного командования вопрос о

возможности включения Турции в число стран, нападение на которые даст Великобритании право на ввод войск на базу в зоне Суэцкого канала[63].

Возможности достижения компромисса явно возросли, после того как 9 января при обсуждении памятной записки Идена члены комитета начальников штабов высказались за снятие условия о ношении техническими специалистами военной формы. Представители министерства иностранных дел и военные отрицательно отнеслись к предложению членов «Суэцкой группы» сократить до 10 тыс. чел. численность контингента британских войск на базе в зоне Суэцкого канала и оставить его там на неопределенный срок. У. Черчилль, который поддерживал это предложение, назначил межминистерскую комиссию для изучения юридической стороны вопроса. Входившие в комиссию видные британские юристы представили заключение о том, что с правовой точки зрения условия присутствия войск и зоны их дислокации, определенные в договоре 1936 г., Великобританией были нарушены. Вывод войск в размерах, предлагавшихся «Суэцкой группой», мог считаться действиями, направленными на приведение численности контингента в соответствие с условиями договора, и лишь в ограниченном смысле трактоваться как начало постепенного вывода войск. Во время обсуждения проблемы в министерстве обороны лорд Александер бросил фразу, которая отражала неприятие военным руководством стремления оппозиции и премьер-министра оставить десятитысячный контингент в Египте. Эти военнослужащие станут «заложниками судьбы» в случае полномасштабного военного конфликта – заявил военный министр. Британские генералы считали вопрос решенным и уже были озабочены тем, чтобы провести вывод войск из Египта без потерь, в условиях, исключающих партизанскую войну со стороны местного населения. Консервация объектов базы, по мнению военных, должна была проводиться до истечения срока действия договора 1936 г. в последовательности их расположения в направлениях с юга и востока. До полного вывода войск, десятитысячный контингент сухопутных сил и около 3 тыс. военнослужащих ВВС должны были охранять необходимые портовые сооружения и иметь в распоряжении, по меньшей мере, один аэродром[64].

К весне 1954 г. стало очевидно, что в государственном руководстве Великобритании лишь премьер-министр остается сторонником оттягивания сроков заключения соглашения с Египтом. У. Черчилль продолжал считать, что борьба за власть в руководстве Египта затянется надолго и это следует использовать для достижения уступок на переговорах. Действительно, в конце февраля М. Нагиб подал в отставку со всех своих постов, а затем был помещен под домашний арест. Сопротивление части армейских офицеров и негативная реакция в Судане на отстранение Нагиба заставили Совет революционного командования предложить генералу вернуться к исполнению обязанностей президента республики. Но обострение политической ситуации в Судане в марте 1954 г. принудило уже британское правительство искать компромисса с египетским руководством.

Премьер-министр Судана – член национал-юнионистской партии, выступавшей за объединение с Египтом, попытался исключить членов

партии Аль-Умма из комиссии, занимавшейся подготовкой к проведению выборов в парламент. В этой связи У. Черчилль, демонстрируя оппозиции твердость политики правительства, провел встречу с представителями военного министерства, в ходе которой обсуждалась возможность вооруженного вмешательства Великобритании в целях разрешения политического кризиса в Судане. Британский генерал-губернатор Судана заявил о возможности приостановки деятельности комиссии и введения смертной казни. Но реально Лондон рассчитывал, что Насер, заинтересованный в смягчении острой реакции суданцев на попытку отстранения Нагиба от власти, в обмен на некоторые уступки британской дипломатии, окажет давление на руководство национал-юнионистской партии и это поможет урегулировать конфликтную ситуацию, возникновение которой вновь усилило критику консервативного правительства со стороны оппозиции в палате общин.

На заседании правительства 15 марта 1954 г. А. Иден предложил рассмотреть возможность привлечения к обслуживанию объектов базы гражданских специалистов, нанимаемых по контракту. Взамен можно было попытаться добиться от Египта обязательства уважать права британских собственников в Судане и гарантий безопасности британских граждан в этой стране. Чтобы избежать обвинений в «умиротворении» Насера, министр иностранных дел предлагал внести предложение об увеличении срока действия соглашения с 7 до 20 лет. А. Идена поддержал военный министр. Другие члены кабинета высказали мнение, что следует также добиваться внесения в текст соглашения гарантий свободы судоходства по Суэцкому каналу, на чем настаивали члены «Суэцкой группы». А. Иден разъяснил, что это право касается многих государств и не может быть гарантировано двусторонним соглашением. Важнее, с точки зрения Идена, было учесть вполне обоснованное мнение оппозиции, которое разделял и премьер-министр, что египетское правительство не будет соблюдать условия соглашения, и определить меры принуждения Египта к этому. Министр иностранных дел полагал, что Египет не сможет саботировать выполнение условий будущего соглашения, если к его реализации будут привлечены Соединенные Штаты. Американские граждане могли бы участвовать в обслуживании объектов базы, а представители правительства США – в англо-египетских консультациях при решении вопроса о наличии ситуации, отвечающей условиям договора о праве Великобритании вернуть войска на Суэцкую базу.

Госсекретарь США Дж. Ф. Даллес, при в целом неприязненных отношениях с Иденом, отдавал предпочтение позиции министра иностранных дел, а не премьер-министра. Но в ответ на недвусмысленные предложения А. Идена американскому правительству выступить в роли гаранта соглашения, Даллес повторил известный тезис о том, что участие американских представителей в англо-египетских переговорах возможно только в случае приглашения со стороны Египта. Президент Д. Эйзенхауэр поддержал Даллеса. Это не стало неожиданностью для Идена. Но У. Черчилля не привык быстро отказываться от своих замыслов. То обстоятельство, что США приняли участие в создании блока СЕАТО, усилило настойчивость, с которой британский премьер доби-

вался вступления Соединенных Штатов в создававшуюся при активном участии Великобритании региональную организацию на Ближнем Востоке. Черчилль полагал, что расширение военного присутствия Соединенных Штатов в регионе может гарантировать американское вмешательство в том случае, если Египет не будет соблюдать условий соглашения с Великобританией. Однако в начале 1954 г. только начали обозначаться контуры будущей региональной организации. А. Иден полагал, что позиция Соединенных Штатов в отношении этой организации в немалой степени будет зависеть от готовности Великобритании ускорить заключение соглашения с Египтом. Американская дипломатия не захочет ограничить свободу маневра на Ближнем Востоке, доказывал Иден Черчиллю [65].

После примерно недельных попыток убедить премьера отказаться от планов сделать Соединенные Штаты гарантом англо-египетского соглашения, А. Иден пришел к выводу, что У. Черчиллю потребуется еще 3-4 месяца для того, чтобы окончательно убедиться и быть готовым убедить оппозицию в парламенте в неизбежности вывода британских войск из зоны Суэцкого канала на условиях, которые были уже в значительной степени согласованы при посредничестве и прямом участии дипломатии США. Информация об ужаснувших Черчилля результатах взрыва термоядерного заряда, осуществленного Соединенными Штатами на атолле Бикини 1 марта 1954 г., понимание неотвратимости того, что США и СССР скоро будут иметь большие запасы термоядерного оружия, усилили беспокойство британского премьер-министра относительно судьбы 80 тыс. военнослужащих, находившихся на базе, которая располагалась в пределах радиуса действия стратегической авиации потенциального противника. Содержание базы обходилось в 50 млн. ф. ст. ежегодно и отвлекало стратегические резервы. С согласия Черчилля А. Иден запланировал возобновление переговоров с Египтом на середину апреля, но новое обострение политической ситуации, связанное с тем, что 17 апреля Насер занял пост премьер-министра, и кризис в Индокитае, показателем которого стало поражение французских войск под Дьен-Бьен Фу, помешали этому [66]. Американское правительство вновь предпринимает, ставшую уже дежурной, попытку давления на Лондон. Даллес предупреждает Идена в мае, в ходе Женевской конференции по Индокитаю, о возможности скорого начала оказания американской помощи Египту.

Новое обсуждение всего комплекса проблем египетской политики было проведено на заседании кабинета министров Великобритании 22 июня 1954 г. Британский генералитет информировал правительство, что стратегические возможности страны существенно изменились с появлением термоядерного оружия. Ядерный удар по Советскому Союзу мог быть нанесен уже в начальной фазе военных действий, в связи с чем «уменьшилась вероятность советского нападения через Кавказ». Великобритания имела хорошие политические возможности для создания системы баз на северо-востоке Ирака. Соответственно уменьшалась стратегическая роль Суэцкой базы. Черчилль с пониманием воспринимал информацию военных экспертов, но продолжал считать, что внутриполитические последствия для правительства «ухода» Великобрита-

нии из Египта, где она имела позиции с конца XIX в., будут очень серьезными и поэтому следует постараться обставить вывод войск с Суэцкой базы как осуществление совместного англо-американского плана «создания обороны против коммунистической агрессии»[67].

В конце июня 1954 г. У. Черчилль и А. Иден прибыли с визитом в Вашингтон. Президент Эйзенхауэр и госсекретарь Даллес были настроены весьма скептически относительно перспектив скорого заключения англо-египетского соглашения. Даллес в апреле 1954 г. побывал в Лондоне и убедился, что, даже понимая неотвратимость вывода войск из Египта, Черчилль психологически настроен против достижения компромисса с египтянами[68]. По мнению авторитетного британского журнала «Экономист», в середине 1954 г. между Вашингтоном и Лондоном существовал «кризис доверия». В американском правительстве были убеждены, что в ходе и этого визита придется в очередной раз выслушать, как предсказывал Даллес, рассуждения, что «британский колониализм лучше, чем, например, французский», и призывы к США «помочь Англии сохранить свою империю»[69].

Если верить той версии хода визита, которая отражена в опубликованных в США дипломатических документах, английские лидеры буквально умоляли американскую сторону проявить максимум понимания и такта и своими заявлениями и действиями не создавать у британской и мировой общественности впечатления, что «Соединенные Штаты изгоняют Англию из Египта». Характеру отношений двух правительств поразительно соответствовала тональность бесед. Плохо слышавший У. Черчилль упорно отказывался пользоваться слуховым аппаратом, и Д. Эйзенхауэру временами приходилось почти кричать. Но анализ результатов вашингтонской встречи доказывает, что в ее ходе был достигнут важный компромисс, причем на существенные уступки пошла именно американская сторона. Судя по всему, именно на переговорах в Вашингтоне Черчилль окончательно признал неизбежность ликвидации британского военного присутствия в Египте и смирился с тем, что не удастся привлечь американских представителей к участию в англо-египетских переговорах. Со своей стороны, американское руководство не только в очередной раз согласилось отложить оказание помощи Египту, но и обещало обусловить ее предоставление выполнением египетским правительством условий готовившегося соглашения.

26 июня стороны согласовали два документа – английский проект соглашения с Египтом о статусе Суэцкой базы и американский проект соглашения об оказании Египту экономической помощи. Британский сценарий завершения переговоров предусматривал предложения сократить количество объектов базы, которые следовало поддерживать в должном рабочем состоянии. Взамен египетская сторона должна была согласиться со сроком эвакуации британских войск (не менее двух лет), соответственно до 12 лет должен был увеличиться срок действия соглашения. Американские правительственные эксперты, напомнив, что ранее уже был определен срок в 7 лет как окончательная позиция британского правительства, свое согласие по этому вопросу выразила египетская сторона и об этом сообщалось в прессе, предложили попытаться внести в текст соглашения различные сроки эвакуации войск с отдель-

ных объектов базы, а часть их передать под контроль египетского правительства в течение, например, двух лет. Тогда, возможно, Египет примет английские предложения в целом. Британские руководители пообещали представить свои предложения египетской стороне «в ближайшем будущем». Обсуждение проблем велось политиками двух стран в строго секретной обстановке. В заявлении для печати, обнародованном по итогам вашингтонской встречи, о Египте вообще не упоминалось. Впрочем, госдепартамент не преминул через так и не заменённого посла Кэффери немедленно информировать египетское правительство о том, что со стороны США вновь было оказано на Великобританию давление в пользу скорейшего достижения соглашения [70].

7 июля 1954 г. А. Иден информировал кабинет министров о содержании переговоров в Вашингтоне, подчеркнув, что «как мы и ожидали, правительство США поддержало нашу позицию». На этом заседании кабинета У. Черчилль, наконец, официально высказался в поддержку заключения соглашения, заявив, что «вывод войск можно теперь оправдать ссылками на соображения военного характера». Правительство поддержало предложение министра иностранных дел о возобновлении и завершении переговоров с Египтом [71].

10 июля Г.А. Насер принял британского посла Р. Стивенсона, который передал египетскому премьеру предложения своего правительства возобновить переговоры. Насер, после знакомства с представленными посольством документами, заявил, что, с некоторыми уточнениями, британский проект может стать основой соглашения. Но премьер-министр Египта не согласился с предложенными сроками действия договора и вывода войск, настаивая в первом случае на периоде в 7 лет, а во втором - 15 месяцев. Кроме того, по его мнению, требовал согласования срок пребывания технических специалистов на базе. В течение некоторого времени сохранялась угроза нового срыва переговоров. Наконец, под давлением американской дипломатии и при посредничестве лидеров Индии и Пакистана – Дж. Неру и М. Джинны, стороны проявили готовность к поискам компромисса. В Каир был направлен государственный министр по военным делам А. Хэд с инструкциями пойти на уступки с целях заключения соглашения. 27 июля Хэд предложил установить срок действия соглашения в 7 лет, а срок эвакуации определить в 20 месяцев. Г. Насер согласился с этим. В тот же день «Основы соглашения о базе в зоне Суэцкого канала» были подписаны представителями договаривавшихся сторон - А. Хэдом и Г. А. Насером [72]. Государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес приветствовал заключение соглашения [73].

Подписание «Основ соглашения» состоялось за несколько дней до ухода британского парламента на каникулы. Тем самым правительство стремилось избежать продолжительных дебатов в палате общин. С этой же целью У. Черчилль встретился с депутатами, входившими в «Суэцкую группу», в результате чего, как сообщал британский еженедельник «Раунд тэйбл», ряды оппозиции англо-египетскому соглашению «сильно поредели» [74].

Дебаты в палате общин открылись 29 июля 1954 г. непродолжительным выступлением государственного министра по военным делам

А. Хэда. Он указал, что позицию правительства при заключении соглашения определяли военно-стратегические соображения. Создание водородного оружия, вступление Турции в НАТО и перевооружение турецкой армии снизили значение Суэцкой базы. А. Хэд подчеркнул важность задачи создания сил стратегического мобильного резерва и достижения сбалансированности в развитии отдельных родов войск британских вооруженных сил. Министр отметил, что правительство не отказывается от планов использования Суэцкой базы в случае возникновения международного кризиса, но возможность этого зависит от урегулирования отношений с Египтом. В поддержку соглашения выступили премьер-министр и министр иностранных дел. Лидер лейбористской оппозиции К. Эттли отметил преемственность в политике послевоенных британских правительств и поддержал заключенное соглашение. После продолжавшихся около пяти часов дебатов соглашение с Египтом было одобрено 257 голосами против 26. Депутаты от лейбористской партии при голосовании воздержались [75].

В течение последующих почти трех месяцев ряд пунктов соглашения уточнялся представителями сторон. Разногласия сохранялись по вопросу о сроке пребывания на базе технических специалистов. Британская сторона настаивала на 10 годах, а египетские представители считали, что это будет означать сохранение косвенного контроля Великобритании над Суэцкой базой в течение трех лет после истечения срока соглашения. В течение некоторого времени сохранялась вероятность затягивания переговоров, несмотря на активное посредничество американского посольства. Политическая ситуация в Египте осложнялась. Подписание Насером «Основ соглашения» вызвало резкую оппозицию со стороны организации «Братья-мусульмане». В связи с этим британская дипломатия сочла необходимым пойти на уступки и ускорить завершение переговорного процесса, для чего в Каир был направлен заместитель государственного министра А. Наттинг. 5 октября он информировал Идена о существенном прогрессе в переговорах [76]. 19 октября 1954 г. соглашение было подписано.

Договор 1936 г. прекращал свое действие. Срок действия нового англо-египетского соглашения устанавливался в 7 лет. Предусматривалась возможность проведение консультаций в течение последних 12 месяцев, но, если стороны не договорятся о продлении соглашения, оно будет считаться расторгнутым. Великобритания должна была вывести свои войска за 20 месяцев. В случае агрессии против любой арабской страны, которая к моменту подписания соглашения являлась участницей договора о коллективной обороне государств-членов Лиги арабских государств, подписанного в Каире 13 апреля 1950 г., а также против Турции, британские войска могли вернуться на базу. Они подлежали выводу немедленно после окончания военных действий. В тексте соглашения была сделана оговорка, что исключаются случаи конфликтов между самими арабскими странами или военных столкновений с Израилем. После вывода британского контингента охрана базы передавалась подразделениям египетской армии. Техническое обслуживание объектов базы в течение срока действия соглашения должны были осуществлять гражданские специалисты из английских или египетских коммер-

ческих фирм, с которыми британское правительство должно было заключить соответствующие контракты. Великобритания имела право ввозить и вывозить материалы с базы и на базу, не превышая уровня хранения, согласованного с египетским правительством. Британские ВВС имели право пролета над территорией Египта. Обе стороны выразили намерение поддерживать выполнение условий Константинопольской конвенции 1888 г. о свободе судоходства по Суэцкому каналу.

При подписании соглашения был уточнен график вывода британских войск с базы. В течение четырех месяцев должны были быть выведены 22% от численности контингента, в течение восьми месяцев – 32%, двенадцати – 54%, шестнадцати – 75%. Взаимные финансовые претензии были аннулированы. В процессе подготовки соглашения прекратилась партизанская война в зоне канала. 30 августа британское правительство объявило о снятии эмбарго на продажу оружия Египту. Сменивший Б. Робертсона на посту главнокомандующий британскими войсками на Ближнем Востоке генерал Ч. Кейтли заявил, что часть войск будет выведена из Египта на о. Кипр, в Ливию и Иорданию, а основное ядро будет расквартировано на территории Англии и составит мобильный стратегический резерв [77].

Подписание англо-египетского соглашения 1954 г. стало определенным этапом в процессе сокращения и упорядочивания внешнеполитических обязательств Великобритании, который был начат после Второй мировой войны лейбористским правительством К. Эттли и продолжен консервативным кабинетом министров во главе с У. Черчиллем. Важную роль в этом процессе занимали попытки британских правящих кругов сохранить укрепившиеся в годы войны «особые отношения» с Соединенными Штатами.

В отличие от Лондона, который стремился сохранить свое влияние на Ближнем Востоке за счет удержания позиций в странах арабского мира, официальный Вашингтон, уже в период пребывания у власти администрации Г. Трумэна, сделал акцент на создание военных организаций с участием стран Ближнего и Среднего Востока, а также Южной Азии, непосредственно граничивших или расположенных вблизи границ Советского Союза [78]. Американская дипломатия категорически отклоняла неоднократные попытки британского правительства добиться заключения негласного соглашения о разделе сфер влияния на Ближнем Востоке [79]. Но де-факто в американскую сферу интересов входили Саудовская Аравия и Израиль. Революция 1952 г. в Египте укрепила надежды американских правящих кругов на возможность начала ближневосточного мирного процесса и урегулирование отношений арабских стран и Израиля. Обещаниями предоставить военную и экономическую помощь правящие круги США пытались обеспечить проамериканскую внешнеполитическую ориентацию Египта.

Американская дипломатия проявляла большую заинтересованность в урегулировании англо-египетских отношений. Заключение, при американском посредничестве, соглашения о статусе Суэцкой базы должно было способствовать вовлечению Египта в орбиту влияния Североатлантического блока. На следующий день после парафирования текста соглашения американская газета «Нью-Йорк таймс» писала, что оно

«создает возможности расширить связи между ... Турцией и Пакистаном за счет Ирака и Ирана, а возможно, и других арабских государств, включая Египет ...»[80].

Избранная британской дипломатией тактика затягивания переговоров с Египтом определялась стремлением сохранить престиж Великобритании на Ближнем Востоке, обеспечить военно-стратегические и внутриполитические условия для вывода британских войск, а на последнем этапе — желанием сделать Соединенные Штаты гарантом выполнения Египтом условий соглашения. Правительство Д. Эйзенхауэра декларировало готовность оказать экономическую и военную помощь Египту после заключения англо-египетского соглашения. По мере затягивания переговоров Лондон сумел трансформировать эту позицию американской дипломатия из способа давления на Великобританию в демонстрацию «атлантического единства». В Каире рассчитывали на получение от США оружия и военных материалов на сумму как минимум в 100 млн. дол. 2 августа 1954 г. посол Дж. Кэффери довел до сведения министра иностранных дел Египта М. Фавзи информацию, согласно которой можно было рассчитывать на получение американской военной помощи на сумму всего лишь в 20 млн. дол. Предоставление помощи обставлялось целым рядом политических условий. 28 августа 1954 г. министр иностранных дел Египта М. Фавзи информировал американского посла, что египетское правительство, «исходя из внутриполитических причин, решило не обращаться к США с просьбой о предоставлении в настоящее время военной помощи»[81]. Подлинный смысл этого решения стал ясен после окончания вывода британских войск, когда Г. А. Насер объявил о национализации компании Суэцкого канала.

Как свидетельствует один из членов Совета революционного командования Халед Мохи Эл Дин, уже в начале 1954 г. Г. А. Насер фактически не скрывал намерений воспрепятствовать, если понадобится, то и силой, возвращению британских войск на египетскую территорию[82]. Начало трехсторонней агрессии против Египта в конце октября 1956 г. дало возможность египетскому правительству денонсировать договор с Великобританией и установить контроль над базой в зоне Суэцкого канала.

---

[1] *Rahman H.* A British Defense Problem in the Middle East. The Failure of the 1946 Anglo-Egyptian Negotiations. Readings, 1994. P. 10-12, 35, 38-39, 60-69. Ovendale R. Britain, the United States, and the Transfer of Power in the Middle East 1945-1962. L., N.Y., 1996. P. 2-6. Kent J. Bevin's Imperialism and the Idea of Euro-Africa, 1945-1949 // British Foreign policy, 1945-1956. Ed. by M. Dockrill and J.W. Young. N.Y., 1989. P. 47-70.

[2] *Кент Дж.* Египетская база и оборона Ближнего Востока, 1945-1954 // Британия и Россия. М., 1997. С. 91.

[3] *Holland M.* America and Egypt. From Roosevelt to Eisenhower. Westport, Conn., L., 1996. P. XXV. Rahman H. Op. cit. P.152-153, 174, 183.

[4] *Adamthwaite A.* Introduction. The Foreign Office and Policy-making // The Foreign policy of Churchill's Peacetime Administration 1951-1955 / Ed. by W. Young. Leicester University Press, 1988. P. 3.

[5] Россия и черноморские проливы (XVIII-XX столетия). М., 1999. С. 467-482.

[6] *Hall J. A.* Britain's Foreign Policy in Egypt and Sudan. 1947-1956. Reading, 1996. P.23.

[7] *Пенинась М.Я.* Экспансионистская политика США и Англии на Ближнем и Среднем Востоке в 1947-1952. Томск, 1989. С. 140-157.

[8] *Ovendale R.* Egypt and the Suez Base Agreement // The Foreign Policy of Churchill's Peacetime Administration 1951-1955. P. 136.

[9] *Hall J. A.* Op. cit. P.79-85.

[10] Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FRUS). 1952-1954. Vol. IX. Pt. 2. Wash., 1986. P. 1760-1762. Pt. 1. Wash., 1986. P. 168-170, 188-191, 237-254. *Carlton D.* Anthony Eden. A Biography. L., 1981. P. 304. *Ovendale R.* Egypt and the Suez Base Agreement. P. 138.

[11] *Hahn P.* The United States, Great Britain and Egypt, 1945-1956. Strategy and Diplomacy in the Early Cold War. Chapel Hill, 1991. P.17-18.

[12] FRUS. 1950. Vol. V. Wash., 1978. P.1233-1235, 1248-1250. The New York Times. 1951. March 3.

[13] Dropshot. The United States Plan for War with the Soviet Union in 1957 / Ed. by A. Brown. N.Y., 1978. P.154, 236.

[14] The New York Times. 1950. July 8, 20, 25.

[15] *Пелипась М.Я.* Указ. соч. С. 140-162.

[16] FRUS. 1949. Vol. VI. Wash., 1977. P. 208-217.

[17] *Copeland M.* The Game of Nations. The Amorality of Power Politics. L., 1969. P.47.

[18] *Carlton D.* Op. cit. P.304.

[19] The Round Table. 1952. September. P. 29.

[20] *Aronson G.* From Sideshow to the Center Stage. US Policy towards Egypt 1946-1946-1956. Boulder (Col.), 1986. P.30-31.

[21] *Lenczowski J.* The Middle East in World Affairs. Ithaca and L., 1987. P. 228-335.

[22] *Copeland M.* Op. cit. P.48-61.

[23] The Round Table. 1952. September. P.29. Life. 1951. December 3. Ovendale R. Anglo-American Relations in the Twentieth Century. N.Y., 1998. P.60.

[24] FRUS. 1952-1954. Vol. IX. Pt. 1. Pt. 222-225.

[25] *Пелипась М.Я.* Проблемы вывода британских войск из зоны Суэцкого канала и позиция американской администрации // Грумона // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всероссийской конференции. Т. 1. Томск, 1999. С. 309-318.

[26] Демократическая республика Судан. М., 1973. С. 126-132. *Hall J.A.* Op. cit. P.101-107.

[27] Louis Wm. The Tragedy of Anglo-Egyptian Settlement of 1954 // Suez 1956. The Crisis and Its Consequence. Ed. by Wm. R. Louis and R. Owen. Oxford, 1989. P.53. Freiberger S. Down over Suez. The Rise of American Power in the Middle East. 1953-1957. Chicago, 1992. P. 57.

[28] Adamthwaite A. Op. cit. P.10.

[29] *Onslow S.* Backbench Debate within the Conservative Party and Its Influence on British Foreign Policy, 1948-1957. Houndmills and L., 1997. P.109-165.

[30] *Louis Wm.* The Tragedy of Anglo-Egyptian Settlement of 1954. P. 53-54. Meyer G. Egypt and the United States. The Formative Years. L., 1980. P.58-59.

[31] *Seldon A.* Churchill's Indian Summer. The Conservative Government 1951-1955. L. a. o., 1981. P. 388-398.

[32] *Boyle P.* The "Special Relationship" with Washington // The Foreign Policy of Churchill's Peacetime Administration 1951-1955. P. 31-32.

[33] *Holland M.* Op. cit. P.31-32.

[34] FRUS. 1952-1954. Vol. IX. Pt. 2. P.1920-1923.

[35] Ibid. P.2042-2043.

[36] The Diaries of Lord Moran. The Struggle for Survival. 1940-1965. Boston, 1966. P.386-387.

[37] FRUS. 1952-1954. Vol. IX. Pt. 2. P.1981-1991, 1997-2000.

[38] The Memoirs of Anthony Eden. Full Circle. Boston, 1960. P. 284. Eisenhower D. The White House Years. Mandate for Change. 1953-1956. Garden City, N.Y., 1963. P. 150-152. FRUS. 1952-1954. Vol. IX. Pt. 1. P. 168-170. Pt. 2. P. 1931-1940. Lucas W. Divided We Stand. Britain, the US and Suez Crisis. L., 1991. P. 25.

[39] The Memoirs of Anthony Eden. Full Circle. P.280-281.

[40] Freiberger S. Op. cit. P. 62. Ovendale R. Egypt and the Suez Base Agreement. P. 143.

[41] FRUS. 1952-1954. Vol. IX. Pt. 2. P.2026-2027.

[42] *Ovendale R.* Egypt and the Suez Base Agreement. P. 143-144.

[43] FRUS. 1952-1954. Vol. VI. Pt. 1. Wash., 1986. P. 991-993.

[44] *Holland M.* Op. cit. P.43-44.

[45] Great Britain. Parliament. Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report. Fifth Series. Vol. 515. L., 1953. Col. 883-898. Business Week. 1953. May 16.

[46] The Times. 1953. May 12. The New York Herald Tribune. 1953. May 13. FRUS. 1952-1954. Vol. VI. Pt. 1. P. 985-986.

[47] О миссии Дж. Ф. Даллеса в страны Ближнего Востока и Южной Азии см. *Пепинась М.Я.* Дж. Ф. Даллес и американские планы создания военной организации стран «северного яруса» Ближнего и Среднего Востока //Исторические и историографические проблемы американской и английской буржуазной дипломатии. Томск, 1991. С. 117-137.

[48] FRUS. 1952-1954. Vol. IX. Pt. 2. P. 2116. The New York Herald Tribune. 1953. June 30, August 31.

[49] FRUS. 1952-1954. Vol. IX. Pt. 2. P. 2093-2094.

[50] *Rotwell V.* Robin Hankey //British Officials and British Foreign Policy 1945-1950. Ed. By J. Zametica. Leicester, L. and N.Y., 1990. P. 157-188. Louis Wm. Churchill and Egypt 1946-1956 //Churchill. Ed. be R. Blake and Wm. R. Louis. N. Y., L., 1993. P. 479-480.

[51] *Hail J.A.* Op. cit. P. 108-110.

[52] *Holland M.* Op. cit. P. 46, Copeland M. Op. cit. P. 84-95.

[53] *Hahn P.* Op. cit. P. 164-165.

[54] The Times. 1953. August 1.

[55] *Hahn P.* Op. cit. P. 171-172; *Meyer G.* Op. cit. P. 60-61; FRUS. 1952-1954. Vol. IX. Pt. 2. P. 2128-2130, 2132, 2140, The Times. 1953. July 13, The Economist. 1953, September 5. The New York Times. 1953, October 11. The New York Herald Tribune. 1953. October 6, 13.

[56] *Holland M.* Op. cit. P. 48; *Ovendale R.* Egypt and the Suez Base Agreement. P. 146.

[57] Louis Wm. The Tragedy of Anglo-Egyptian Settlement of 1954. P. 60-61; *Freiberger S.* Op. cit. P. 69.

[58] The New York Herald Tribune. 1953. October 6, 13. Egypt and Nasser. Vol. I. 1952-1954. Ed. by D. Hofstadler. N. Y., 1973. P. 54-55. Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке. 1945-1965. М., 1966. С. 74.

[59] The Memoirs of Anthony Eden. Full Circle. P. 282, *Holland M.* Op. cit. P. 48-49; *Hahn P.* Op. cit. P. 172-174.

[60] *Onslow S.* Op. cit. P. 178-180.

[61] *Ovendale R.* Egypt and the Suez Base Agreement. P. 147; *Holland M.* Op. cit. P.149.

[62] *Hahn P.* Op. cit. P. 172-174.

[63] Louis Wm. The Tragedy of Anglo-Egyptian Settlement of 1954. P. 31. Freiberger S. Op. cit. P. 72-73, FRUS. 1952-1954. Vol. IX. Pt. 2. P. 2208-2209.

[64] Louis Wm. The Tragedy ... P. 65-66.

[65] Freiberger S. Op. cit. P. 73-74; *Ovendale R.* Egypt and ... P. 147-149.

[66] *Hahn P.* Op. cit. P. 176-177.

[67] *Ovendale R.* Egypt and ... P. 150.

[68] FRUS. 1952-1954. Vol. VI. Pt. 1. P. 1023-1025. Idem. Vol. IX. Pt. 2. P. 2220.

[69] The Economist. 1954. June 19; *Freiberger S.* Op. cit. P. 75.

[70] Ibidem. FRUS. 1952-1954. Vol. VI. Pt. 1. P. 1067-1069, 1079, 1101, 1104-1107, 1125-1126, 1132-1133, Ibidem. Vol. IX. Pt. 2. P. 2275-2276; *Ovendale R.* Britain, the United States, and the Transfer of Power in the Middle East. P. 78. Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке. С. 79-80.

[71] *Freiberger S.* Op. cit. P. 75, *Ovendale R.* Egypt and ... P. 151.

[72] *Hahn P.* Op. cit. P. 178. Hail J. A. Op. cit. P. 112-113; FRUS. 1952-1954. Vol. IX. Pt. 2. P. 2279, 2282, 2287-2288.

[73] Documents on American Foreign Relations. 1954. N. Y., 1955. P. 385-386.

[74] The Round Table. 1954. September. P. 390.

[75] Great Britain. Parliament. Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report. Fifth Series. Vol. 351. L., 1954. Col. 724-822.

[76] *Freiberger S.* Op. cit. P. 76.

[77] *Hail J.A.* Op. cit. P. 159-167. Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке. С. 80-83.

[78] *Jalal A.* Towards the Baghdad Pact: South Asia and Middle East Defense in the Cold War, 1947-1955 //The International History Review. 1989. August. P.418.

[79] *Пепинась М.Я.* Американо-английские переговоры по проблемам Арабского Востока (октябрь-ноябрь 1947 г.) // Из истории межимпериалистических противоречий и буржуазной дипломатии в 1897-1949 гг. Томск, 1981. С. 113-115, 118.

[80] The New York Times. 1954. July 28.

[81] *Burns W.* Economic Aid and American Policy Toward Egypt, 1955-1981. Albany, N. Y., 1985. P. 16-17. Aronson G. Op. cit. P. 101-102. The New York Times. 1954. September 22.

[82] *Mohi El Din Kh.* Memories of a Revolution. Egypt 1952. Cairo, Egypt, 1995. P. 132-133.

ПОЗИЦИЯ США В СВЯЗИ С ВЫВОДОМ ИЗРАИЛЬСКИХ ВОЙСК С ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ ЕГИПТА В 1956-1957 гг.

В.П. Румянцев

Томский госуниверситет

В середине 1950-х годов характерной чертой политики администрации президента США Д. Эйзенхауэра на Ближнем и Среднем Востоке была попытка проведения сбалансированного курса в отношении Израиля и крупнейшей страны арабского мира - Египта. В первой половине 1950-х гг. одной из приоритетных задач американской политики на Ближнем и Среднем Востоке было достижение арабо-израильского урегулирования. Попытки привести в действие разработанный совместно с британскими специалистами план ближневосточного переговорного процесса под кодовым названием «Альфа», построенный на допущении возможности взаимных уступок со стороны Израиля и Египта, к успеху не привели.

Отношения между Египтом и Израилем значительно обострились после пограничных инцидентов в феврале-марте 1955г. в районе сектора Газа. Начавшееся сближение Египта с Советским Союзом, свидетельством которого была закупка Каиром вооружения у стран Варшавского договора, рассматривалось правящими кругами в Тель-Авиве как нарушение баланса сил в регионе, угрожающее безопасности Израиля. В правительстве США на основании поступавшей по дипломатическим и разведывательным каналам информации сделали вывод о том, что в ближайшем будущем Израиль, возможно, предпримет попытку нанести удар по Египту, в связи с чем американские дипломаты, совместно с коллегами из Великобритании, намечают меры по предотвращению, а в случае начала – по локализации вооруженного арабо-израильского конфликта[1].

Национализация египетским правительством компании Суэцкого канала 26 июля 1956 г. была негативно встречена израильским правительством, расценившим, что она затрагивает проблему безопасности Израиля. Целями Тель-Авива было снятие блокады Акабского залива, установленной Египтом в результате арабо-израильской войны 1948-1949 гг., и прекращение рейдов на территорию Израиля палестинских партизан – федайинов, основные базы которых находились в секторе Газы, находящемся под контролем Египта. Кроме того, Тель-Авив пытался добиться возобновления судоходства израильских судов по Суэцкому каналу, в чем ему было отказано Каиром в конце 1940-х гг.

В Англии и Франции, чья экономика в значительной степени зависела от ближневосточной нефти, поставляемой через Суэцкий канал,

национализация компании, осуществляющей эксплуатацию этого морского пути, также рассматривалась как угрожающая национальным интересам этих государств. С августа 1956 г. начинаются секретные консультации между Израилем и Францией, целью которых была выработка комплекса мер, необходимых для свержения режима египетского президента Г. А. Насера. Одновременно с этим французские и британские военные готовили план военных действий против Египта, на случай, если не удастся добиться установления международного контроля над Суэцким каналом дипломатическим путем. 22-24 октября 1956г. в предместье Парижа, Севре, состоялось секретное совещание представителей Израиля, Франции и Англии, на котором был выработан план совместной военной операции против Египта, начавшейся 29 октября 1956 г.

Правительство Соединенных Штатов было информировано о планах своих союзников по НАТО прибегнуть к силовой акции в отношении Египта. США стремились к расширению своего влияния на Ближнем и Среднем Востоке при любом развитии событий и сделали акцент на поисках дипломатического решения вопроса о статусе Суэцкого канала. Используя различные тактические приемы, государственный секретарь Соединенных Штатов Дж. Ф. Даллес попытался предотвратить возникновение вооруженного конфликта на Ближнем Востоке в разгар предвыборной кампании, в которой Д. Эйзенхауэр планировал выставить свою кандидатуру для переизбрания на второй срок президентства. Начало тройственной агрессии против Египта за восемь дней до выборов в США означало определенный провал американской дипломатии.

Правящими кругами Вашингтона было решено, исходя из соображений внешней и внутренней политики, предпринять меры по скорейшему прекращению военных действий на территории Египта. Принимая во внимание влияние еврейской общины в Соединенных Штатах, поддержка которой была необходима Эйзенхауэру на выборах, администрация президента сконцентрировала свое давление в отношении Лондона и Парижа, применив экономический и дипломатический нажим. Англия, где в начале ноября 1956 г. обострился финансовый кризис, и Франция остановили продвижение своих войск к Суэцкому каналу 6 ноября, в день президентских выборов в США. К этому времени израильская армия заняла территорию всего Синайского полуострова.

7 ноября, выступая перед израильским парламентом, премьер-министр Израиля Д. Бен-Гурион заявил об отказе Тель-Авива выполнить условия резолюции, принятой 4 ноября Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций. Данная резолюция призывала немедленно вывести все иностранные военные формирования с территории Египта, после чего здесь планировалось разместить специально созданные для поддержания порядка Чрезвычайные вооруженные силы (ЧВС) ООН. Бен-Гурион заявил, что Израиль ни при каких обстоятельствах не согласится на размещение войск ООН на территории Синайского полуострова. Из выступления израильского премьер-министра следовало, что его государство не намерено больше придерживаться демаркационных линий перемирий, установленных в результате войны 1948-1949 гг.[2].

На президентских выборах Д. Эйзенхауэр был избран на второй срок, и Соединенные Штаты получили возможность более широкого дипломатического маневрирования в отношении Израиля. Администрация Д. Эйзенхауэра решила приложить максимальные усилия, чтобы заставить Израиль освободить оккупированную территорию Египта. Твердая политика в отношении Израиля, по мнению американского руководства, была необходима для закрепления тех позиций, которые США получили в арабских странах в результате занятой ими миротворческой позиции во время Суэцкого кризиса и для того, чтобы не дать Советскому Союзу возможности воспользоваться событиями на Ближнем Востоке для увеличения своего влияния в этом регионе.

Для осуществления вывода израильской армии Соединенные Штаты решили оказать нажим на Тель-Авив. Президент США отправил послание израильскому премьер-министру, в котором он призывал Бен-Гуриона немедленно приступить к выполнению резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. Передавая это послание представителю израильского посольства в Вашингтоне Р. Шилоаху, заместитель государственного секретаря США Г. Гувер перечислил меры, грозящие Израилю в случае его отказа отвести войска с египетской территории: прекращение государственной и частной помощи, поступающей в Израиль от Соединенных Штатов, применение санкций со стороны ООН, и даже возможное исключение Израиля из этой международной организации[3]. Предполагалось, что санкции Организации Объединенных Наций могли бы включать приостановление всей государственной и частной помощи, поступающей в Израиль от стран-участниц ООН.

На заседании израильского кабинета министров 8 ноября было решено, что армию необходимо вывести с территории Синайского полуострова, но при этом попытаться добиться предоставления Израилю гарантий безопасности, в первую очередь со стороны Соединенных Штатов. В ответном послании американскому президенту Д. Бен-Гурион отметил, что Израиль согласится вывести войска с Синайского полуострова при условии, что Египет официально объявит о прекращении блокады Акабского залива, разрешит израильским судам пользоваться Суэцким каналом и прекратит деятельность федайинов[4]. Руководство Израиля, по сути, вернулось к своему требованию о заключении с Соединенными Штатами договора о взаимной безопасности, подписания которого оно безуспешно пыталось добиться еще до возникновения Суэцкого кризиса.

Было ясно, что израильское правительство пытается использовать тактику проволочек в ходе поэтапного вывода израильских войск. Затяжка времени была необходима Бен-Гуриону, в том числе и для того, чтобы развернуть агитационную кампанию в США с целью привлечения американской общественности на сторону Израиля. После проведенного израильским посольством в Вашингтоне зондажа позиции Соединенных Штатов Тель-Авив убедился, что точка зрения американского правительства в отношении вывода израильских войск является решительной и твердой. В Израиле было решено объявить о готовности вывести свои войска из зоны Суэцкого канала, когда будет достигнуто соглашение о размещении ЧВС ООН в этом районе.

15 ноября 1956 г., с появлением в Египте первых контингентов Чрезвычайных вооруженных сил, Израиль объявил об отводе своих войск из зоны Суэцкого канала, который был осуществлен 3 декабря. Одновременно с частичной эвакуацией израильской армии начался вывод английских и французских частей из Египта и размещение сил ООН в Синайской пустыне на позициях между египетскими и израильскими войсками. Вывод англо-французских воинских формирований был завершен 22 декабря. В начале января 1957 г. израильские войска освободили весь Синайский полуостров за исключением сектора Газы и района поселения Шарм-эш-Шейх, где были установлены батареи береговой артиллерии Египта, что позволяло ему блокировать навигацию по Акабскому заливу.

Посольство Израиля в Вашингтоне стремилось активизировать деятельность произраильского лобби в конгрессе США, одновременно пытаясь убедить американских дипломатов, конгрессменов, редакторов влиятельных периодических изданий в необходимости сохранения контроля Израиля над частью территории Синайского полуострова. Редакторы двух крупнейших американских периодических изданий «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост» выступили в поддержку Израиля, считая, что уход Израиля из сектора Газы и Шарм-эш-Шейха приведет к возобновлению рейдов федайинов и блокады Акабского залива. 23 января 1957 г. 75 конгрессменов-представителей Демократической партии подписали письмо государственному секретарю США, в котором были выражены протест против давления со стороны ООН на Израиль и требование предоставить Тель-Авиву гарантии свободного плавания через Суэцкий канал и Акабский залив. Ряд влиятельных произраильских организаций, таких как «Американский чрезвычайный сионистский комитет», «Комитет по американо-израильским общественным делам», добились от сенаторов США принятия 29 января резолюции, также призывающей администрацию предоставить гарантии израильской безопасности[5].

Администрация Д. Эйзенхауэра опасалась, что позиция конгрессменов, требовавших не допустить обсуждения в ООН санкций в отношении Израиля, могла каким-то образом повлиять на процесс обсуждения в конгрессе новой программы ближневосточной политики США, так называемой «доктрины Эйзенхауэра». Эта программа предполагала развитие двусторонних отношений со странами региона и усиление военной и экономической помощи, в связи с чем президент обратился к конгрессу с просьбой о предоставлении правительству особых полномочий по использованию вооруженных сил и финансовых фондов США для защиты американских интересов на Ближнем и Среднем Востоке. Обсуждение доктрины велось в первые месяцы 1957 г.

В то же время демонстрация решимости Соединенных Штатов поддержать санкции ООН в отношении Израиля была необходима американскому руководству для укрепления своих позиций в арабских странах. Одновременно США осуществляли поиск компромиссного решения ситуации с окончательным выводом израильской армии, которое удовлетворяло бы и Вашингтон и Тель-Авив. Тревогу в Соединенных Штатах вызывало то, что чем дольше израильские войска оставались на

Синае, тем, как опасались в Вашингтоне, большее влияние в арабском мире получал Советский Союз, обвиняя США в том, что они не оказывают в отношении Тель-Авива достаточного давления.

Для администрации президента вопрос об эвакуации израильской армии необходимо было решить таким образом, чтобы не сложилось впечатления, что исполнительная власть США уступила давлению законодательной и что над внешней политикой республиканской администрации якобы существует контроль произраильски настроенных кругов американского общества. Блокада Акабского залива Египтом была незаконной с точки зрения международного права. Соединенные Штаты были готовы поддержать требования Израиля о беспрепятственном режиме навигации по этому заливу. Что касается сектора Газы, расчет США строился на том, что им удастся убедить Каир прекратить или, в крайнем случае, приостановить деятельность федайинов в этом районе.

В конечном итоге Бен-Гуриону был предложен следующий вариант: Соединенные Штаты выступают гарантом режима свободного судоходства по Акабскому заливу, а Израиль, в свою очередь, освобождает территорию Синайского полуострова, в том числе и сектор Газа, в контроле над которым предполагалось участие ООН. Это предложение устраивало Тель-Авив

1 марта 1957 г. министр иностранных дел Израиля Г. Меир выступила на Генеральной Ассамблее ООН с заявлением об уходе израильской армии из Синая. Последовавшее за этим выступление Г. К. Лоджа, вопреки ожиданиям израильской делегации, было скорректировано таким образом, чтобы не создалось впечатления, что Соединенные Штаты вынуждены были уступить Израилю, настаивавшему на том, что сектор Газы не должен быть возвращен под контроль египетских властей. Представитель США заявил о том, что будущее Газы следует решать в соответствии с соглашениями о перемирии 1949 г., предоставляющими Египту легальное право на управление этой территорией.

После окончательной эвакуации израильских войск с Синайского полуострова завершилась очистка Суэцкого канала от затопленных во время тройственной агрессии судов, и в начале апреля 1957 г. египетские власти официально возобновили его эксплуатацию. Президент Египта Г.А. Насер, сразу же после вывода израильских частей, назначил гражданского губернатора сектора Газы, однако египетская армия в этом районе размещена не была. Существовавшие среди израильского руководства опасения, что США не выполнят свои обещания относительно международного статуса Акабского залива, оказались беспочвенными. 24 апреля американский танкер «Кернхиллс» пришвартовался в израильском порту Эйлат, символизируя тем самым готовность Соединенных Штатов гарантировать свободу навигации через Акабский залив. Федайины временно прекратили свою деятельность в Газе и на протяжении почти десяти лет обстановка на египетско-израильской границе была относительно спокойной.

Нажим со стороны Соединенных Штатов на руководство Израиля явился одной из причин вывода израильских войск с территории Египта. Вместе с тем усилия американской дипломатии по оказанию давления на Израиль в 1956-1957 гг. показали, что возможности госдепарта-

мента США проводить сбалансированный курс в отношении как арабских государств, так и Израиля в значительной степени ограничены влиянием внутриполитических факторов. Тройственная агрессия против Египта и борьба за ликвидацию ее последствий выявили не только новую расстановку сил на Ближнем и Среднем Востоке, отмеченную укреплением влияния США и СССР, потерей Англией и Францией значительной части своих позиций и возросшей ролью арабского национализма, но и тщетность усилий американской дипломатии по достижению арабо-израильского урегулирования. Своим активным участием в агрессии против Египта Израиль надолго блокировал ближневосточный переговорный процесс.

---

[1] *Пелипась М Я* Дипломатия США и Великобритании в поисках путей ближневосточного урегулирования // Исследования по всеобщей истории и международным отношениям Барнаул, 1997 С 174-189

[2] Foreign Relations of the United States (FRUS).1955-1957 Vol. XVI. Suez Crisis. July 26-December 31, 1956 Wash ,1990 P 1038

[3] Ibid P 1063-1067

[4] Ibid P 1095

[5] *Alteras I* Eisenhower and Israel US-Israeli Relations 1953-1960 Univ. Press of Florida, 1993 P. 256-257

МИССИЯ ДЖ. РИЧАРДСА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И БАГДАДСКИЙ ПАКТ

И.В. Крылов

Томский государственный университет

В январе 1957 г. президент Д. Эйзенхауэр выступил в Конгрессе США с программой американской политики на Ближнем Востоке. Ее сутью являлось использование американских вооруженных сил в рамках ООН или вне их по запросу какой-либо ближневосточной страны в случае прямой агрессии против них[1].

Почти одновременно с обсуждением «доктрины Эйзенхауэра» в Конгрессе США началась подготовка к оповещению о ней стран Ближнего Востока. Информацию по дипломатическим каналам было решено дополнить, как предложил госсекретарь Дж. Ф. Даллес, беседами с государственными деятелями во время поездки по 17 странам Ближнего и Среднего Востока, а также Греции. Осуществить эту миссию президент поручил Дж. П. Ричардсу, бывшему председателю комиссии по иностранным делам палаты представителей, которого Эйзенхауэр в январе 1957 г. назначил своим специальным помощником по проблемам Ближнего Востока.

К началу марта 1957 г. госдепартамент подготовил документы, определявшие задачи миссии Ричардса[2]. Из всех шести пунктов инструкций для миссии последние два ставили задачу акцентировать внимание лидеров ближневосточных государств на том обстоятельстве, что «доктрина Эйзенхауэра» не вытесняет Багдадского пакта. Высшие руководители стран Багдадского пакта должны были быть сугубо конфиденциально информированы, что США готовы вступить в Военный комитет Багдадского пакта. Об этом намерении правительства было сообщено в секретном циркуляре госдепартамента Соединенных Штатов главам дипломатических миссий в столицах ряда ближневосточных стран, Великобритании, Франции, СССР, Индии[3].

Руководство стран, входивших в Багдадский пакт, отнеслось с большим энтузиазмом к намерениям Соединенных Штатов вступить в Военный комитет блока. Политики ближневосточных стран выразили поддержку «доктрине Эйзенхауэра» и рассматривали ее как первый шаг США на пути вступления в Багдадский пакт.

Из стран «северного яруса» в первую очередь Ричардс посетил Турцию и Иран, которые рассматривались в США как наиболее близкие союзники, находившиеся под особым влиянием Америки на протяжении первых послевоенных десятилетий[4]. В ходе переговоров 20-23 марта с Ричардсом премьер-министр Турции Мендерес выразил пожелание,

чтобы Соединенные Штаты поддержали на основе доктрины в первую очередь «дружественные страны», т.е. страны Багдадского пакта, и увеличили финансовую и военную помощь этим государствам. Но возможности такой финансовой поддержки у США были весьма ограниченными. Поэтому Ричардс уклонялся от обсуждения проектов на суммы, превышающие размеры фонда, выделенного на финансирование доктрины Конгрессом и составлявшего 200 млн. дол.[5]. Всего было заключено соглашений на предоставление Соединенными Штатами ближневосточным странам субсидий в размере 130 млн. дол. Из них 63 млн. предназначались на военную помощь, главными получателями которой оказались, прежде всего, государства Багдадского пакта. Наибольшие военные субсидии были даны именно Турции и Ирану. В частности, Турция получила средства на приобретение эскадрильи самолетов Ф-100 (16 млн. дол.) и заем на подводную лодку (4 млн. дол.). Иран получил под расширение строительства военных объектов 11 млн. дол., а также на «военные цели», легкое вооружение и транспортные грузовики - 2 млн. Безвозмездная военная помощь Пакистану (транспортные средства, самолеты, оружие, амуниция) составила 10 млн. дол.

Сложнее складывались переговоры с предоставлением субсидий на нужды обороны в Ираке. Премьер-министр Нури Саид запросил у миссии Ричардса в рамках доктрины помощь на приобретение самолетов и строительство аэродромов для отражения вероятного «советского нападения». Но по данным ему инструкциям Ричардс мог обсуждать с руководством Ирака только вопросы будущей помощи в части наземных сил, которые могли бы включать некоторые системы противовоздушной обороны[6]. По итогам Бермудской встречи марта 1957 г. на высшем уровне ответственность за иракские ВВС брала на себя Британия на основе согласования с представителями США. Тем более, что Соединенное Королевство предоставило Ираку еще в феврале 1957 г. пять самолетов «Хаукер-Хантер Марк 6». Соглашение, заключенное миссией Ричардса с правительством Ирака, предполагало выделение 6,676 млн. дол военной субсидии и 7,408 млн. в качестве дополнительной военной помощи, включающей 20 танков, оружие и снаряжение.

Особые соглашения оговаривали финансовые дотации Соединенных Штатов на реализацию региональных проектов стран пакта, касавшихся телекоммуникационных линий и инженерных исследований железнодорожного строительства. Помимо итоговых соглашений с лидерами данных государств, этот предмет обсуждался 9 апреля 1957 г. на встрече Ричардса с генеральным секретарем Багдадского пакта[7]. Глава миссии подтвердил подписанные ранее документы, касавшиеся экономической помощи; Соединенные Штаты обязались выделить субсидии на сумму в 12,570 млн. дол. Эти проекты было решено осуществлять через Экономический комитет Багдадского пакта.

После возвращения Дж. Ричардса в Вашингтон 13 мая состоялось первое совещание высших руководителей госдепартамента во главе с Даллесом по итогам миссии на Ближний Восток. На совещании госсекретарь подчеркнул, что Соединенные Штаты должны готовить себя к расширению ответственности в этом регионе. Демонстрацией таких намерений США могла стать поездка адмирала Буна по нескольким

ближневосточным странам, которую предполагалось провести после окончания III сессии Совета министров Багдадского пакта в Карачи 3-6 июня, с целью обсуждения выполнения «доктрины Эйзенхауэра» на практике, включая оценку стоимости и возможность размещения американских войск на Ближнем Востоке и строительства военных баз. Об этом говорилось на втором совещании по итогам миссии в госдепартаменте[8].

Миссия Ричардса стала не только методом информирования о «доктрине Эйзенхауэра» правительств стран Ближнего Востока. Ее осуществление должно было поддержать интерес стран Багдадского пакта к американским инициативам, заверив их в том, что президентская программа по Ближнему Востоку («доктрина Эйзенхауэра») является в какой-то мере заменой полноценному вступлению США в пакт. Ограниченность финансовых возможностей Соединенных Штатов в рамках доктрины предполагала определенную направленность военной помощи. Поэтому главными получателями кредитов и субсидий могли стать только государства Багдадского пакта, в соответствии с главной установкой американской дипломатии в его отношении. Госсекретарь США Даллес остался доволен результатами миссии Ричардса, которая подготовила почву для расширения деятельности американской дипломатии на Ближнем Востоке.

---

[1] Foreign Relation of the United States (FRUS). 1955-1957. Vol. XVII. P. 11.
[2] FRUS. Vol. XII. US Military and Economic Policy. - Wash. 1989. P. 448-451.
[3] Ibid. Vol. XII. P. 459-460.
[4] *Lenczowski G.* The Middle East in World Affairs. - Ithaca and London, 1980. P. 799-800.
[5] Так, шах Ирана выдвинул программу экономической и военной модернизации на сумму более чем 100 млн. дол.
[6] FRUS. 1955-1957. Vol. XII. P. 1040.
[7] Ibid. P. 494-495.
[8] Ibid. P. 535-536.

США И СОЗДАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ПЛАТЕЖНОГО СОЮЗА (1949-1950 ГГ.)

Е.Ф. Троицкий

Томский госуниверситет

Правительство США рассматривало либерализацию торговых отношений между европейскими странами в качестве ключевого элемента процесса экономической интеграции Европы. Либерализация торговли требовала реформирования платежных отношений: перевода расчетов на многостороннюю основу и введения взаимной конвертируемости валют. Администрация экономического сотрудничества США, ответственная за реализацию «плана Маршалла», выступила в декабре 1949 г. с инициативой создания в рамках Организации европейского экономического сотрудничества Европейского платежного союза.

Американские предложения, предусматривавшие образование клирингового союза 17 стран, были в целом положительно восприняты в Европе. Существенные возражения последовали лишь со стороны Великобритании, которая, как нетто-дебитор в отношениях с рядом стран-участниц планировавшегося к созданию союза, была бы вынуждена покрывать свою задолженность платежами в золоте или долларах. Это могло бы поставить под угрозу роль Банка Англии как резервного центра "стерлинговой зоны". Британское правительство внесло альтернативный проект, по которому платежи в фунтах выводились бы из-под действия соглашения, но под давлением США было вынуждено пойти на уступки, сумев, однако, добиться включения в текст соглашения положений, предусматривавших защиту золотовалютных резервов Банка Англии. Странам-кредиторам разрешалось принимать платежи в фунтах стерлингов. Им гарантировалось получение специальной помощи от Администрации экономического сотрудничества[1]. 7 июля 1950 г. соглашение о создании Европейского платежного союза было подписано.

---

[1] Foreign Relations of the United States. 1950. Vol. III. Western Europe. Wash., 1977. P. 646-651, 655-657

СОЗДАНИЕ СОВЕТА ЕВРОПЫ: ПЛАНЫ ЧЕРЧИЛЛЯ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ

О.Г. Лекаренко

Томский госуниверситет

Планы создания Совета Европы восходят к началу 40-х гг. XX в. Премьер-министр Великобритании У. Черчилль в октябре 1942 г. писал министру иностранных дел своего кабинета А. Идену о желании видеть европейскую семью народов, действующую объединенно под началом Совета Европы[1]. Эту тему он продолжил в радиообращении 21 марта 1943 года и на встрече в Квебеке с президентом США Рузвельтом. Совет Европы рассматривался британским лидером в более широком контексте послевоенного устройства мира и позиций Великобритании. По мнению Черчилля, довоенную Лигу Наций должна была заменить новая международная организация, состоящая из двух ярусов Верхний ярус составил бы альянс великих государств, а нижний - региональные объединения. Одно из таких региональных объединений охватило бы Европу, а Совет Европы послужил первым практическим шагом на пути к нему[2].

В июле 1945 г. правительство консерваторов ушло в отставку. Период, когда Черчилль являлся лидером оппозиции, отмечен его значительной активностью в европейском движении. В сентябре 1946 г. он произнес речь в университете г. Цюриха, в которой призвал к созданию Соединенных Штатов Европы. Объединение Европы, по его мнению, было необходимо для возрождения континента, являющегося колыбелью западной цивилизации. Не предлагая детально разработанного плана по строительству новой Европы, Черчилль особо подчеркивал первоочередность восстановления дружественных отношений между Францией и Германией.

В 1946 - 1947 гг. под воздействием выступления Черчилля в Цюрихе во многих европейских государствах возникли общественные организации, впоследствии составившие Движение за объединение Европы. В Великобритании такой организацией руководил известный деятель консервативной партии, зять Черчилля Д. Сэндис. Организация имела надпартийный характер, но в ней особо активно участвовали представители консерваторов, в том числе Г. Макмиллан, Д. Максвелл-Файф, Р. Бутби и др. Г. Макмиллан отмечал в своих мемуарах, что в тот период Черчилль не пытался определять будущее политическое, военное или экономическое устройство Европы. В то же время лидер консерваторов полагал, что Великобритания сможет играть полноценную роль в Европе, не изменяя традициям империи и Содружества[3]. В октябре 1948 г. на ежегодной партийной конференции в Лландудно Черчиллем была по-

вторена ранее сформулированная концепция "трех окружностей". Концепция выводила уникальность позиций Великобритании из ее расположения в центре пересечения трех кругов: Британского Содружества и империи, англо-саксонского мира (прежде всего США) и объединенной Европы. Отношения с США и единой Европой должны были служить для укрепления позиций Великобритании в послевоенном мире. Нисхождение до орбиты одного круга, включая европейский, напротив, грозило потерей самостоятельности в проведении внешней политики.

В 1947 г. на базе многочисленных организаций в Париже был учрежден международный координационный комитет Движения за объединение Европы, который в мае 1948 года организовал конгресс Европейского движения в Гааге. На конгрессе британская делегация была представлена консерваторами и либералами. Исполнительный комитет правящей лейбористской партии Великобритании принял резолюцию о бойкотировании конгресса в Гааге, мотивируя свое решение тем, что его неофициальный характер не дает участникам права обсуждать столь серьезные вопросы.[4] Очевидно, сыграло свою роль и отношение лейбористских лидеров к Черчиллю, по их мнению, эксплуатировавшему свою уникальную позицию "блестящего лидера" времен войны.[5]

К моменту начала работы конгресса были достигнуты определенные успехи в продвижении к европейскому единству через практику международного экономического сотрудничества и межправительственных консультаций: создан таможенный союз Бельгии, Голландии и Люксембурга, образована Организация Европейского экономического сотрудничества. 10 мая 1948 года на заключительном заседании конгресса в качестве одной из главных резолюций было принято решение о возможно скорейшем создании представительной Ассамблеи. Открытыми остались вопросы ее устройства, компетенции, порядка назначения членов. Вернувшись из Гааги, Черчилль и его коллеги по партии обратились к премьер-министру Великобритании К. Эттли с просьбой о встрече для обсуждения результатов конгресса. На встрече Черчилль предложил, чтобы правительства стран-членов Брюссельского пакта рассмотрели вопрос о Европейской ассамблее и взяли на себя инициативу по её созданию.

В октябре 1948 г. в Париже начались переговоры комиссии членов Брюссельского пакта, заключенного в марте 1948 г. между Англией, Францией и странами Бенилюкса. Английскую делегацию возглавлял Х. Дальтон. Министр иностранных дел Франции Ж. Бидо внес предложение о создании консультативной Ассамблеи представителей парламентов стран-участниц будущего Совета. Проект вызвал оппозицию британской стороны, полагавшей, что прежде создания представительных политических органов Европа должна пройти долгий путь сотрудничества в различных сферах. Вместо представительной Ассамблеи был предложен вариант создания комитета министров.

Согласование франко-бельгийской и британской точек зрения было возложено на специальную комиссию, которая к январю 1949 г. пришла к компромиссному решению, удовлетворившему делегацию Великобританию. Было принято решение о создании как комитета министров, отражающего точку зрения правительств, так и консультативной Ас-

самблеи парламентариев, представленной не только членами правящих партий. Делегация Великобритании настаивала на назначении делегатов соответствующими правительствами и на порядке голосования национальными блоками. Комиссия остановилась на индивидуальном голосовании. Решение, к чьей компетенции относится назначение делегатов - правительства или парламента, должны принимать национальные правительства.

5 мая 1949 г. участники Брюссельского пакта и пять приглашенных государств подписали в Лондоне Устав Совета Европы. Согласно Уставу парламентская Ассамблея оказалась полностью подчиненной комитету министров. К компетенции последнего относилось: утверждение повестки дня Ассамблеи и одобрение принятых ею резолюций рекомендательного характера, прием новых членов, утверждение бюджета, контролирование работы Секретариата, определение представительства и взноса участников. Решения комитета министров принимались единогласно, что давало каждой стороне право вето. Устав Совета Европы запрещал любые дискуссии по вопросам обороны, обязывал комитет министров при утверждении повестки дня исключать те вопросы, которые относятся к компетенции Организации Европейского экономического сотрудничества и Организации Брюссельского договора[6].

Совет Европы стал широким форумом для дискуссий по различным европейским проблемам, способствовал пропаганде объединения европейских стран. В самой идее Совета Европы были заложены большие возможности для создания Европейского политического союза. В реальности, рожденный в результате длительных дебатов, Совет Европы принял форму традиционного межправительственного сотрудничества. Этому в немалой степени способствовали активные усилия британских политиков и позиция самого Черчилля, отстаивавших исключительность положения Великобритании и практику сотрудничества европейских государств на основе " консультаций и соглашений по проблемам общего характера"[7] .

---

[1] *MacMillan H.* Tides of fortune. 1945 - 1955. London, 1969. P.153.

[2] The United States and the integration of Europe: legacies of the postwar era. / Edited by Francis H. Heller and John R. Gillingam. N. Y., 1998. P. 47.

[3] *MacMillan H.* Op. cit. P. 156.

[4] *Морозова М. А.* Английские лейбористы и создание Европейского совета в 1949 г. // Проблемы британской истории. 1987. М.,1987 С. 147.

[5] *MacMillan H.* Op. cit. P. 159.

[6] *Northedge F.S.* British foreign policy: the process of readjustment.1945-1961.London, 1962. P. 142.

[7] Foreign Relations of the United States. 1950. Vol. III. Wash., 1977. P.769.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ И ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПО ОТНОШЕНИЮ К СОЕДИНЕННЫМ ШТАТАМ АМЕРИКИ

Ж.А. Банникова

Уральский университет (Екатеринбург)

Европейский Парламент – консультативный орган Европейских Сообществ - как парламентская ассамблея существует с 1952 г. Реальной сферой его деятельности является контроль за бюджетно-финансовой политикой Европейских Сообществ. Состав Парламента обновляется каждые пять лет. При выборах в Европарламент в голосовании участвуют лица, достигшие 18-летнего возраста. Назначение Европарламента - осуществлять контроль за властью, сосредоточенной на уровне Сообществ.

С каждым годом парламент играет все более важную роль в жизни всего мирового сообщества и приобретает все большее влияние на процессы, происходящие в Европейском Союзе (примером такого влияния было решение Европейской Комиссии о самороспуске, принятое под давлением Европарламента).

Основным партнером ЕС являются США, - безусловный лидер во всех сферах экономической и политической жизни. Поэтому мне представляется актуальным изучение и анализ политики, которой придерживался Европейский Парламент по отношению к Соединенным Штатам Америки на протяжении последних пяти лет – с 1994 по 1999 г.

В связи с недостаточным количеством материала на русском языке основной моей задачей стала обработка и перевод информации на английском языке, полученной через сеть Интернет. А также в своей работе я основывалась на ежемесячных бюллетенях информации о Европейском Союзе, материалах периодической печати (в основном «EP NEWS»). Доступ к источникам я получила благодаря Центру европейской документации, который находится при УрГУ, осуществляющему информационное обеспечение, имеющему и предоставляющему банк данных по международным вопросам.

В своей научной работе я рассматриваю многоаспектность деятельности Европейского Парламента. В рамках данной конференции была предпринята попытка рассмотреть взаимоотношения ЕС и США через политику ЕП.

При поддержке Европарламента отношения между ЕС и США характеризовались активизацией сотрудничества при сохранении существующих между сторонами разногласий по ряду вопросов.

Итак, позитивные моменты: важнейшей является тенденция к углублению партнерских отношений в рамках Трансатлантического диалога.

Здесь отмечаются:

- либерализация торговых отношений;
- сотрудничество в области информатики;
- 7 ноября 1996 г. прошли переговоры о таможенном сотрудничестве, приведшие к новому соглашению (цель которого было упростить таможенные формальности и создать механизм обмена между таможенными службами);
- 5 декабря 1997 г. в Вашингтоне было подписано соглашение о научно-техническом сотрудничестве между ЕС и США. Оно предполагало проведение совместных исследований в области экологии, биомедицины, здравоохранения, энергетики, информационных технологий, транспорта, организации НИОКР, подготовки и мобильности научных кадров;
- инициатива вице-председателя Комиссии ЕС Леона Бриттена по созданию Нового трансатлантического рынка (НТАР). Проект предусматривал снятие барьеров на пути торговли товарами в процессе взаимного признания и гармонизации, оформление зоны свободной торговли услугами, принятие сторонами обязательства снять к 2010 все пошлины на промышленную продукцию и т.д. Радикальность проекта вызвала серьезные возражения со стороны Франции. 18 мая 1998 г. на саммите ЕС-США в Лондоне пришли к соглашению о необходимости разработки менее радикального проекта. Компромиссным вариантом стал проект Трансатлантического экономического партнерства, который обрел конкретную форму 18 декабря 1998 г. на саммите ЕС – США;
- трансатлантический диалог по проблемам окружающей среды;
- диалог потребителей;
- стороны подписали декларации, касающиеся международной ситуации, положения на Ближнем Востоке, Балканах.

Реакция Европарламента была позитивной, в частности:

- в ноябре 1997 г. Европарламент выступил за партнерские отношения, выделив область фармакологической индустрии;
- 14 и 15 января 1998 г. ЕП принял резолюции, в которых приветствовалось общение между Европой и США, выражалась надежда на то, что сотрудничество будет продолжаться. ЕП призвал обсудить проблемы терроризма, экологии, наркотиков, проблемы эксплуатации детей и нелегальной иммиграции. Подчеркнул важность структурного сотрудничества ЕС и США и настаивал на том, что оно должно способствовать международной стабильности. По мнению ЕП, необходимо активизировать торговые отношения в области информационных технологий и электроники и в области защиты интеллектуальной собственности;
- в январе 1998 г. Парламент предложил Европейскому центральному банку разработать меры по поддержанию курса евро к доллару и рассмотреть возможность сотрудничества с валютными властями США;
- в июле 1997 г. в Европарламенте обсуждалось Соглашение ЕС и США в области использования ядерной энергии. Был заслушан доклад Ксуалы Ахерн (Зеленые). В резолюции выражалось недовольство по по-

воду отсутствия демократического контроля с европейской стороны, тогда как с американской стороны этим должен был заниматься Конгресс. Госпожа Ахерн обращала внимание на опасность транспортировки плутония. Парламентарии в целом поддержали Соглашение с США, но заявили о том, что Европарламент должен быть лучше информирован. Также потребовали запрета на транспортировку радиоактивных материалов по воздуху.

К негативным тенденциям можно отнести следующие моменты:

- неразрешенная ситуация вокруг экстерриториальных норм закона Хелмса - Бартона; напряженность вокруг закона Д'Амато. Но уже в январе 1998 г. депутаты Европарламента, обсуждая политику США по отношению к ЕС, были озабочены тем, что «Америка ведет себя эгоистично» (Бернард Энтони - Независимые). Многие парламентарии, в том числе Доминик Сохет (Европа наций - координационная группа) и Эрика Манн (Европейская Народная партия), критиковали Америку за оказываемое давление на третьи страны, имея в виду закон Хелмса - Бартона, налагающий штрафные санкции на те страны и компании, которые поддерживают торговые отношения с Кубой. И в результате 18 мая 1998 г. на саммите ЕС - США в Лондоне стороны пришли к соглашению по вопросу об экстерриториальных нормах американского законодательства (Из-под действия американских санкций были выведены фирмы, уже заключившие контракты с бойкотируемыми США странами - Тоталь (Франция), Газпром (Россия), Петронас (Малайзия));

- с ноября 1997 г. ЕС снизил импорт американской фармацевтической и косметической продукции и ввел эмбарго на ввоз свежего мяса из США. В свою очередь, Америка ввела эмбарго на импорт говядины из Европы. В феврале 1997 г. Европарламент выступал за обязательную сертификацию и контроль мяса, импортируемого ЕС. Но спор о законности европейского эмбарго на импорт мяса, выращенного с использованием гормонов роста получил свое продолжение в 1998 г. Обе стороны по-своему интерпретировали заключение ВТО от 16 января 1998 г.;

- 27 ноября 1998 г. Комиссия ЕС обнародовала доклад о препятствиях, существующих в евроамериканской торговле. 12 ноября 1998 г. США объявили о введении с февраля 1999 г. торговых санкций против ряда товаров европейского производства. 21 декабря, сразу по окончании саммита, США опубликовали упомянутый перечень. В группу импортируемых товаров из ЕС, облагаемых запретительной 100% пошлиной, вошли некоторые виды стального проката, целлюлозно-бумажной продукции, кондитерских изделий, текстиля и др. Предполагаемый ущерб ЕС от вводимых санкций - 501 млн. евро в год. В качестве ответной меры Комиссия заявила о подаче жалобы в ВТО о несоответствии раздела 301 закона США о торговле уставу этой организации;

- частной проблемой евроамериканской торговли является так называемый «банановый спор», суть которого заключалась в критике со стороны США европейского режима импорта бананов. Еще в сентябре 1997 г. представитель Европарламента Гленис Клиннок (Партия евро-

пейских социалистов) осудила политику США, которые, по ее мнению, вмешивались не в свои дела. В ноябре 1998 г. ЕП настаивал на том, что все претензии в отношении проблемы европейского импорта бананов США должны направлять в организации ВТО. Европарламент заявлял, что партнерские отношения не смогут развиваться, пока не будут урегулированы данные вопросы торговли. В марте 1999 г. Европейские парламентарии осудили действия Америки, которая наложила на ЕС санкции в размере 500 млн.$ от европейского экспорта, аргументируя это тем, что экономическая политика ЕС в этой области противоречит правилам ВТО. Джеймс Эллес (Европейская народная партия) говорил об «удивительном споре» с тремя американскими компаниями, контролирующими более 80% всей банановой торговли. Винни Эвинг (EPA) назвал самую могущественную торговую страну в мире самой безнравственной. Он обратил внимание на то, что обе политические партии в Штатах получают приличные деньги от американской банановой компании.

Если говорить о внешней политике, то необходимо отметить самые значимые события: Иракский и Косовский кризисы.

При обсуждении ситуации в Ираке некоторые представители Парламента резко выступили против бомбовой кампании (Кен Коэтс), которая принесет жертвы среди гражданского населения. Хот Керр (Зеленые) осудил позицию Англии, которая, по его словам, руководствуется линией поведения Штатов.

В декабре 1998 года, через день после начала нанесения Америкой ракетных ударов по Ираку, в Парламенте прошли острые дебаты по этому вопросу. На них Йоханнес Свобода (Социалистическая группа) заявил, что вся ответственность за кризис полностью лежит на «жестоком диктаторе» Саддаме Хусейне, который не выполнил своих обещаний. Но он заявил, что «ЕС должен что-либо предпринять, не давая тем самым США играть роль мирового полицейского».

Том Спенсер (группа Европейской Народной Партии) пришел к выводу, что, к сожалению, использование военной мощи стало необходимостью. Он попытался доказать, что сложившаяся ситуация показывает ЕС важность развития совместной внешней политики.

Европарламент поддержал позицию НАТО в разрешении Косовского кризиса. Для европейцев очевиден тот факт, что на территории бывшей Югославии происходило истребление косовских албанцев, поэтому все действия проходили согласно совместной политике стран-участниц блока НАТО.

10 февраля 1999 года при обсуждении Европарламентом переговоров, проводимых в Рамбуйе, обращалось внимание на то, что они были сложными для обеих сторон. Подчеркивалась особая роль России, Америки и Европы в преодолении кризиса.

После начала военных действий в Югославии мнения разделились. В частности, Иоаннис Теонас (Левые) высказывал мысль, что военными действиями проблему в Косово решить не удастся и угроза НАТО толь-

ко усилит экстремистские настроения. Бруно Голлниш (Независимые) обвинил НАТО в злоупотреблении международным правом.

Но в резолюции Европарламента действия НАТО были признаны неизбежным последствием коллапса переговоров в Рамбуйе. В ней призывается к немедленному изгнанию сербских войск из Косово и к прекращению этнических чисток.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что Европарламент оказывает значительное влияние на взаимодействия ЕС - США, пытаясь урегулировать многие вопросы.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ В СИСТЕМЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ОРГАНИЗАЦИЯ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО ДОГОВОРА

Е.Б. Арсланова

Уральский университет (Екатеринбург)

Тема представляемой исследовательской работы – Западноевропейский союз в системе европейской интеграции. Данная работа охватывает период с 1991 г. – с подписания Маастрихтского договора в декабре 1991 г. – до Люксембургского саммита Совета ЗЕС в ноябре 1999 г.

Исследовательская работа проводится по следующим направлениям:

- развитие деятельности ЗЕС в период с 1991 по 1999 г.;
- взаимоотношения ЗЕС и ЕС;
- взаимоотношения ЗЕС и НАТО;
- роль Западноевропейского союза в кризисных ситуациях.

Источниками для данной работы стали официальные документы Совета министров ЗЕС, документы Совета министров НАТО, официальные документы ЕС, опубликованные в международной сети Интернет, а также официальные издания ЕС и НАТО – «Официальный журнал ЕС», «Вестник НАТО» и др.

Изменения отношений ЗЕС и НАТО за последние 7-8 лет стали одним из важных аспектов в развитии Западноевропейского союза.

9-10 декабря 1991 года в Маастрихте Совет Европейских Сообществ принял ряд решений относительно единой политики европейского союза в области внешних сношений и безопасности, а государства-члены Западноевропейского союза – о роли ЗЕС и его отношениях с Европейским Союзом и Североатлантическим союзом. На заседании, проведенном 19 декабря на уровне министров, Североатлантический совет приветствовал эти решения, в которые вошли предложение членам Европейского союза вступить в ЗЕС или участвовать в его работе в качестве наблюдателей, а также предложение европейским странам-членам НАТО стать ассоциированными членами ЗЕС; договоренность о поэтапном преобразовании организации в оборонный компонент Европейского союза, а также о разработке и реализации решений и мер Западноевропейского союза, имеющих отношение к обороне; договоренность об укреплении европейской структуры Атлантического союза и роли, обязанностях и вкладе государств-членов ЗЕС в Североатлантический союз; подтверждение намерения ЗЕС действовать в соответствии с положениями, принятыми в Североатлантическом союзе; усиление опера-

тивной роли ЗЕС и перевод Совета и Секретариата ЗЕС из Лондона в Брюссель.

21 мая 1992 г. Совет Западноевропейского союза провел свою первую официальную встречу с Советом Североатлантического союза в штаб-квартире НАТО. В соответствии с решениями, принятыми обеими организациями, эта встреча была посвящена обсуждению отношений между двумя организациями и путей укрепления практического сотрудничества, а также создания более тесных рабочих связей между ними. С тех пор генеральный секретарь ЗЕС на регулярной основе присутствует на заседаниях совета Североатлантического союза на уровне министров, а генеральный секретарь НАТО принимает участие в заседаниях ЗЕС на уровне министров.

В июле 1992 г. государства-члены ЗЕС приняли решение предоставить военно-морские силы для контроля и наблюдения за соблюдением резолюций Совета Безопасности ООН по Адриатическому морю в связи с Союзной Республикой Югославией (Сербией и Черногорией). Аналогичные меры были также предприняты Советом Североатлантического союза на министерской сессии в Хельсинки 10 июля 1992 года, при обеспечении взаимодействия и сотрудничества в операции, решение о которой было принято ЗЕС.

На римском совещании на уровне министров в ноябре 1992 года члены ЗЕС приняли решение о расширении организации. Исландия, Норвегия и Турция, как члены НАТО, получили статус ассоциированных членов.

На совместной сессии 8 июня 1993 года Совет Североатлантического союза и Совет Западноевропейского союза утвердили концепцию совместных операций НАТО и ЗЕС по контролю за соблюдением эмбарго под эгидой этих двух организаций. Единое командование совместного оперативного соединения НАТО и ЗЕС в Адриатическом море обеспечивает назначенный для этой цели командующий, а для информирования и консультирования двух советов был создан совместный военный комитет – Военный комитет (по Адриатическому морю).

Рубежным событием в отношениях ЗЕС с НАТО следует считать решения Брюссельского саммита Альянса в январе 1994 г. официально признавшего особую роль европейского компонента в своих рамках и признание ЗЕС быть «европейской опорой» НАТО. Саммит Альянса стал важной вехой как для самого НАТО, так и для определения Европейской Безопасности и Оборонной Идентичности. Руководители государств и правительств НАТО приветствовали вхождение в силу Маастрихтского договора и создание Европейского союза как средство укрепления «европейской опоры» НАТО и создания условий для внесения им более весомого вклада в обеспечение безопасности всех союзников. В декларации, принятой на встрече на высшем уровне, министры также приветствовали более тесное и развивающееся сотрудничество между НАТО и Западноевропейским союзом, достигнутое на основе согласованных принципов дополнительности и транспарентности. Кроме того, они объявили о том, что они «готовы предоставлять на основе консультаций в Североатлантическом совете коллективные силы и средства НАТО для операций ЗЕС, проводимых европейскими союзниками для

осуществления своей общей политики в области внешних сношений и безопасности».

В этой связи главы государств и правительств НАТО одобрили концепцию общевойсковых оперативно-тактических групп (Combined Joint Task Forces), что является частью процесса дальнейшего расширения сотрудничества с ЗЕС, а также развития и адаптации структур и порядка действий НАТО для решения новых задач. Эта концепция осуществляется в соответствии с принципом создания делимого, но не раздельного военного потенциала для использования НАТО или ЗЕС.

Союзники по НАТО приветствуют перспективу постепенного укрепления роли Западноевропейского союза в качестве оборонного компонента процесса объединения Европы и как средство укрепления «европейской опоры» Североатлантического союза. Государства-члены ЗЕС подтвердили, что НАТО будет оставаться важным форумом для проведения консультаций между ее членами и органом для согласования направлений политики, связанным с обязательствами союзников в области безопасности и обороны по Вашингтонскому договору.

На заседании Совета министров ЗЕС в ноябре 1994 года в г. Нордвик в Нидерландах были одобрены предварительные выводы по формированию Общей европейской оборонной политики. Эти выводы, сделанные с учетом результатов январской 1994 года встречи НАТО на высшем уровне в Брюсселе, получили одобрение министров иностранных дел стран НАТО в ходе их совещания в конце года.

Министры иностранных дел НАТО на встрече в г. Нордвик в мае 1995 г. приветствовали решения Совета министров ЗЕС, принятые в начале мая в Лиссабоне и направленные на повышение оперативного потенциала ЗЕС путем создания новых структур и механизмов принятия решений и планирования, включая также прогресс, достигнутый при определении условий, при которых тактическая группа ЗЕС по гуманитарным операциям сможет предпринимать свои операции. Министры стран НАТО отметили, что союзники поддерживают инициативы по развитию многонациональных оперативных сил и войсковых структур, которые укрепили бы «европейскую опору» союза и позволили бы европейским государствам-союзникам взять на себя большую ответственность за общую безопасность и оборону и при этом приняли к сведению инициативу Франции, Италии и Испании по организации сухопутных сил (ЕВРОФОР) и морских сил (ЕВРОМАРФОР). Эти силы будут открыты для участия государств-членов ЗЕС, они будут объявлены как «силы, подотчетные ЗЕС», и могут быть использованы в рамках НАТО.

В течение последующих двух лет шла интенсивная работа по осуществлению идеи общевойсковых оперативно-тактических групп. Это привело к проведению заседания Совета министров НАТО в Берлине в июне 1996 г. Берлинское совещание министров НАТО по обороне в июле 1996 г. сделало ряд шагов в процессе адаптации Альянса и отношений НАТО-ЗЕС. Одной из трех фундаментальных целей процесса адаптации альянса к новым условиям в Европе и в мире было развитие европейской безопасности и оборонной идентичности в рамках альянса. Было заявлено, что «эта идентичность будет основана на почве военных принципов и поддержана соответствующим военным планированием и

позволит создание эффективных военных сил, способных действовать под политическим контролем ЗЕС». Эта же цель была подтверждена главами государств и правительств на Саммите НАТО в Мадриде в июле 1997 г. Были достигнуты следующие меры в рамках практического сотрудничества НАТО - ЗЕС:

- объединенные сессии советов ЗЕС и НАТО 4 раза в год, подготовленные объединенными встречами рабочей группы совета ЗЕС и политическим комитетом НАТО;
- объединенные совещания соответствующих подчиненных организаций,

достигнуты соглашения по безопасности для обеспечения обмена информацией и для осуществления практического сотрудничества;

- ЗЕС использует интегрированную телекоммуникационную систему НАТО;
- участие генеральных секретарей обеих организаций в совещаниях как НАТО, так и ЗЕС;
- встречное участие секретариатов и военных штабов в определенных рабочих группах по вопросам ООТГ;
- регулярные консультации секретариата с военным штабом.

Один из примеров операционного сотрудничества между ЗЕС и НАТО - совместная операция Sharp Guard в 1993 году в Адриатическом море.

На заседании Совета министров ЗЕС в Эрфурте в ноябре 1997 г. в качестве приоритетных были поставлены задачи: создание координационного механизма НАТО-ЗЕС на период кризисов, а также механизма консультаций между ними по вопросам будущих операций ООТГ; завершение подготовки рамочного соглашения о принципах передачи, использования и возврата сил и средств НАТО, задействованных в операциях ЗЕС.

Вместе с тем в ЗЕС была разработана концепция «рамочной нации». Предусматривающая проведение операций по инициативе и под эгидой одного или нескольких государств-членов национальными силами стран ЗЕС. По существу речь идет о создании альтернативы ООТГ, не зависящей от США.

Суммируя все это, можно сказать, что в последнее время ЗЕС существенно усиливает свои связи с НАТО, фактически превращаясь в своеобразную сцепку между этим альянсом и ЕС. Общенациональные оперативно-тактические группы призваны стать важнейшим ее звеном.

Таким образом, видно, что за последние 5 – 7 лет Западноевропейский союз претерпел существенные изменения как в своей структуре, так и в его отношениях с ЕС и НАТО. Обозначились две тенденции в отношении развития связей ЗЕС с ЕС и НАТО. Сторонники более сильного ЗЕС предвидят так называемое Западноевропейское оборонительное сообщество, их оппоненты рассматривают ЗЕС как мост между НАТО и ЕС. Официально положение ЗЕС в системе европейской безопасности констатировал Генеральный секретарь ЗЕС Жозе Кутилейру в своем обращении на Римском совещании министров иностранных дел 16 ноября 1998 года. Характеризуя роль НАТО и ЕС, он отметил, что «НАТО не имеет – и некоторые считают, не должно иметь – самостоя-

тельную способность принимать решения и в рамках неё – управление и контроль за чисто европейскими операциями. ЕС не имеет – и некоторые считают, не готово иметь – возможности управления военными действиями непосредственно самостоятельно», поэтому «ЗЕС – это политико-военное орудие для европейского кризисного управления операциями, это сплачивающая основа для наций, которые беспокоятся о европейской обороне и безопасности, в частности, все государства-члены ЕС и европейские государства-члены НАТО. И он имеет необходимое пространство среди множества военных организаций».

Отношения ЗЕС – НАТО. Март 1999 г.

Главные элементы сотрудничества ЗЕС – НАТО за последние месяцы:

- был сделан прогресс по Договору, устанавливающему принципы и модальности для передачи, управления, возврата или отзыва сил и средств НАТО, задействованных в операциях ЗЕС;
- проведено общее совещание по управлению кризисами в сентябре 1998 г., чтобы дать возможность НАТО и ЗЕС изучать ряд важных вопросов относительно консультативного процесса между НАТО и ЗЕС в операциях, проводимых под эгидой ЗЕС;
- была принята общая программа для подготовки первых учений НАТО и ЗЕС – CMX/CRISEX 2000. В последующие месяцы Совет НАТО и Совет ЗЕС ожидают утверждения технических условий учения, расписание общих конференций по планированию, которые должны быть проведены в 1999 г;
- было сделано определенное продвижение в осуществлении рабочих соглашений НАТО и ЗЕС по условиям участия ЗЕС в процессе оборонного планирования НАТО, которое сейчас включает соглашения для вовлечения стран-наблюдателей, не являющихся членами ЗЕС;
- встречное обсуждение возможного вовлечения стран ассоциированных партнеров в деятельность ЗЕС, связанную процессом оборонного планирования НАТО;
- участие ЗЕС в министерских консультациях НАТО;
- участие членов Военного штаба ЗЕС в деятельности НАТО, связанной с оценкой и планированием относительно ситуации в Косово. Офицер ЗЕС был прикреплен к Международному военному штабу в качестве посредника.

Главные приоритеты на будущее:

- завершить все существенные начинания к Вашингтонскому саммиту НАТО:
  - рамочные соглашения по передаче, управлению, возврату или отзыву сил и средств НАТО, задействованных в операциях ЗЕС;
  - консультационные соглашения между НАТО и ЗЕС в управлении кризисами будут дальше совершенствоваться и проверяться во время объединенных семинарах НАТО – ЗЕС в феврале 1999 г.

«ВОЙНА С БЕДНОСТЬЮ» КАК ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ ПОСЛЕВОЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ США

О. Абрамова

Томский госуниверситет

60-е годы XX века вошли в историю как наивысшая точка в развитии американского либерализма, поскольку именно в это время концепция «государства всеобщего благосостояния» стала официальной доктриной.

НТР в громадной степени увеличила потенциал США, что создало возможность для первых попыток решения проблемы приобщения к плодам НТП тех, кто в американском обществе всё еще оставался на положении маргиналов и аутсайдеров - основных участников развернувшихся в 60-е гг. массовых движений социального протеста. Среди них было особенно много представителей расово-этнических меньшинств, юридическое неравноправие которых делало для них невозможным любые попытки вырваться из социального гетто. Поэтому ликвидация всех форм расовой дискриминации становилась одной из насущных задач, наряду с необходимостью ликвидации бедности среди многодетных семей и семей без отца белых американцев, неквалифицированных и сельскохозяйственных рабочих, не имеющей постоянной работы молодёжи, престарелых, живущих ниже официального «уровня бедности». На эти цели и были в значительной степени ориентированы либерально-реформистские программы «великого общества» Л. Джонсона.

8 января 1964 г. 36-й президент США объявил «безоговорочную войну бедности в Америке». 16 марта того же года он направил в конгресс специальное послание «О войне с бедностью», на основании которого 20 августа 1964 г. был принят закон об экономических возможностях. По широкому официальному толкованию к «войне с бедностью» причислялась большая часть всех социальных мероприятий администрации, но именно закон 1964 г. и созданная на его основе структура программ помощи стали её главным нововведением.

Активно осуществляя социальные преобразования, Л. Джонсон расширял масштабы вмешательства государства в решение многих проблем общественного развития, имевшего как социально-экономический, так и политический аспект. Его главной целью было сбить накал недовольства участников движений социального протеста, которое усиливалось из-за эскалации войны во Вьетнаме и сокращения в связи с этим ассигнований на «войну» внутри США. Ситуация усугублялась злоупотреблениями, просчётами, высокими техническими и политически-

ми издержками в реализации программ помощи малообеспеченным американцам.

Социально-экономические реформы администрации Л. Джонсона не решили задачи «искоренения бедности» в США. Но его политика внесла важные изменения в жизнь американского общества. Рядом законов были запрещены основные виды расовой дискриминации. Значительная часть американских бедняков была охвачена системой социальной защиты, которая при всём своём несовершенстве давала им возможность удовлетворять свои самые необходимые жизненные потребности. В 60-е гг. оформилась также и социальная функция современного американского государства, чьей первостепенной задачей стало регулирование отношений между различными группами общества и сохранение его социальной стабильности.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНДУСТРИИ США

М.В. Бланк

Томский госуниверситет

Первая электронная вычислительная машина (ЭВМ) была создана по заказу военных. В ноябре 1945 г. в Пенсильванском университете пионером коммерческого применения компьютеров стала корпорация International Business Machines (ИБМ). Первым коммерческим компьютером стала модель 702.

Подлинным триумфом ИБМ стала ЭВМ серии 360. Расходы на ее разработку составили 500 млн. дол., однако это была только "верхушка айсберга". В целом компания вложила за 4 года 5 млрд. дол. в строительство шести заводов, расположенных в разных странах мира. Эта программа объединила около 2000 других, ее выполнение привело также к увеличению общей численности занятых на предприятиях ИБМ на 50 тыс человек Компания шла на большой риск - новый компьютер был не совместим с прежде выпускавшимися машинами.

Успех компании и огромные прибыли сделали этот рынок заманчивым и для других производителей - на рынке появились совместимые с ИБМ компьютеры. Их начала выпускать компания "Honeywell".

Новым этапом развития компьютерной индустрии США стало создание персонального компьютера. До этого на рынке доминировали большие компьютеры (mainframe), которые использовались в крупных корпорациях и в государственных учреждениях и не были доступны простому пользователю. Первый персональный компьютер был разработан американской корпорацией Эппл ("Apple") в 1976 г. Компания Эппл была создана в апреле 1976 г. С. Возняком и С. Джобсом. Возняк – талантливый инженер, работавший в компании Hewlett-Packard, фактически создал всю аппаратную часть компьютера. Джобс отвечал за дизайн и сбыт компьютеров Компанию Эппл можно по праву отнести к легендам американского бизнеса - начавшись со сборки компьютеров в гараже, она выросла до корпорации с многомиллиардными доходами и тысячами сотрудников. Первых компьютеров Эппл I было продано всего 200, но это был высокорентабельный бизнес. Так как для дальнейшего развития компании собственных средств не хватало, Джобс и Возняк обратились к предпринимателю М. Маркулле. Он помог Джобсу составить бизнес-план, инвестировал в компанию свой личный капитал и обеспечил открытие кредитной линии на 250 тыс. дол. в Бэнк оф Аме-

рика. Уже к началу 1980 г. годовой оборот фирмы превысил 10 млн. долл.

В 1981г. ИБМ создала свой первый персональный компьютер – IBM PC. Этот компьютер был разработан в рекордно короткие сроки - всего за один год. К моменту его появления на рынке имелось заказов уже на 30 тыс. ПК только от сотрудников американского отделения ИБМ. Первые 18 месяцев после начала выпуска объемы продаж были ограничены только производственными мощностями. Компьютер ИБМ со временем стал деловым стандартом, и его доля на рынке достигла 30%. В силу сжатости сроков ИБМ пришлось отойти от традиционной практики – собирать компьютеры только из собственных комплектующих и предлагать собственное программное обеспечение. Это обстоятельство дало импульс к развитию двум другим корпорациям, в последующем ставшим законодателями моды на компьютерном рынке – Интел и Майкрософт.

Первая – Интел (INTegrated ELectronics) - была основана в 1968 г. и первоначально занималась изготовлением микросхем памяти, но в последствии под давлением конкуренции японских фирм переключилась на производство микропроцессоров. В силу открытости архитектуры оригинального ИБМ PC появилось большое количество клонов этого компьютера. Общей чертой этих клонов было использование процессоров Интел и операционной системы Майкрософт. Постепенно Интел создавала все более мощные процессоры, которые становились ключевыми, незаменимыми компонентами любого персонального компьютера и все более дистанцировалась от ИБМ. Развязка наступила в 1985 г. с появлением процессора i80386. ИБМ запаздывала с выпуском компьютера, основанного на этом чипе, этим воспользовалась молодая корпорация Компак – она первой выпустила такой компьютер. Этот момент можно считать переломом для компьютерной индустрии - ИБМ теряет лидерство на рынке персональных компьютеров. Компания Интел становится законодательницей мод, ее сфера деятельности расширяется: она начинает производить материнские платы, видеоадаптеры и другую периферию. Руководство Интел приходит к пониманию, что нужно создавать и расширять спрос на свой продукт- компания делает инвестиции в фирмы, занимающиеся созданием программ для работы с трехмерной компьютерной графикой, интернет-телефонией, сжатием аудио и видео - в общем в те отрасли, где необходимы мощные процессоры.

Вторая компания – Майкрософт занималась созданием программного обеспечения для микрокомпьютеров (отсюда и название Micro[computers] + soft[ware]). ИБМ купила у нее операционную систему MS-DOS, которая со временем стала стандартом для персональных компьютеров. Не ограничиваясь только операционными системами, Microsoft постоянно расширяла поле своей деятельности - появился набор офисных программ – Microsoft Office. Развитие Internet сделала жизненно важным присутствие Майкрософт и на этом сегменте рынка. В 1995 г. появился броузер – Internet Explorer, который впоследствии с помощью удачной маркетинговой политики (поставлялся бесплатно с операционными системами Microsoft, впоследствии даже был интегрирован в систему) стал наиболее популярным. Microsoft разрабатывала

программы и для компьютеров Эппл. Знаменитые Microsoft Word и Excel впервые появились именно на этой платформе. Но впоследствии, в связи со снижением доли на рынке компьютеров Apple, Майкрософт утратила интерес к сотрудничеству. В 1997 г. Майкрософт спасла Apple от, казалось бы, неминуемого банкротства - было заключено соглашение о развитии продуктов и технологий - Майкрософт обязался поставлять Эппл новые версии программных продуктов Microsoft Office, Internet Explorer и других популярных программ. Кроме того, корпорация Микрософт почти подарила Эппл $150 млн., купив на них неголосующие акции. Естественно, Microsoft заключала этот пакт отнюдь не из альтруистических убеждений – над ней нависла угроза быть объявленной монополистом. Кроме того, по условиям соглашения Internet Explorer по умолчанию включался во все новые версии операционной системы Mac OS. Но это не спасло Microsoft – в 1999 г., решением американского суда она была объявлена монополистом на рынке операционных систем, последовало падение курса акций. В настоящее время ведутся переговоры фирмы с министерством юстиции о последующей судьбе компании.

Долгое время между компаниями Майкрософт и Интел существовало негласное сотрудничество – Интел создавала все более мощные процессоры, а Майкрософт разрабатывала программы, которым требовались все большие вычислительные ресурсы. Отсюда современную архитектуру компьютеров часто называют WINTEL (Операционная система WINdows + процессор inTEL). Но в 1998 г. этот альянс был разорван: Майкрософт разработала операционную систему Windows NT, которая может работать также и на процессорах Alpha, производимых корпорацией Диджитал. Интел, в свою очередь, начинает поддерживать альтернативную Windows операционную систему – Linux. К чему приведет это в дальнейшем, сказать сложно, многое будет зависеть от решения департамента юстиции США по делу Майкрософт.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ АНГЛИИ В АРГЕНТИНЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

П.И. Остриков

Курский госпедуниверситет

Англо-аргентинские экономические связи являлись составной частью экономической экспансии Великобритании в Латинской Америке и во всем мире. В рассматриваемый период Англия, хотя уже и серьезно теснимая своими конкурентами, занимала тем не менее лидирующее положение среди капиталистических стран по размерам своего внешнеторгового оборота и своих зарубежных инвестиций. Латинская Америка в целом, и Аргентина в особенности, представляли собой рынок сбыта и сферу приложения капитала для английского бизнеса. Вполне естественно, что исследуемая проблема привлекает внимание историков, главным образом английских, главным образом в общих работах по истории Латинской Америки и Аргентины, английской внешнеэкономической деятельности или англо-аргентинских отношений.

Предметом настоящего исследования является исследование процесса развития британской экономической экспансии в Аргентине с конца 60-х годов XIX столетия, когда намечается ее быстрый рост, до кануна Первой мировой войны, когда она достигла наивысшего размаха. После 1914 г. значение Англии в зарубежных экономических связях Аргентины начинает падать, и на первое место здесь постепенно выдвигается США. В этих связях решающую роль играли взаимная торговля и британские инвестиции в Аргентину; роль последних особенно возрастает с конца XIX в.

Характер и значение англо-аргентинских экономических отношений определилось, с одной стороны, промышленным, коммерческим и финансовым потенциалом Англии, интересами ее буржуазии, а с другой стороны, экономическим, социальным и политическим состоянием аргентинского общества и его эволюцией.

Экономическая экспансия Англии с торжеством в ней промышленной революции приобретает громадный размах, и обширный сельскохозяйственный регион Латинской Америки, включая и бассейн Ла Плата, естественно оказался в сфере пристального внимания со стороны британского торгово-промышленного капитала.

Правительство Аргентинской республики всемерно поощряло внешнеэкономические связи. Экономический подъем, переживаемый страной, и курс экономической политики правительства немедленно от-

разились на состоянии и развитии англо-аргентинской торговли. Ее динамика прослеживается в помещенной таблице[1]:

Развитие англо-аргентинской торговли в 1862-1913 гг. (в среднем за год в тыс. ф. ст.)

Годы	Импорт Аргентины	Экспорт Аргентины	Весь оборот
1862-1870	2013	1201	3214
1871-1880	2619	1531	4150
1881-1890	6100	1849	7949
1891-1900	5566	7462	13028
1901-1910	13597	24112	37709
1910-1913	20398	36558	57956

Англия для Аргентины являлась крупнейшим торговым партнером в течение всего рассматриваемого периода и притом в возрастающей степени: объем англо-аргентинской торговли увеличился за это время в 18 раз. Доля Англии во внешней торговле Аргентины составляла в 60-е годы 29%, в 70-е и 80-е – 21 %, в 90-е – 29 %, в первом десятилетии XX в. – 37 %, в начале второго десятилетия – 35%[2].

В аргентинском экспорте на мировой рынок в целом в 60-е гг. доминировали шкуры домашних животных, шерсть и соленое мясо (94% всего вывоза[3]), последнее шло только на .Кубу и в Бразилию. С середины 70-х гг. начинается, а затем растет гигантскими темпами экспорт зерна; в начале XX в. вывоз продукции земледелия уже догоняет, а иногда и быстро опережает экспорт животноводческой продукции; но и последний быстро растет, причем в нем все более доминирует мясо: с появлением рефрижераторов и специализированных судов Аргентина становится одним из главных поставщиков на мировой рынок свежемороженой говядины и баранины[4]. При всей эволюции аргентинского экспорта он стабильно сохранял свой почти исключительно аграрный характер. Господствующее положение в импорте Аргентины на протяжении всего рассматриваемого периода занимали промышленные изделия, а также продукты питания, не производившиеся в этой стране, спиртные напитки и топливо. Среди промышленных товаров, ввозимых в нее, постепенно возрастал удельный вес средств производства[5].

Латинская Америка являлась важнейшим полем деятельности британских инвесторов.

Наиболее притягательными объектами экспансии британского капитала здесь являлись Аргентина, Бразилия, Мексика, Чили, Куба и Уругвай. В 1880 г. Аргентина занимала в этой шестерке четвертое место, а с 1890 г. она прочно перешла на первое[6]; на ее долю в 1913 г. приходилось более трети всех британских капиталовложений в Латинской Америке и около 1/8 общего объема британских инвестиций за три предвоенных года (1911-1913) Аргентина стояла на втором месте после США, а по размеру этих инвестиций на душу населения она опережала все страны, включая США[7].

Правительство Аргентины представляло еще более благоприятные возможности для развертывания деятельности иностранных инвесторов в своей стране, чем экспортерам товаров.

Несмотря на определенные изменения в распределении капиталовложений за полвека, в основном они были сосредоточены в течение всего этого периода в трех сферах: в государственных займах, в строительстве и эксплуатации железных дорог и в предприятиях коммунального обслуживания; на них в совокупности приходилось более 9/10 общей суммы английских инвестиций в Аргентине.

С самого начала экспансии британского капитала в Аргентине государственные займы представлялись наиболее значимым объектом его приложения.

На 1 января 1914 г. общий внешний долг Аргентины в пересчете на фунты стерлингов составлял 105 млн. ф. ст., из которых 82 млн.(80 %) падало на английские займы[8]. К тому моменту на долю займов приходилось 23 % общей суммы британских инвестиций в Аргентине; в последней было сосредоточено 26 % общей суммы всего английского заемного капитала, размещенного в Латинской Америке; в среднем каждый аргентинец «задолжал» Великобритании втрое больше среднего латиноамериканца.

Тем не менее Аргентина не фигурировала среди несостоятельных в отличие от ряда других должников Англии, в отличие от других латиноамериканских государств (таковыми длительное время являлись Боливия, Перу, Парагвай, Эквадор, Колумбия, Мексика, а в канун Первой мировой войны Гватемала и Гондурас; например, с 1891 г. ее задолженность постепенно, но неуклонно сокращалась благодаря интенсивному росту внешней торговли и активному торговому балансу, доходы от которого почти целиком поглощались ее английскими, главным образом, заимодавцами.

Вторым после займов важнейшим объектом британских инвестиций в Аргентине являлись железные дороги. Правящие круги Аргентины уже с 60-х гг. XIX в. склонны были видеть в железных дорогах ключ к экономическому, социальному и нравственному прогрессу стран. Президент Аргентины Б. Митре (1862-1868) утверждал, что «они помогут заселить пустыни и принесут богатство труда, где ныне царит нищета»[9].

Третье место по удельному весу английских инвестиций в Аргентине принадлежало предприятиям коммунального обслуживания (газо- и электроснабжение, водопровод, канализация, трамвай и т.п.).

Условия для капиталовложений в эти отрасли были также весьма благоприятными (государственные гарантии прибыли, освобождение от импортных пошлин при ввозе оборудования, бесплатное предоставление земли). Сфера коммунального обслуживания находилась в основном в руках британских капиталистов; лишь в производстве электроэнергии определенную роль играл также германский капитал[10]. Размер инвестиций в эту сферу с 1,2 млн. ф. ст. в 1874 г. увеличился до 14 млн. ф. ст. в 1900 г. и до 40 млн. в 1913 г[11].

Английские инвестиции в сельское хозяйство Аргентины были преимущественно сосредоточены на земельных сделках, спекуляциях и в особенности на залоговых операциях; держателями залоговых обязательств на землю являлись почти исключительно англичане, акционеры крупных финансовых фирм. Общая сумма капитала, вложенного в операции с ипотеками, всегда оставалась тайной.

Суммарный доход от английских капиталовложений в Аргентину в источниках не фигурирует и поддается лишь приблизительной оценке. В 1913 г. он составлял 17,6 млн. ф. ст[12].

Доходы от товарного экспорта в Аргентине давали английской буржуазии в 1913 г. около 1 млн. ф. ст. и 4-6 млн. ф. ст. (по весьма ориентировочному подсчету) составляли ее доходы от морского судоходства в эту страну. Таким образом, в последний год, предшествовавший Первой мировой войне, британский капитал извлекал из эксплуатации Аргентины округленно 24 млн. ф. ст., что составляло 2/3 доходной части государственного бюджета республики того времени[13].

Приведенные данные показывают, что доходы Англии от экспорта в Аргентину во много раз превзошли ее доходы от ввоза в нее товаров, что вполне соответствует общему соотношению между двумя видами дохода британского капитала уже со второй половины 80-х гг. XIX в., причем эта тенденция становится все более отчетливой.

---

[1] Таблица составлена по данным статистического ежегодника «Extracto estadistio de la Respublica Argentina». Buenos-Aires. 1916. P.4-30; «Comercio international argentio», Buenos-Aires, 1916; P 48-55, «Statmen's Yearbook», London, 1873-1916.

[2] «Extracto estadistio de la Respublica Argentina». P.4-30.

[3] «Statmen's Yearbook». London, 1866. P. 530; 1871. P. 484.

[4] «Comercio international argentio». P. 14-15, 21-30.

[5] «Historia argentina contemporanae». Buenos-Aires, 1964. Vol. 3. P. 234-253.

[6] *Stone J.* British Long-Term Investments in Latin America. 1865-1913 // Business History Review. XLII. 1968. P. 323; *Ripply J.F.* British Investments in Latin America. 1822-1949. Minneapolis, 1959. P. 25, 37, 68; *Chevalier F.* L'Amerique de l'independence a nos jours. Paris, 1977. P. 119.

[7] Подсчет по данным «Economist».21.2. 1919.

[8] Подсчет автора.

[9] «Historia argentina contemporanae», Buenos-Aires, 1964. Vol. 3. P. 411.

[10] *Kannapin K.* Die deutsch-agrentinishen Beziehungen von1871 bis 1914. Berlin, 1968. S. 168-171.

[11] *Ripply J.F.* Op. Sit. P. 25, 37, 68.

[12] *Ripply J.F.* Op. Sit. P. 161.

[13] «English Historical Documents». Vol. XII (2). London, 1977. P. 192-194.

КИТАЙСКО-РУССКИЙ ДОГОВОР 1896 г.

А.Ю. Сафронов

Томский госуниверситет

Китайско-российский союзный договор был подписан 22 мая (3 июня) 1896 г. в Петербурге министром иностранных дел князем Лобановым и известным китайским сановником Ли Хун-чжаном, прибывшим в столицу по случаю коронации русского императора Николая II. В зарубежной литературе договор часто называют пактом Ли-Лобанова. Соглашение было строго секретным, его полный оригинальный текст не был опубликован вплоть до 1917 г. Действие договора ограничивалось 15-летним сроком, который, по обоюдному согласию сторон, мог быть продлен в случае необходимости. Договор носил военно-оборонительный характер и предусматривал, что в случае «нападения Японии как на русскую территорию в Восточной Азии, так и на территорию Китая или Кореи» «стороны обязуются поддерживать друг друга всеми сухопутными и морскими силами, какими они будут располагать в этот момент»[1]. Статья 4 предусматривала сооружение Русско-китайским банком для нужд союза железной дороги, проходящей через китайскую территорию, которая, однако, «не может служить предлогом к какому-либо захвату китайской территории или покушению на верховные права е.в. китайского императора»[2]. Хотя в то время этот договор имел цели антияпонской направленности, в дальнейшем он сыграл большую роль в развитии китайско-российских отношений и имел огромное значение для геополитической ситуации в Дальневосточном регионе в целом.

Если даже учесть все недоразумения и конфликты в прошлом, дипломатическая история России и Китая традиционно строилась на принципах добрососедства и уважения[3]. На то был веский аргумент – огромная протяженность общих границ при сравнительно слабой заселенности приграничных районов. Несмотря на это, для той и другой страны такой шаг, как заключение союза, был беспрецедентным по своему историческому значению и даже весьма неожиданным с точки зрения политической ситуации того времени. С той и другой стороны решению предшествовали долгие обсуждения, взвешивание всех «за» и «против», реальная оценка последствий[4]. Основными же причинами, обусловившими такой поворот в дипломатиях империй, стали внешнеполитические события на Дальнем Востоке.

После японо-китайской войны (1894-1895 гг.) Китай стоял на грани

распада на отдельные сферы влияния ведущих мировых держав. Только вмешательство, инициатором которого была Россия и Франция, предотвратили аннексию Японией Ляодунского полуострова. Япония, проводившая агрессивную, милитаристскую политику, уже отторгла от Китая ряд территорий и претендовала на Корею и Маньчжурию, пользуясь поддержкой Великобритании и США. Слабая, бессильная перед западным капиталом монархия Цинов не способна была противостоять требованиям концессий и навязыванию займов. Россия тоже не оставалась в стороне от этого процесса – «дешевый» русско-французский заем 1895 г. сыграл значительную роль в трансформации расположения Цинов и группировки правящих сановников в пользу России. В то время как из-за демарша трех держав против условий Симоносекского договора, навязанного Японией Китаю после победы в войне, отношения российской и цинской империй значительно потеплели, но на большей части территории слабеющего Китая почти безраздельно господствовал английский капитал, и вмешиваться в такое положение дел мало кто решался.

В России инициатором и активнейшим сторонником сближения с Китаем был министр финансов С.Ю. Витте, который понимал всю экономическую выгоду и преимущества, которые давали России полномочия единственного союзника и потому полноправного защитника соседа от агрессивных притязаний Японии. Концессия же на сооружение КВЖД значительно усиливала позиции России на тихоокеанском плацдарме в случае столкновения с Японией и давала широкую дорогу русским товарам в глубь Срединной империи. В КВЖД С.Ю. Витте видел орудие для проникновения российского капитала в Маньчжурию и центральные районы Китая. Кроме того, в связи с осложнением отношений с Японией, русское правительство было вынуждено искать новую зимнюю стоянку для тихоокеанского флота и остановило свой выбор на китайской бухте Цзяочжоу.

С китайской стороны также существовали объективные причины заключения русско-китайского договора. Во-первых, главной гарантией неприкосновенности китайской территории от возможной и предполагаемой японской агрессии был союз с одной из сильнейших (в военном отношении) европейских держав. В этом цели России и Китая совпадали. С другой стороны, соглашение о КВЖД противоречило интересам Китая не допустить иностранцев в глубинные районы империи, хотя в целом баланс русско-китайской пограничной торговли был тогда в пользу Китая[5]. Существует мнение, что в период усилившейся борьбы Англии и Японии на Азиатском континенте в строительстве Китайско-Восточной железной дороги были заинтересованы как Россия, так и Китай[6]. Г.В. Ефимов, крупнейший отечественный исследователь внешней политики императорского Китая в конце XIX в., в статье, посвященной договору 1896 г., высказывает точку зрения, что «цинская дипломатия оказалась не в состоянии уловить коренные изменения в политике царской России, отражающие становление империализма в России», и «для цинского правительства принятая им тактика представлялась, очевидно, единственно целесообразной»[7]. Строительство КВЖД тоже оказывалось необходимой мерой, поддержанной двумя сторонами, «железные доро-

ги в Маньчжурии казались китайским сановникам естественной защитой против японской агрессии в Северо-Восточном Китае»[8].

Конечно, «русский вариант» не представлялся китайскому правительству некоторым идеалом взаимоотношений с Западом, но мог побудить и другие державы заключить подобные же соглашения. Это стало бы воплощением идеалов и основных целей традиционной китайской внешней политики – столкнуть одних варваров с другими, в то время как Китай смог бы выигрывать на посредничестве, разрешая противоречия между державами в свою пользу. Однако этим планам китайского правительства не суждено было осуществиться.

Со времени Венского конгресса и окончательного раздела Польши дипломатия европейских стран строится так, что интересы слабого государства почти никогда не учитываются, особенно если его территорию делят более сильные соседи. В конце XIX в. в эпоху развития капиталистических отношений и колониальных захватов Россия сильно отставала от Европы как в торговле с цинской империей, так и в дипломатических усилиях, реализуемых в Китае. Договор 1896 г. был прорывом на «китайском фронте». Россия не только заключила стратегически важный союз, заняв весомое место среди держав, доминирующих на Дальнем Востоке, – Великобритании, Франции, Японии, с постройкой КВЖД., в соответствии с условиями дополнительного соглашения к договору 1896 г., были созданы условия для проникновения русских капиталов в Северо-Восточный Китай.

Успех, сопутствующий начинаниям в Китае, создал в промышленно-торговых кругах и лично у царя иллюзию «легких захватов». В России возобладала партия сторонников агрессивных завоевательных планов на Востоке, которым противостояли в 1896 г. Лобанов и Витте, желавшие мирного, экономического проникновения в Китай, а он, утратив свои надежды на Россию, демонстрировал противоречивую политику уступок державам. После русско-японской войны 1904-1905 гг. стало ясно, что Россия не способна противостоять расширению Японии на Дальнем Востоке. Победа азиатской страны над европейской показала, что японский путь развития вполне возможен и для Китая. Из-за непоследовательности и противоречивости внешней политики России и Китая КВЖД надолго стала объектом притязания различных сил на господство в Северном Китае, внеся раздор в русско-китайские отношения.

Тем не менее, несмотря на нарушение союзных обязательств и самого духа договора, важна сама тенденция, стремление к мирному существованию и взаимопомощи, которое существовало в XIX в. в России и в Китае. В 1896 г. в российской и цинской империях победили партии, настаивавшие на союзе двух государств, объединении против общего врага – Японии, что свидетельствовало об объективности, насущной необходимости в союзе, за который Китай готов был заплатить, в страхе перед своим исконным врагом – Японией, концессией на КВЖД и целостностью своей территории. Даже если Ли Хун-чжан получил взятку от русского императора, на что ссылаются многие отечественные авторы[9], это «не может служить исчерпывающим объяснением причин соглашения», нельзя также утверждать, что договор был заключен «без ведома

пекинского двора»[10]. С.Ю. Витте категорически отрицает тот факт, что Ли Хун-чжаном тогда была получена взятка[11].

Как бы то ни было, и для Китая, и для России договор 1896 г. был большим дипломатическим успехом, к которому стремились виднейшие и уважаемые государственные деятели – Ли Хун-чжан и С.Ю. Витте. Закрепившееся в историографии мнение об его неравноправности является весьма спорным и может быть объяснено тем, что марксистская традиция упорно оставалась на позициях, что диалог между полуколониальной страной и империалистической державой не мог быть равноправным[12]. Это утверждение не лишено доли истины, однако в последнее время существует тенденция пересматривать вопрос о равноправности русско-китайских договоров[13]. В этой связи имеется необходимость еще раз переосмыслить договор 1896 г., тщательно проанализировав позиции сторон. Соглашение 1896 г. не имеет аналогов как в истории России, так и Китая, и в этом смысле уникально и достойно пристального изучения.

---

[1] Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917. М., 1952. С. 292-294.

[2] Там же. С. 292.

[3] См., например: *Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 г. М., 1995.

[4] *Ефимов Г.В.* Внешняя политика Китая 1894-1899 гг. М., 1958. С. 181.

[5] См., например: *Романова Г.Н.* Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX-нач. XX в. М., 1987.

[6] Там же. С.128-129.

[7] *Ефимов Г.В.* К истории русско-китайского договора 1896 г. //Советское китаеведение. №2, 1958. С. 32.

[8] Там же. С.33.

[9] См., например: *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии (1892-1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия. Л., 1928. С. 49; История дипломатии. М. 1963. Т. 2. С. 328.

[10] *Ефимов Г.В.* Внешняя политика Китая 1894-1899 гг. М., 1958. С. 186.

[11] *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания, 1849-1911. Т. 2. М., 1997. С. 29.

[12] См., например: *Ефимов Г.В.* К истории русско-китайского договора 1896 г. //Советское китаеведение. №2, 1958. С. 38.

[13] См., например: *Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 г. М., 1995.

РАЗДЕЛ II

Методология и историография

РАННИЕ УТОПИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ И КОММУНИТАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В США

Ю.Г. Чернышев

Алтайский госуниверситет

Актуализировавшиеся в последнее время дискуссии о «национальном характере» и «национальной идее», как это обычно бывает, не обошлись без предельного упрощения, абсолютизации или схематизации довольно сложных процессов и явлений. Так, например, стадиальные особенности развития отдельных стран и народов нередко представляются как имманентно присущие им отличительные свойства. Широкое хождение получили так называемые «этнические стереотипы», согласно которым, например, русскому народу во все времена были фатально присущи соборность и утопизм, а американцам – индивидуализм и антиутопический практицизм.

Серьезные коррективы в такие подходы могли бы внести конкретно-исторические исследования по истории утопических идей и социальных экспериментов, однако даже имеющиеся работы по этой теме далеко не всегда учитываются любителями глобальных обобщений. В качестве примера, иллюстрирующего эту ситуацию, мы хотели бы взять так называемые «коммунитарные эксперименты», имеющие весьма продолжительную и богатую историю в самых разных странах мира.

В отечественной литературе одним из лучших исследований по данной теме является монография Э.Я.Баталова «Социальная утопия и утопическое сознание в США»[1]. Главное достоинство этой работы заключается, на наш взгляд, в том, что автор исходит не из готовых схем, а из анализа конкретного материала. Это позволило ему не только сделать ряд глубоких и универсальных выводов о природе утопизма, но и подвергнуть сомнению стереотипные суждения об американском «антиутопизме». Америка действительно уступает многим европейским странам в развитии утопических теорий, однако именно эта страна в XIX и начале XX в. стала своеобразным «полигоном» для испытания коммунитарных проектов Оуэна, Фурье, Кабе и других утопистов. Пример Америки, по мнению автора, подтверждает общую закономерность: «Утопическое сознание, рассматриваемое в широком утопическом контексте, обнаруживает нечто вроде «пульсации»: на какое-то время оно

как бы «угасает», «замирает», чтобы потом начать «биться» вновь, быть может, еще сильнее, чем прежде»[2]. К сожалению, автор в этой работе не попытался заглянуть в историю, чтобы попытаться обнаружить более ранние «всплески» коммунитарного движения.

Прежде чем перейти к этой теме, мы хотели бы заметить, что во второй половине XX в. попытки организовать коммуну и жить «по утопии» в Америке не прекратились, они лишь приняли несколько другие формы. Помимо разного рода религиозных сект, можно упомянуть, например, общину хиппи, возникшую в Хейт-Эшбери, одном из районов Сан-Франциско. Шейла Кейве, исследовавшая эту общину, отметила следующие характерные черты коллективной идеологии хиппи: «Хиппи верит: что человек должен быть свободным; что достичь свободы можно, лишь изменив внутренний строй души; что душевному освобождению способствуют наркотики; что поступки внутренне раскованного человека определяются стремлением оберегать свою свободу как величайшую драгоценность; что красота и свобода тождественны друг другу и что реализация того и другого - чисто духовная проблема; что все, кто разделяют сказанное выше, образуют духовную общину; что духовная община - идеальная форма общежития; что все, думающие иначе, заблуждаются». В отношении к другим членам общины "настоящие хиппи" следуют моральным максимам: "занимайся своим делом", "ни к кому не лезь", "не суетись" (жаргонное "не тормошись"), "соучаствуй - делись с другим". Кроме того, хиппи противопоставляют свой образ жизни как должный и гармоничный образу жизни современного человечества - недолжному и дисгармоничному. Главный признак "истинного" пути жизни - гармонические отношения человека с природой, "ложного" - конфликт между ними. Именно в этой связи обитатели Хейта склонны идентифицировать себя с индейцами: образ храброго воина - индейца, живущего одной жизнью со своей землей, приближается к их человеческому идеалу[3].

Нельзя не заметить, что современный коммунитаризм и «альтернативные движениия» на Западе нередко опираются на либеральные ценности, однако, на наш взгляд, было бы неверным считать это чертой, присущей коммунитаризму в целом. Авторы энциклопедического словаря «Политология» дают, к примеру, следующее определение коммунитарного движения: оно «принадлежит к семейству новых социальных движений, отстаивающих право индивида на собственный стиль и образ жизни, на формирование своего непосредственного окружения. Коммунитарное движение обычно активизируется в периоды особенно интенсивной модернизации, которым сопутствует разрушение устоявшихся форм общественного бытия. Примерами могут служить европейский романтизм и американский коммунитаризм: первый - как бурная реакция на промышленную революцию, второй - на взрывную урбанизацию начала XX века".[4] Здесь, на наш взгляд, мы опять встречаемся с упрощенно-схематичным подходом, не учитывающим все многообразие исторического опыта, уходящего своими корнями далеко за пределы нового времени.

На самом деле коммунитарное движение отнюдь не является «новым» явлением в истории человечества. Чтобы проиллюстрировать это,

достаточно совершить самый краткий экскурс в древнюю и средневековую историю. Исследования на эту тему имеются как в отечественной[5], так и в зарубежной[6] историографии. Именно такие экскурсы, на наш взгляд, способны помочь исследователям отличать общее от особенного, выявлять универсальные «общеисторические» закономерности в конкретных проявлениях утопизма.

Если говорить об античной истории, то одним из самых ранних примеров коммунитарного эксперимента можно считать общину пифагорейцев. Секта учеников Пифагора возникла в середине VI в. до н.э. в городе Кротоне (Южная Италия). По всей видимости, она объединяла аристократическую «новую элиту» в тайный религиозно-политический союз. Чтобы вступить в общину, согласно сообщению одного более позднего автора, необходимо было пройти 3-летний испытательный период и 5-летний обет молчания, причем недвижимая собственность испытуемого делалась общим достоянием и передавалась пользующимся известностью членам союза. Пифагорейцы исповедовали принципы справедливости, гармонии и теоретического равенства («у друзей все общее»), совершали общие трапезы. В конце VI в. до н.э. секта была разгромлена политическими противниками, но ее пример оказал значительное влияние на более поздние проявления утопизма.

В эпоху кризиса полиса возникло философское течение киников, которых многие считают далекими предшественниками хиппи. Идея «автаркии мудреца» была воплощена уже в образе жизни знаменитого Диогена Синопского (ок. 400-325 гг. до н.э.), жившего в бочке, презиравшего земные законы и власти, идеализировавшего первобытность. И хотя киники не создали замкнутой общины, их существовавшее до поздней античности сообщество «бродячих мудрецов» четко выделялось на фоне остального мира: они имели свою систему ценностей, резко отличавшуюся от общепринятой, они эпатировали публику своим обликом и поведением, они пытались подражать жизни «близких к природе» варваров и даже диких животных.

Принято отмечать, что киники оказали серьезное влияние на раннехристианских апостолов, которые также вели образ жизни странствующих проповедников, призывали к общности имуществ, взаимопомощи, простоте, благочестию и т.д. Однако во второй половине XX в. науке стало известно о еще более важном течении, оказавшем влияние на коммунитарные тенденции в раннем христианстве. Собственно, сведения об этом течении в иудаизме – сектах ессеев и терапевтов – содержались уже в сочинениях некоторых древних авторов, однако настоящая сенсация произошла после Второй мировой войны, когда в окрестностях Мертвого моря была обнаружена целая библиотека древних рукописей II в. до н.э. - I в. н.э., принадлежавшая членам уникальной религиозной секты.

До этого открытия сообщения древних авторов о ессеях производили впечатление некоторой их идеализации. Так, например, Филон Александрийский в сочинении «О том, что каждый добродетельный свободен» писал, что ессеи «едва ли не единственные из всех людей, не имея ни денег, ни собственности, (...) считают себя богатейшими, так как справедливо полагают, что умеренность и ограниченность в потребно-

стях равносильны изобилию... Никто из них не имеет ничего собственного: ни дома, ни раба, ни земельного участка, ни скота, ни других предметов и обстановки богатства. Все внося в общий фонд, они сообща пользуются доходами всех. Живут они вместе, создавая товарищества... и все время проводят в работе на общую пользу». Этому вторит и сообщение Иосифа Флавия: «К богатству они относятся с презрением, и поразительна их общность имущества, среди них нет никого, выделяющегося своим имуществом, ибо существует закон, что вступающие в общину предоставляют свое имущество в общественную собственность секты. Поэтому среди них всех нет ни унизительной бедности, ни чрезмерного богатства; ведь имущество каждого смешивается с имуществом других и, словно у братьев, у всех одно общее имущество».

Эти сообщения, вызывавшие недоверие у исследователей, получили подтверждение после открытия Кумранской общины – своеобразного монастыря иудейских сектантов, живших по своим законам в удалении от «мира». Кумранская община – пожалуй, самый яркий пример из ранней истории коммунитаризма, демонстрирующий, что коммунитарное движение во все эпохи имело присущие ему универсальные законы. Чтобы продемонстрировать эту «универсальность», мы можем попытаться «наложить» на сведения об этой общине те наблюдения, которые сделал Э.Я.Баталов при анализе коммунитарного движения в США.

Э.Я.Баталов отмечает, что «наибольшей усточивостью отличались те общины, которые: а) имели религиозно-сектантскиий характер; б) основывались на общественной собственности на средства производства; в) практиковали целебат (безбрачие); г) возглавлялись харизматическими лидерами; д) практиковали авторитарное принятие решений; е) характеризовались социально-профессиональной однородностью и низким культурным уровнем членов общины». Кроме того, такие общины чаще всего создавались людьми, которые «ранее подвергались особенно сильным религиозно-нравственным преследованиям»[7].

Практически все эти наблюдения, с небольшими оговорками, можно отнести и к Кумранской общине: а) эта община объединяла фанатично настроенных «сынов света», усиленно молившихся и считавших себя единственными праведниками; б) члены общины коллективно трудились от восхода до заката солнца, имели общую кассу, общие имущества, общие трапезы; в) в рассказах древних авторов о ессеях встречаются упоминания о безбрачии (хотя, видимо, были некоторые отступления от этого правила); г) руководителем общины был некий весьма почитаемый своими последователями Учитель праведности, наделенный пророческой благодатью и призванный вновь явиться «в конце дней»; д) в общине соблюдалась строжайшая дисциплина и жесткая субординация в соответствии со «стажевыми группами», причем любой, кто «роптал на основы общины», навсегда из нее изгонялся; е) косвенные данные о социальном происхождении членов общины содержатся в их самоназваниях: «бедные», «нищие», «простецы»; все они занимались под контролем старших физическим трудом: ремеслом, скотоводством или земледелием. Наконец, следует подчеркнуть, что в памяти членов общины были живы воспоминания о каких-то опасных преследованиях Нечестивого жреца, из-за которого им пришлось пережить изгнание. Эсхатоло-

гическая экзальтация кумранитов проявилась в их ожидании решающей войны с остальным миром - «сынами тьмы», после трудной победы над которыми должны восторжествовать истина, свет, праведность и справедливость.

Участь Кумранской общины, как и многих других подобных общин, оказалась печальной: видимо, она была разгромлена римскими войсками при подавлении Иудейского восстания, и с тех пор на протяжении двух тысячелетий это место пребывало в запустении. Однако многие традиции и ценности кумранитов в преломленном виде нашли отражение в раннем христианстве. Христиане преодолели узконациональную сектантскую замкнутость ессеев, обратив свою проповедь к язычникам. Разумеется, в условиях такой открытости вряд ли было возможно последовательно соблюдать принципы коммунитаризма, однако как идеал «апостольских порядков» общность имуществ присутствует и в Новом Завете, и в сочинениях «отцов церкви». Достаточно упомянуть место из «Деяний апостолов» (II, 44-45; IV,34-35), на которое столь часто ссылались впоследствии многие еретики-сектанты: «Все же верующие были все вместе и имели все общее. И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого... Не было между ними никакого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду».

Впоследствии эти коммунитарные тенденции проявились наиболее ярко в монашеском движении и в разного рода радикальных ересях, выступавших против «обмирщенной» церкви. Средние века дают массу таких примеров, начиная с движения монахов-францисканцев и кончая еретическими течениями богомилов, катаров и вальденсов, «апостольских братьев», беггардов, лоллардов, таборитов, анабаптистов и т.д. Особенно серьезные масштабы коммунитарные эксперименты приобретают с началом эпохи Реформации, когда объединение в коммуны стало одним из средств противостояния протестантов католической церкви. Так, в 1535-1537 гг. в германском городе Мюнстере анабаптистам удалось захватить власть, изгнав князя-епископа. В учрежденных там порядках мы находим уже знакомые универсальные черты: сектантская замкнутость «осажденного лагеря», общая казна и отмена денежного обращения, обязательный труд, авторитаризм и вождизм (Иоанн Лейденский даже объявил себя «царем израильским»). Был отменен и брак в его традиционной форме - правда, на этот раз не в сторону целебата, а в сторону многоженства, что было оправдано ссылками на пример благочестивых ветхозаветных патриархов.

Итак, даже самый краткий экскурс в историю показывает, что коммунитарное движение отнюдь не является продуктом нового времени. Первые коммунитарные эксперименты предпринимались еще задолго до нашей эры, и уже тогда в них проявлялись некоторые общие черты, присущие им как явлению общественной жизни. Эти черты прослеживаются в разные периоды, у разных народов, в разных исторических обстоятельствах. Общим было то, что коммуны самим своим существованием выражали протест против законов «большого общества», являя собой утопическую попытку создания идеального «малого сообщества»,

в котором люди должны жить «как братья». Коммуна – это своеобразная технология выживания сообщества единоверцев, форма сохранения «островка праведности в море порока». Конкретное же идеологическое наполнение экспериментов в каждом случае могло быть совершенно различным. Следует отметить при этом, что для большинства ранних коммун была характерна апелляция к «естественным законам» Бога и природы.

Возвращаясь к теме, с которой начинается данная статья, мы хотели бы сделать вывод о недостаточной корректности рассуждений о фатальном «утопизме» или «антиутопизме» отдельных народов. Утопизм – категория отнюдь не этнографическая. В той или иной форме утопизм проявляется у всех народов: в фольклоре и религиозных пророчествах, в теоретических трактатах, в коммунитарных экспериментах... Чаще всего у каждого народа можно обнаружить целый комплекс различных проявлений утопизма. Необходимо, однако, помнить об упоминавшемся законе «пульсации» утопизма. Исторический опыт показывает, что утопические искания становятся особенно активными в эпохи кризиса и предстоящей ломки прежних порядков, когда значительная часть общества осознает, что «дальше так жить нельзя», но еще не видит реального пути выхода из кризиса. Напротив, если в обществе для большинства граждан предоставлены удовлетворительные способы самореализации, утопизм, как правило, находится на периферии общественного сознания. Что касается США, то эпоха бурных коммунитарных экспериментов в этой стране показала, что утопизм в определенные моменты отнюдь не был чужд американскому народу. Это еще раз подтверждает универсальность наблюдения о том, что актуализированная утопия способна некоторое время выполнять функцию иллюзорной компенсации. Она либо помогает найти выход из кризиса, либо, наоборот, заводит общество в тоталитарный тупик. Однако с этим связан и еще один универсальный вывод: ни одно человеческое сообщество не способно постоянно жить "под наркозом" утопического эксперимента.

---

[1] *Баталов Э.Я.* Социальная утопия и утопическое сознание в США. М., 1982.

[2] Там же. С. 5, 25.

[3] *Кэйве Х.* Коммуна хиппи в Хейте. Сен-Луи, 1972 - http: // www.high.ru / library / kaive / hippycommun html

[4] Коммунитарное движение // Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И.Аверьянов. М., 1993. С. 135

[5] См., например: *Гутнова Е.В.* Характерные черты крестьянских утопий средневековья // История социалистических учений. М., 1988. С. 176-194; *Гуторов В.А.* Античная социальная утопия. Вопросы истории и теории. Л., 1989; *Чернышов Ю.Г.* Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Ч. 1-2. Изд. 2-е, испр. и доп. Новосибирск, 1994.

[6] *Poehlmann R.* Von. Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt. 3. Aufl. Von F.Oertel. Bd. 1-2. Muenchen, 1925; *Walter G.* Histoire du communisme. T. 1. Les origines (judaiques, chr'etiennes, grecques, latines). P., 1931; *Ferguson J.* Utopias of the Classical World. L., 1975, *Cohn N.* The Pursuit of the Millenium. Revolutionary Millenarians and Mystical Anarchists of the Middle Ages. L., 1978; *Manuel F.E., Manuel F.P.* Utopian Thought in the Western World. Cambridge, Nass., 1979, *Guenther R., Mueller R.* Sozialutopien der Antike. Leipzig, 1987; Atti del Convegno Nazionale di Studi su "La citta ideale nella tradizione classica e biblico-christiana", Torino 2-4 Maggio 1985, a cura di R. Uglione. Torino, 1987.

[7] *Баталов Э.Я.* В мире утопии. Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М., 1989. С. 241.

ДИСКУССИИ О ПОСТМОДЕРНИЗМЕ В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (ПО СТРАНИЦАМ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ)

Б.Г. Могильницкий

Томский госуниверситет

Современная историографическая ситуация характеризуется «необычайно широким распространением соблазнительного ключевого слова постмодернизм»[1]. Добавлю, слова достаточно аморфного и вместе с тем многозначного, что требует пристального внимания к явлению, им обозначаемому. Тем более, что здесь речь идет о понимании самой природы исторического познания, а следовательно, и дисциплинарного статуса нашей дисциплины.

В самом общем смысле постмодернизм вслед за, пожалуй, сегодня самым влиятельным его теоретиком Ж.Ф. Лиотаром можно определить как философскую теорию, постулирующую, что западное общество в последние десятилетия пережило эпохальный сдвиг от модернистской к постмодернистской эре, которая может быть охарактеризована окончательным отречением от просветительского наследия веры в разум и прогресс и всеобъемлющим недоверием в отношении всех метанарративов, приписывающих истории направление и смысл, в частности, понятие, что человеческая история есть процесс универсального освобождения. На место большого нарратива этого рода пришло многообразие дискурсов и языковых игр, поставивших под вопрос природу познания вместе с разрушением идеи истины и проблемы легитимности во многих сферах[2].

В более узком смысле постмодернизм иногда обозначают как философию лингвистического идеализма, или панлингвизм, утверждающий, что нет реальности вне языка, что применительно к историческому познанию в принципе отрицает самою возможность постижения прошлой исторической действительности. Ибо всякий исторический дискурс относится не к независимому от историка миру фактов и вещей, а является лингвистической конструкцией, лишенной объективного значения[3].

Таким образом, широко прокламируемый в последние десятилетия «лингвистический поворот», или «возвращение в историю литературы» означает радикальное переосмысление природы истории, превращение ее из научной дисциплины в жанр литературы, уравнение в своем познавательном статусе исторического и художественного дискурсов.

Крайним выражением постмодернизма можно рассматривать деконструкционизм, основанный на разработанном французскими постструктуралистами и прежде всего Ж. Дерридой принципе деконструкции. Определяя его как «активное разоблачение и разрушение звукового

письма», «репрессивный» процесс в отношении первоначального письма, реализующего первичные различия вещей, Деррида видел задачу исследователя в том, чтобы, отбросив авторские и привнесенные историей смыслы, восстановить «в текстах изначальные, погребенные под разными наслоениями языка следы социальной практики, определяющие внутреннюю логику построения звукового письма, глубокие закономерности политического, «репрессивного «производства истины»[4].

В такой постановке вопроса исчезает самое понятие исторического прошлого как объективной категории, существующей независимо от исследователя и являющейся предметом его познавательной деятельности. Ибо, как утверждает французский ученый в своей основополагающей работе, разрабатывающей принцип деконструкции, есть только «бессознательное настоящее». «В альтерации «бессознательного», - поясняет он, - мы вынуждены иметь дело с не горизонтами модифицированного прошлого или будущего – настоящего, но с таким «прошлым», которое никогда не существовало и никогда уже не станет настоящим, равно как и с «будущим», которое никогда не будет реализовано и репродуцировано в форме настоящего»[5].

В отечественной историографии проблема постмодернизма в истории впервые была поставлена В.М. Мучником и И.Ю. Николаевой, включившими ее в широкий контекст постмодернистской трансформации западной культуры. При этом авторы акцентировали принципиальное многоязычие постмодернистской культуры и, соответственно, осознанное многоязычие постмодернистской научной методологии. Вместе с тем, указывая на происходящую в современной науке концептуальную революцию, они подчеркивали, что «это не разрыв с предшествующей традицией исторической мысли, а скорее творческая ее переработка, перестановка акцентов и, безусловно, актуализация многих, имплицитно в ней заложенных тенденций»[6].

Эта характеристика постмодернизма вплоть до настоящего времени остается наиболее авторитетной в отечественной историографии, о чем свидетельствуют ссылки на нее известных специалистов в данной области[7]. Очевидно, однако, что томские авторы не претендовали на исчерпывающее освещение всей проблематики, порожденной пришествием постмодерна в историю. В частности, вне их специального рассмотрения осталась его эпистемология. Между тем именно она вышла сегодня на авансцену дискуссий о постмодернизме в истории.

Особую остроту и напряженность эти дискуссии приобрели в американской историографии. Масштабные по своему размаху, содержательно богатые, они не только углубляют понимание значения вторжения постмодернистских идей в историю, но и существенно проясняют общую эпистемологическую ситуацию в нашей дисциплине, что и побуждает обратиться к их систематическому анализу.

Правда, с одной существенной оговоркой. В статье речь пойдет об отражении этих дискуссий главным образом только на страницах ведущих американских исторических журналов «Американская историческое обозрение» и «История и теория». Конечно, такая постановка вопроса лишает возможности детально показать во всем его многообразии

тот всплеск историко-теоретической мысли, который вызвало пришествие постмодернизма в американскую историографию.

Вместе с тем в защиту ее можно привести по крайней мере два резона. Во-первых, с конца 80-х гг. тема постмодернизма в истории становится предметом интенсивного обсуждения в указанных журналах, представляющего обильный и достаточно репрезентативный материал для суждений об общих тенденциях в подходе к этой проблеме в американской историографии. Во-вторых, как известно, журнальные статьи являются самым оперативным жанром историографического исследования, представляющим научные результаты, являющиеся в определенном смысле последним словом в изучении данной проблематики. Все это позволяет надеяться, что обращение к журнальной полемике вокруг постмодернизма позволит понять динамику отношения к нему в историографии США.

Первый выплеск дискуссий о постмодернизме на страницы американской научной периодики произошел в 1989 г., когда по этой проблематике в «Американском историческом обозрении» (1989, № 3) была опубликована большая подборка статей. Подавляющее большинство из них было пронизано сочувственным отношением их авторов к постмодернистским идеям, с которыми связывалось радикальное обновление исторической дисциплины.

Тон задала статья Д.Харлана «Интеллектуальная история и возвращение литературы». «Возвращение литературы, - констатировалось в ней, - ввергло исторические исследования в длительный эпистемологический кризис»[8]. Рассматривая это возвращение в широкой перспективе и возводя его истоки к французскому постструктурализму, Харлан подчеркивал, что «постмодернистский литературный критицизм стал таким мощным и влиятельным среди широких кругов дисциплины и поднял так много тревожащих вопросов о концептуальных основах самой истории, что историки больше не могут его игнорировать»[9].

Д.Харлан признает, что вследствие пришествия постмодернизма «участь историков стала трудной». Тем не менее вся его статья была пронизана убеждением, что именно деконструкционизм указывает на магистральный путь развития историописания, в особенности интеллектуальной истории. Впрочем, в трактовке американского ученого это уже другая дисциплина, которая «не имеет и, вероятно, не должна иметь формализованной, широко принятой системы исследовательских процедур» и которая обращена не столько в прошлое, сколько в настоящее. Перефразируя Ф.Бэкона, он восклицает: «Мы должны поднять историю на дыбу: мы должны заставить ее отвечать на наши вопросы. Наши вопросы, вызванные нашими нуждами, сформулированные в наших терминах»[10].

Сочувственное отношение к постмодернизму было выражено и в других опубликованных в этом номере журнала материалах. Единственное исключение представляла помещенная в рамках дискуссии «Старая и новая история» статья заслуженного профессора Нью-Йоркского университета, видного специалиста в области интеллектуальной и социальной истории Гертруды Химмельфарб, посвященная систематической критике деконструкционизма. Одна из крупнейших

представителей так называемой «старой», ориентированной на позитивистскую эпистемологию истории, Г. Химмельфарб решительно не приемлет «новую историю», характеризуя ее как целиком постмодернистскую (деконструкционистскую) и указывая на разрушительную для судеб исторической дисциплины угрозу деконструкционизма. Эта угроза, в частности, усматривалась в том, что «в литературном критицизме деконструкция истории означает освобождение текста от конструктов, которые традиционно придавали ему смысл, начиная с намерения автора, так сказать, авторского голоса». Соответственно этому сам текст объявляется недетерминированным, так как язык не отражает реальности или не соответствует ей»[11].

Повторюсь. Статья Г. Химмельфарб прозвучала диссонансом в общем хоре голосов, приветствовавших пришествие постмодернизма в историю, за что и подверглась критике. Но справедливости ради надо заметить и другое. Эта критика не простиралась до отрицания научности истории. В статье, подводящей итоги дискуссии, подчеркивалось, как важный момент, наличие значительной степени согласия в «теоретических посылках и моральных ценностях», на которых основывается историческая дисциплина [12]. Даже непримиримый критик Г. Химмельфарб Джоан Скотт признавала, что хотя история является интерпретирующей практикой, а не объективной, нейтральной наукой, это не означает отрицание всяких стандартов научности. Напротив, писала она, это предполагает, что сообщество историков «разделяет обязательства точности и следования процедурам верификации и документации»[13].

Думается, что развернувшаяся вскоре на страницах американских журналов критика постмодернизма как раз и имела в качестве своей важнейшей предпосылки эту уверенность в научности исторического познания, которая, в свою очередь, опиралась на господствующую в XX в. в США философскую традицию.

Речь идет об американском философском прагматизме начала века и современной аналитической философии. При всем различии этих философских систем их объединяет признание существования независимой от исследователя объективной реальности и возможности ее адекватного постижения. Не случайно, что из всех отраслей современного гуманитарного знания в США философия оказалась менее всего затронутой постмодернистскими новациями. Равно, как не случайно и то, что в критике этих новаций американские историки нередко обращаются к философским авторитетам от Ч.Пирса до М.Уайта и других классиков аналитической философии. Вообще следует отметить высокий теоретический уровень многих дискуссионных статей, авторы которых помещают проблему постмодернизма в широкий философский и общеисторический контекст.

В 90-е гг. в американских исторических журналах нарастает критика постмодернизма. Ее пафос – защита истории от постмодернистской угрозы, запечатленной в названии одной из книг «Убийство истории»[14]. Ибо постулируемое «новым литературным критицизмом» отрицание существования независимой от исследователя прошлой реальности делает бессмысленными любые претензии истории на научность. Исторический дискурс отождествляется по своей природе с дискурсом художе-

ственным, вследствие чего стирается всякая грань между исторической истиной и художественным вымыслом.

Поэтому с такой силой в критике постмодернизма зазвучала проблема объективности исторического познания. Это уже не позитивистский объективизм с его притязанием изображать прошлую реальность «как это собственно было». Впитавший в себя изрядную долю релятивизма, утративший былую самоуверенность, необъективистский подход признает относительность научного исторического знания, но в то же время решительно отвергает его отрицание вообще.

Показательна в этом плане большая статья Томаса Хэскелла «Объективность не есть нейтральность». Непосредственно посвященная оценке книги П.Новика «Эта благородная мечта», развенчивающей претензии истории на получение объективного знания о прошлом[15], статья по существу представляет собою развернутый ответ на постмодернистский вызов. Характерным образом апеллируя к аналитической философии, в частности, к ее видному представителю Т.Нэйджелу, обосновавшему возможность и границы объективного подхода к прошлой действительности[16], Т.Хэскелл с этих позиций показывает опасность и вместе с тем несостоятельность постмодернистской эпистемологии.

Указывая, что «академическая атмосфера насыщена в наши дни сенсационными заявлениями о крушении разума», он подвергает язвительной критике постмодернистский синдром, связанный с влиянием деконструкционистских доктрин[17]. Вслед за Нэйджелом Т.Хэскелл признает, что скептицизм в истории очевиден и неопровержим. Более того, он составляет необходимый элемент познавательного процесса. Но это, подчеркивает автор, конструктивный элемент, так как самое стремление к объективному знанию должно следовать под его сенью. Правильно же понятая объективность является, по убеждению Т.Хэскелла, достойной целью для историка[18]. Что касается ее природы, то вся статья пронизана мыслью, что объективность это не нейтральность, но и не политическая ангажированность.

К этой последней теме я еще вернусь, а сейчас отмечу, что в другой журнальной статье защита объективности исторического познания ведется под флагом прагматизма, а именно, той его версии, которая связана с именем Ч.Пирса. Опираясь на «фундаментальный прагматизм» Пирса, автор указывает, что лингвистический поворот ведет в тупик, потому что он укрепляет ложную дихотомию между мыслью и реальностью. Противопоставляя «постмодернистскому безумию», игнорирующему мир онтологии, мир телесно-объективный, пирсовскую семиотику, он подчеркивает, что «нет необходимого противоречия между взглядом, что мы живем в универсуме знаков и взглядов, что поиск исторического знания есть рискованный, но возможный поиск исторической истины»[19].

Обращает на себя внимание широта диапазона, в котором ведется критика постмодернизма на страницах американских журналов. Подчеркивается антиисторизм постмодерна, мир которого денатурализованный мир, имеющий историю без дат и событий. Существенной его характеристикой объявляется забвение, а его Немезидой – репрессированная память[20]. Более того, его неисторичность предполагает отрече-

ние от истории[21]. Но тем самым в постмодернизме утрачивается и чувство будущего, а сам он именуется как «антиистория»[22].

Еще один заметный аспект критики постмодернизма – его отрицание нарратива, воплощенное в известной максиме Лиотара, что «нарративы – это сказки, мифы, легенды, пригодные только для женщин и детей». В особенности это относится к так называемому большому или метанарративу, в недоверии к которому Лиотар видел важную черту постмодернизма. В полемике с ним утверждается, что «мы живем в золотом веке глобального нарратива, в котором всеобщая история не только возможна, но и неизбежна»[23].

Относительно «золотого века» сказано, конечно, слишком сильно. В таком определении присутствует явное преувеличение, выдающее желаемое за действительное. Однако критика постмодернизма в этом плане представляется справедливой в главном. Действительно, в отрицании метанарратива, противопоставлении ему локального дискурса просматривается еще одно проявление антиисторизма постмодернизма, отвергающего возможность создания целостного связного образа истории, как, впрочем, и саму всемирную историю как объективную реальность.

Не развивая эту тему далее, отмечу лишь систематическую публикацию в американских журналах критических рецензий на книги, написанные с постмодернистских позиций[24].

Своего рода кульминацией нараставшей критики постмодернизма в американской научной периодике стала статья видного представителя новой научной истории Переца Загорина «История, референт и нарратив», опубликованная в 1999 г. в журнале «История и теория», что побуждает внимательно к ней присмотреться. Основная идея статьи может быть сформулирована словами автора, который приходит к выводу, что «в противоположность ученым, работающим в сфере литературных исследований, американская историческая профессия обнаружила гораздо большую сопротивляемость постмодернистским доктринам и что влияние последних на мышление и практику историков не только увядает, но все более обречено на исчезновение»[25]. Ибо, убежден Загорин, и это убеждение пронизывает всю его статью, философия постмодернизма не просто лишает нашу дисциплину ее научного статуса, а влечет за собою, используя выражение другого американского автора, убийство истории.

Надо признать, что это суровое обвинение основывается на достаточно убедительной и логически непротиворечивой аргументации. Ее исходным пунктом является двуединый тезис об органической связи научности и объективности, с одной стороны, и столь же органически присущее нашей дисциплине стремление к объективному познанию, - с другой. Члены сообщества историков, справедливо пишет Загорин, «имплицитно признают фундаментальную истину, а именно, что правильно понятая и сознающая свои границы объективность – не химера, а органический аспект исторического разума, который нельзя отрицать как цель или стандарт не отрицая саму историю как один из форпостов гуманитарных и социальных наук»[26].

Вследствие этого, продолжает ученый, в то время, как постмодернизм оказал преобладающее влияние на изучение и преподавание лите-

ратуры в американских университетах, историческая дисциплина проявила гораздо большую сопротивляемость его идеям. «Постмодернизм, - утверждает П.Загорин, - является явно незначительным феноменом для профессиональных историков, так как он противоречит их собственному пониманию, основанному на личном опыте, и всему опыту исторических исследований»[27].

Даже историки, сосредоточившие в ответ на «лингвистический поворот» свое внимание на роли дискурса в культуре и политике, делает П.Загорин важное наблюдение, убеждены в своем большинстве, что целью истории является познание прошлого как исчезнувшей реальности, которая может быть реконструирована[28].

Заслуживает быть отмеченным еще один аспект загоринской критики постмодернизма, тем более, что он практически отсутствует в отечественной историографии вопроса. Речь идет о политической ангажированности постмодернизма, имеющей многообразные формы своего выражения и тесно связанной с левыми протестными, подчас выраженно антибуржуазными настроениями. К тому же некоторые классики постмодерна, включая Ж.Дерриду и М.Фуко, испытали значительное влияние марксизма, отразившееся как на концептуальном уровне их построений, так и на их языке.

Отсюда – обвинения просветительского разума в введении нового, бесчувственного способа угнетения и утверждения, что в каждом обществе власть формирует и соединяется со знанием в форме «режима истины» и доминирующего дискурса, который предписывает границы познаваемого и проговариваемого в общих культурах. «В истории и других сферах, - указывает П.Загорин, - эти постмодернистские темы, часто окрашенные примесью марксизма были широко инкорпорированы в радикальные версии феминизма, мультикультуризма и утверждения этнической или сексуальной идентичности». Следствием же всего этого явилось «убеждение, что то, что считается разумом или истиной, есть неизбежный продукт идеологических и политических интересов гегемонистских групп, чье доминирование формирует дискурс, и глубокое подозрение в отношении коварного культурного империализма, этноцентризма или сексизма, пронизывающих общие моральные принципы»[29].

Но дело не просто в идейно-теоретических установках постмодернизма. Главное внимание П.Загорин уделяет социальной практике его приверженцев, давая ей в целом негативную оценку. «Постмодернизм, - утверждает он, - породил сильное интеллектуальное замешательство в некоторых гуманитарных дисциплинах, а также стал главным фактором, способствовавшим их значительной политизации в последние годы. Внедряя свои теории истории и литературы в учебные аудитории и концентрируя внимание своих последователей на вопросах расы, класса и гендера, он изрядно способствовал радикализации и угрожающему упадку позиций гуманитарных дисциплин в университетах, который происходит с 70-х годов»[30].

С этим последним обвинением едва ли можно согласиться, во всяком случае без существенных оговорок. Действительно, в последние десятилетия факт упадка гуманитарных дисциплин (но далеко не всех, а

прежде всего истории!) с тревогой отмечается многими американскими авторами, указывающими на целый комплекс породивших его причин, отнюдь не сводимых к «лингвистическому повороту»[31]. К тому же это обвинение находится в известном противоречии с утверждением Загорина о незначительном влиянии постмодернистской философии на историческую дисциплину. Конечно, радикальный скептицизм подрывает положение истории в академическом мире, но ведь в еще большей степени это относится к тем гуманитарным дисциплинам, которые его приняли, в то время как большинство историков, по признанию самого же Загорина, его отвергают.

Значительно плодотворнее представляются суждения П.Загорина о месте постмодернизма в политическом спектре современных США. Указывая, что большинство постмодернистов относят себя к политическим левым и поддерживают в университетах движение в защиту мультикультуризма, а также женские, гендерные, афро-американские и т.п. исследования, он обращает внимание на их определенную «политическую несовременность». В Соединенных Штатах, которые со времени президентства Р.Рейгана становятся все более консервативными в политическом и экономическом отношении, постмодернизм, - полагает П.Загорин, - который часто умудряется инкорпорировать элементы марксизма... существует как один из последних реликтов политической моды 60-х годов и как академический аванпост радикального неприятия консервативной традиции в американском обществе»[32].

Что касается собственно постмодернистской теории истории, то в своем анализе П.Загорин выделяет два принципиальных тезиса, которые он обозначает как антиреализм и нарративизм или топологический тезис, элиминирующий различие между историей и художественным нарративом. Под первым из них понимается отрицание прошлого как объективной реальности («постмодернизм низводит историю к виду литературы и делает самое прошлое ничем более, как текстом»), под вторым – «приоритет в создании исторических нарративов, принадлежащий императивам языка и тропам или фигурам речи, свойственным лингвистическому словоупотреблению»[33].

Подвергая эти тезисы уничтожающей критике, указывая, в частности, на их внутреннюю противоречивость и несоответствие им практики самого постмодернизма, П.Загорин завершает свою статью категорическим утверждением, что постмодернизм это не место для обитания человеческого ума[34].

Итак, приговор произнесен. Но является ли он окончательным и бесповоротным? Действительно ли, как полагают П.Загорин и его единомышленники все значение вызова постмодернизма для истории сводится к угрозе самого ее существования как интеллектуальной дисциплины? Или более прав другой американский выдающийся социальный историк Л.Стоун, который подчеркивает благотворное влияние «лингвистического поворота» на историческую науку, отвергая вместе с тем его «крайности» (отрицание существования объективной, независимой от исследователя исторической реальности, неразличимость истории и литературы, факта и вымысла и т.п.)[35].

Представляется, что все же ближе к истине вторая точка зрения. И дело не только в том, что, как признает сам Загорин, постмодернистские концепции языка и дискурса были широко восприняты в таких субдисциплинах, как социальная история, культурная и интеллектуальная история, женские и гендерные исследования и т.п., да и вообще пришествие постмодернизма вызвало бурный всплеск интереса к исторической эпистемологии.

Главное в другом. Постмодернизм, как бы в полемике с Ж.-Ф.Лиотаром ни оспаривал это П.Загорин[36], действительно, знаменует собой новую эпоху в развитии западной культуры, в том числе исторической мысли. «Лингвистический поворот» во многом формирует язык современных историков, даже далеких от постмодернистской философии или враждебно к ней относящихся, их стилистику и проблематику. Складывается особый культурный стиль, в основе которого лежат многообразные формы диалога, прежде всего между историком и его персонажами или, более широко, между временем историка и временем изучаемых им текстов.

Постмодернистский вызов окончательно покончил с былой самоуверенностью историков. Он учит эпистемологической скромности, сознанию многозначности исторической истины, ее социальной и темпоральной обусловленности. Но речь идет именно о научной исторической истине, добываемой с помощью общепризнанных научных процедур. Собственно, значение рассматривавшихся в статье дискуссий в том и состоит, что они, убедительно показав несостоятельность «крайностей» постмодернизма, акцентировали именно эту сторону дела, защитили научность истории.

---

[1] *Hughes P.* Last Post: Alternatives to Post modernism. A Review Article // Society for Comparative Study of Society and History. 1996. P. 182.

[2] См.: *Lyotard S.-F.* The Postmodernist Condition: A Report on Knowledge Minneapolis. 1984.

[3] *Zagorin P.* History, The Referent, and Narrative. Reflections on Postmodernism now // History and Theory. 1999. V. 38. № 1. P. 7.

[4] См.: *Некрасов С.Н.* Принцип деконструкции и эволюция постструктурализма // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 57,58.

[5] *Деррида Ж.* Differance // Гурко Е. Тексты деконструкции. Жак Деррида. Differance. Томск. 1999. С. 149.

[6] См.: К новому пониманию человека в истории. Очерки развития современной западной исторической мысли. Томск. 1994. С. 44-45

[7] См., в частности: *Гуревич А.Я.* Историк конца XX века в поисках метода // Одиссей. М.,1996. С. 8; *Репина Л.П.* Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории (часть II) // Социальная история. Ежегодник 1998/99. М., 1999. С. 13.

[8] *Harlan D.* Intellectual History and the Return of Literature // The American Historical Review. 1989. V. 94. № 3. P.581.

[9] Ibid. P. 583.

[10] Ibid. P. 609, 608.

[11] *Himmelfarb G.* Some Reflections on the New History // The American Historical Review. 1989. V. 94. № 3. P. 665.

[12] *Toews J.E.* Perspectives on "The Old History and the New" // The American Historical Review. 1989. V. 94. № 3. P. 697.

[13] *Scott J.W.* History in Crisis? The Others' Side of the Story // The American Historical Review. 1989. V. 94. № 3. P. 690.

[14] См.: *Windschuttle K.* The Killing of History. N.Y. 1997.

[15] См. Novick. That Noble Dream. The "Objectivity Question" in the American Historical Profession. Cambridge. 1988.

[16] *Haskell T.J.* Objectivity is not Neutrality: Rhetoric vs. Practice is Peter. Novick's that Noble Dream // History and Theory. 1990. V. XXIX. N 2. P. 129. Ср.: *Nagel T.* The View from Nowhere. N.Y. 1986. P. 7, 67-71.

[17] Haskell. Op. cit. P. 153.

[18] Ibid. P. 130.

[19] *Hoopes J.* Objectivity and Relativism Affirmed: Historical Knowledge and the Philosophy of Charles S. Peirce // The American Historical Review. 1993. V. 98. № 5. P. 1355.

[20] *Hughes P.* Op. Cit. P. 183.

[21] См. *Kleir K.L.* In Search of Narrative Mastery: Postmodernism and the People without History // History and Theory. 1995. V. 34. № 4. P. 293.

[22] См. *Klein K.L.* Anti-History. The Meaning of Historical Culture // Klio. 1995. V. 25, № 2. P. 125.

[23] *Klein K.L.* In Search of Narrative Mastery... P. 298.

[24] В свете сказанного представляется излишне категоричным вывод Л.П. Репиной о том, что ведущей среди американских историков является компромиссная позиция, признающая благотворное влияние «лингвистического поворота» в истории (см.: *Репина Л.П.* Цит. соч. С. 15). Во всяком случае, наш материал этот вывод не подтверждает.

[25] *Zagorin P.* Op. cit. P. 1.

[26] Ibid. P. 2.

[27] Ibid. P. 9-10.

[28] Ibid. P. 10.

[29] Ibid. P. 9.

[30] Ibid. P.22.

[31] См., в особенности *Hamerow T.S.* Reflections on History and Historians. Madison, 1987. Автор констатирует, что историческая дисциплина переживает сейчас длительный и самый тяжелый за все время своего существования как организованной профессии кризис, самым опасным аспектом которого является утрата ею своей былой социальной значимости. Это, подчеркивает он, кризис доверия. Из многообразия его причин Т.С. Хеймроу особенно выделяет неспособность истории давать адекватные ответы на волнующие общество проблемы, вследствие чего ее место заняли другие социальные и гуманитарные науки, от экономики до антропологии, предлагающие такие ответы. Следовательно, заключает он ход своих мыслей, задача состоит в новом обретении историей способности быть социально полезной, что предполагает ее глубокую внутреннюю трансформацию (см. P. 3-38). О постмодернизме в данном контексте речь вообще не ведется.

[32] *Zagorin P.* Op cit. P. 22-23.

[33] Ibid. P. 14.

[34] Ibid. P. 24.

[35] *Stone L.* History and Postmodernism // Past and Present. 1992. № 135. P. 191.

[36] См.: *Zagorin P.* Op.cit. P. 6-7.

ТЕОРИЯ ИНТЕРПОЛЯЦИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: НЕКОТОРЫЕ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ

М.В. Кащаева

Алтайский госуниверситет

Проблема достоверности, подлинности, целостности исторических источников является ключевой проблемой для историка при изучении какого-либо исторического явления. Термин "интерполяция" означает «вставку», искажение первоначального содержания исторического источника. В нашей работе речь пойдет о "теории интерполяции", имевшей место в зарубежной историографии раннего христианства. Суть проблемы состоит в том, что сообщения об Иисусе Христе и христианах в нехристианских источниках I - начала II вв. считались некоторыми исследователями интерполированными, вставленными в оригинальный текст произведений античных писателей. К нехристианским источникам относятся произведения таких историков, как Иосиф Флавий, Корнелий Тацит, Светоний, Плиний Младший. В историографии раннего христианства, а также в источниковедческих исследованиях сложились две точки зрения на данную проблему. Согласно мнению одних ученых, свидетельства о христианах в произведениях античных авторов признавались интерполированными, вставленными в оригинальный текст христианскими переписчиками. Другие ученые были склонны признавать частичные изменения в произведениях античных историков либо полностью отрицать их. Цель данного сообщения состоит в том, чтобы представить обзор наиболее важных исследований по данной проблеме. Мы попытаемся уделить внимание не только западноевропейским, но и американским исследователям, чтобы попытаться выявить особенности историографии США.

Приступая к нашему экскурсу, мы должны отметить, что зарубежная историография по данному вопросу не имеет достаточно четкого деления по национальному признаку. Исследователи придерживаются скорее принципа преемственности исторического знания, традиций определенных школ, дополняя их собственными аналитическими суждениями. В этой связи можно говорить о разделении исследователей на представителей мифологического и исторического направлений. Данные направления свое наибольшее развитие получили в Германии, Франции, Голландии, Англии. В этих странах большую роль сыграла рационалистическая критика Библии, которая дала импульс развитию мифологического направления.

Изменение отношения к новозаветным произведениям повлекло за собой изменение отношения к историческим текстам античных авторов.

Значительную роль в этом процессе сыграла общая гуманистическая направленность на изучение и перевод произведений античных авторов. В 1559 г. появилось полемическое послание Роберта Гифания (Huberti Gifanii),в котором отрицалась подлинность свидетельства об Иисусе Христе и христианах в "Иудейских древностях" Иосифа Флавия (Ant. Jud., XVIII,3). Предположение об интерполятивном характере данного свидетельства вплоть до XVIII в. строилось на аргументах о несовместимости стиля, которым написан отрывок, со стилем Иосифа Флавия, а также композиционном противоречии данного отрывка всей главе.

Следующим этапом, оказавшим влияние на развитие теории интерполяции, была эпоха Просвещения. Прямое сопоставление сочинений античных писателей и Нового Завета мы находим в произведениях Вольтера. К произведениям Иосифа Флавия он обращается с целью отыскать факты, подтверждающие события раннехристианской истории (в частности, факты рождения Иисуса, избиения младенцев, появления трехчасового затмения и т. д.). После изучения трудов Иосифа Флавия, Корнелия Тацита и Светония он заключает, что никто из них не упоминает о христианстве. Сообщение у Иосифа Флавия (Ant. Jud., XVIII,3) он признает интерполяцией, поскольку данный отрывок не соответствует идейной позиции иудейского историка. Вольтер считал, что Иосиф, описавший до мельчайших подробностей правление Ирода, несомненно, уделил бы христианам больше внимания, если бы они существовали в то время. Таким образом, в произведении Вольтера теория интерполяции в отношении свидетельства о христианах у Иосифа Флавия приобретает еще один аргумент - о краткости повествования.

Деятели эпохи Просвещения, критикуя новозаветные произведения, прибегали не только к методу филологической критики источника, но также пользовались методами сравнительной мифологии. Евангелия они были склонны рассматривать наряду с мифами об умирающих и воскресающих богах. Просветительская критика нехристианских свидетельств имела, в основном, разрушительный характер, поскольку основной целью произведений мыслителей эпохи Просвещения было уменьшение влияния церкви на образование, науку, некоторые стороны общественной жизни. Данная критика не была систематической и не носила научного характера.

Развитие научной критики исторического источника связано с именами исследователей, принадлежащих к направлению, получившему в историографии наименование "Тюбингенская школа". Среди исследователей "Тюбингенской школы" наибольшее внимание проблеме подлинности нехристианских свидетельств было уделено в трудах Д.Ф. Штрауса. Основным тезисом его работы было признание необходимости исследования исторического образа Иисуса Христа в реальной обстановке, которая отвечала бы требованию научного правдоподобия. Для достижения этой цели Д. Ф. Штраус разделял новозаветную историю на мифологическую и историческую, прибегая к ее разностороннему анализу, в том числе и источниковедческому. Обращаясь к свидетельствам Тацита, Светония, Плиния, он признавал их подлинность. Нередко Д.Ф. Штраус использовал произведения данных авторов для реконструкции исторической обстановки. В отношении свидетельства

Флавия он также высказывал предположение об интерполятивном характере свидетельства. Основным аргументом является единство композиционного строения восемнадцатой главы произведения "Иудейские древности" при отсутствии этого отрывка.

Большинство зарубежных исследователей конца XIX - начала XX вв., изучавших творческое наследие Плиния Младшего, были склонны признавать подлинность письма о христианах (Ер., X, 96). Исследуя процесс формирования теории интерполяции в отношении нехристианских свидетельств, нельзя не выделить работы Г. Литцмана. Не отрицая принадлежность всего письма Плинию, исследователь отмечал, что оно подверглось частичной интерполяции. По мнению исследователя, следы интерполяции обнаруживаются там, где передается информация, не связанная с государственными интересами чиновника. К такого рода информации следует отнести: сообщения о характере сборищ, о пении гимнов, о поклонении Христу как божеству, о численности подозреваемых в исповедовании христианства (Ер., X, 96 (7-9). Данная информация, по мнению исследователя, не могла быть известна Плинию, поскольку поклонение Иисусу Христу как богу стало обязательным для принимавших крещение только к концу II в., а ритуал поклонения и пения гимнов во время богослужений сложился лишь к IV в.

Таким образом, в западноевропейской историографии раннего христианства к началу XX в. теория интерполяции наиболее четко сформировалась лишь в отношении свидетельства Иосифа Флавия и письма Плиния Младшего.

Основными аргументами теории интерполяции в отношении свидетельства Иосифа были: а) выводы о несоответствии отрывка идейной позиции иудейского историка; б) замечания о краткости свидетельства о христианах; в) выводы о несоответствии свидетельства композиционному строению этой главы произведения. Достоверность письма Плиния отвергалась на основании двух причин: а) противоречии информации, передаваемой в источнике, исторической действительности; б) несоответствии сведений, передаваемых в письме, интересам чиновника.

Дальнейшее развитие радикальная критика нехристианских источников получила в работах исследователей мифологического направления - А. Древса и А. Немоевского.

В начале XX в.А. Древс, будучи профессиональным философом, занимался популяризацией идей мифологической школы. Рассматривая отрывок в произведении Иосифа Флавия "Иудейские древности", он отмечал, что это место нельзя считать подлинным в силу несоответствия информации идейной позиции иудейского историка. Упоминание Светония о христианах в биографии Клавдия(Claud., 25) не признавалось достоверным, поскольку Светоний говорит о Хрестосе, а не о Христе. Из этого А. Древс заключал, что античный историк повествовал о совершенно ином проповеднике, не имеющем никакого отношения к Иисусу. Сообщение Тацита в "Анналах" (Ann., XV,44) характеризуется А. Древсом как не соответствующее исторической реальности, поскольку Тацит пользовался ненадежным источником - легендой. В своих работах А. Древс отмечал, что возникновение мифа об Иисусе нужно рас-

сматривать в одном ряду с восточными религиозными мифами, среди которых главную роль играли солнечные культы и культ огня.

Историческая достоверность нехристианских источников была наиболее полно рассмотрена А. Немоевским в произведении "Философия жизни Иисуса". Критикуя позицию известного французского исследователя Э. Ренана, а также позиции представителей исторической школы, А. Немоевский отмечал, что "исследователь, стоящий на точке зрения современного критицизма, должен изучить явление не как оно было, а как должно быть", и при этом "обуздать фантазию и с самого начала избегать необдуманных гипотез". Подобное замечание об уровне критицизма наглядно иллюстрирует нам различие в подходах представителей мифологического и исторического направлений к изучению нехристианских источников I в. н. э. Исследуя нехристианские свидетельства I в., А. Немоевский отмечал, что свидетельство Тацита о христианах (Ann., XV, 44) не может быть признано достоверным, так как между подлинной рукописью и ближайшим ее списком, до нас дошедшим, расстояние в 10 веков. Кроме того, это свидетельство имеет дополнения, поскольку повествование о пожаре в царствование Нерона и о казни христиан не соответствует информации, имеющейся в произведениях церковных историков, таких как Тертулиан, Евсевий, Лактанций. Достоверность сообщения Иосифа Флавия об Иисусе Христе отвергалась на основании уже известных причин: а) церковные историки не ссылались на произведение Иосифа Флавия "Иудейские древности"; б) отрывок противоречит всему композиционному строению XVIII книги. Письмо Плиния (Ер., X, 96) хотя и не содержит интерполяции, но оно ничего не сообщает по поводу существования Иисуса, а доказывает лишь существование христиан.

Наиболее известным представителем мифологического направления в Америке был Вильям Бенджамин Смит. В своих работах "Дохристианский Иисус" и "Се бог" он говорил о наличии дохристианского культа Иисуса, которому поклонялась секта назареев, т.е. поклонников божества-охранителя, божества-исцелителя. Легенды об этом божестве легли в основу евангельских мифов - именно так воспринимаются Евангелия В. Смитом. Постепенно образ божества приобретал человеческие черты. Свидетельство Тацита, не говоря о сообщении Флавия, было, безусловно, подложным, интерполированным позднейшим христианским переписчиком. Данный вывод во многом зависел от концепции мифа об Иисусе Христе, формулируемой в исследовании, поэтому для выдвижения подобного аргумента не требовалось специального исследования источника.

Изучая исследования представителей мифологического направления, мы должны отметить, что историки подходили к изучению нехристианских свидетельств с заранее сформулированными выводами о том, что Иисус Христос - мифологическое божество; Евангелия не имеют характера исторического источника; зарождению христианской религии способствовали социальные движения, свидетельствовавшие об ухудшении положения населения Римской империи. Говоря о месте мифологического направления в историографии раннего христианства, нужно заметить, что наибольшее значение оно имело в начале XX в., с разви-

тием источниковедческих исследований мифологическое направление утрачивает свои позиции.

В американской историографии безусловный авторитет в разрешении проблемы достоверности сообщения о христианах у Иосифа имеет исследование В. Теккерея. В своей работе "Иосиф Флавий: человек и историк" он отмечал, что в основании отрицания подлинности сообщения не могут лежать аргументы о грубости композиционного строения и о сходном характере сообщаемого в отрывке с христианским символом веры. За исключением информации об Иисусе, как о мессии, отрывок в целом принадлежит Иосифу. В противном случае, по мнению историка, содержание было бы более хвалебным. Единственный серьезный аргумент - это упоминание Оригена, что Иосиф не верил в Иисуса как в Христа, поскольку это означает, что Ориген использовал какую-то другую информацию Иосифа. По мнению В. Теккерея, сообщение о христианах не разрывает повествования, но вставлено Иосифом безграмотно. Возвращаясь к самому спорному месту у Флавия, исследователь отмечал, что выражение: "Это был Христос" вполне соответствует стилю Флавия, так как он повторяет подобную формулу более 20 раз: Давид - это был отец Соломона и т. д.[1]

В середине XX в. в изучении сообщения К. Тацита о христианах в зарубежной историографии в целом и в американской историографии, в частности, преобладало историческое направление. Наиболее видными его представителями были Р. Сайм и Дж. Дадли.

В работе Р. Сайма "Тацит" сообщение о христианах рассматривается наряду с информацией в отношении евреев, повествованием о восточных культах на территории Римской империи. Исследователь отмечает, что Тацит довольно пренебрежительно относился к людям, исповедовавшим не римские культы, а к евреям порой был безжалостен. Говоря о депортации евреев в Сардинию, он отмечал, что если кто-то из них погибнет, то это будет "небольшая потеря". В связи с этим отрывок о христианах считается исследователем аутентичным, сходным по стилю со всем произведением, отношение к христианам, проявляемое в нем, является, безусловно, характерным для Тацита. Более того, этот отрывок занимает важное место в структуре всей работы, поскольку характеризует один из случаев, приведших к еврейскому восстанию 66 г.[2] Таким образом, вопрос о подлинности сообщения ставился в зависимость от взглядов античного историка и структуры произведения.

В американской историографии существует также гипотеза, согласно которой сообщение о христианах рассматривается в контексте деятельности Нерона. Так, Дж. Дадли считал, что информация, сообщаемая в XV книге "Анналов", подтверждает характеристику Нерона как одного из самых жестоких правителей Римской империи.[3]

Лучшие исторические комментарии к письмам Плиния Младшего в зарубежной историографии 1950-х гг. принадлежат также американскому исследователю А. Шервину-Вайту. Он признает, что 96-е письмо Плиния является ранним языческим описанием конфликта Рима и христианства. То, что христианство существовало и, возможно, против христиан производились процессы, ясно из первых строк письма, никогда не подвергавшихся сомнению. Плиний говорит, что он никогда не уча-

ствовал в процессах против христиан, и это означало его юридическую неосведомленность. В своем исследовании ученый использует самые разнообразные источники: новозаветные тексты, произведения античных критиков, христианских писателей II - IV вв. А. Шервин-Вайт вступает в полемику с Г. Литцманом и убедительно доказывает, что "чтение гимна Христу как Богу" есть не что иное, как произнесение молитвы, а не какой-либо более поздний обряд. Информация об утреннем и вечернем богослужении, стоящая вне интереса чиновника, не является интерполяцией, существует благодаря тому, что христиане сочли нужным сообщить как можно больше информации о себе, чтобы их не отождествляли с запрещенными гетериями. В пользу исторического содержания письма говорит также то, что Тацит, а вслед за ним Плиний, говорит о христианстве как "о грубом суеверии". Эта характеристика есть обычное обозначение иноземных культов. Информация о том, что христианство существует в Вифинии более 20 лет, может являться, согласно мнению исследователя, ошибочной. Плиний фиксирует то, что сообщают другие, отсюда, очевидно, преувеличение[4].

Таким образом, говоря об особенностях американской историографии в XX в. нужно заметить, что преобладающее значение имело историческое направление. Такому положению способствовал тот факт, что в Америке наименьшую роль играла традиция рационалистической критики. Интерес к изучению нехристианских свидетельств проявляется в то время, когда в историографии достаточное значение имеют как историческое, так и мифологическое направление. Несмотря на это американская историография имеет ряд отличительных черт. Исследования американских ученых свободны от жесткой концептуальной заданности, что позволяло им использовать на равных правах большое количество самых разных источников. Ученые стремились объяснить вызывающий затруднение текст, исходя из контекста произведения и особенностей авторства. Источниковедческая критика в работах американских ученых базируется на приемах толкования и объяснения источников, а не их реконструкции.

---

[1] *Thackerey W.* Josephus: the Man and the Historian. N.Y., 1929. P. 134 –137.
[2] *Syme R.* Tacitus. N. Y., 1958. Vol. II. P. 468 – 470.
[3] *Dudley D.* The Annales of Tacitus. Toronto, 1966. P. 352 –354.
[4] *Sherwin – White A.* The letters of Pliny. N. Y., 1966. P. 690 –710.

КОНЦЕПЦИЯ ПРИМИТИВИЗМА В РАБОТАХ АМЕРИКАНСКИХ УЧЕНЫХ А. О. ЛАВДЖОЯ И ДЖ. БОАСА

В.Н. Козулин

Алтайский госуниверстет

Концепция американских профессоров из Балтимора - Артура Онкена Лавджоя (известного философа-идеалиста) и Джорджа Боаса о «примитивизме» как некоей «сквозной» идее человеческого общества, сопровождающей его уже на протяжении не одного тысячелетия, относится к числу тех многочисленных «буржуазных» концепций, которые долгое время практически игнорировались в отечественной историографии. Между тем эта концепция является несомненным достижением как в целом американской историографии XX века, так и, в особенности, историографии духовной истории человечества. Цель настоящего сообщения состоит в том, чтобы заполнить известный пробел нашей историографии и постараться в сжатой форме осветить один из интереснейших, на наш взгляд, методологических подходов к изучению многих явлений и проблем духовной истории.

Чтобы дальнейшее изложение стало более понятным, вначале следует в общих чертах определить термин «примитивизм». Он происходит от латинского слова *primitivus,* «первоначальный», «первобытный» (ср. русское *примитивный*). В русском языке в обыденной речи примитивизмом обычно называют чрезмерно наивный и упрощенный подход к вещам, а в научной литературе этим термином обозначают одно из направлений в истории искусства, популярное в конце XIX-XX вв., характеризующееся культом «наивного» и простого, не испорченного цивилизацией творчества, следованием нормам «естественного» искусства, т. е. первобытному и народному творчеству. Но упомянутые нами американские ученые, а вслед за ними многие современные исследователи понимают примитивизм более широко - как совокупность идей в самом разном их выражении (литературном и художественном), связанных с идеализацией первобытности, превознесением первобытных, близких к природе народов, а также различных идеальных земель. Идеи такого рода встречаются повсюду и в различные времена. В качестве примеров сразу же вспоминаются идея библейского Рая, легенда о «золотом веке», мифы об «островах блаженных» и благочестивых народах в античности, а из более современных - некоторые положения философов-просветителей, связанные с идеализацией «естественного» первобытного образа жизни, а также многие концепции новейшей философии «нативизма». При этом, конечно, закономерно встает вопрос: можно ли все эти идеи, пренебрегая их значительным своеобразием в каждой кон-

кретной ситуации, объединять в единую совокупность (под названием примитивизма), приписывать им одну и ту же природу, как это в общем делают американские ученые А. О. Лавджой и Дж. Боас? Возникает и еще один немаловажный вопрос - о соотношении понятий «примитивистские» и «утопические» идеи. На эти вопросы мы постараемся ответить ниже. А сначала несколько слов об обстоятельствах появления в американской историографии исследуемой нами концепции.

Для американской философии первая половина XX в. ознаменована утверждением так называемого «реализма». Одним из направлений американского реализма являлся «критический реализм» (официально оформившийся в 1920 г.). Эта философская школа на самом деле отличалась склонностью к субъективному идеализму и повышенным вниманием к анализу данных человеческого сознания. Поскольку «критические реалисты» больше доверяли сознанию, нежели объективной реальности, которая не может быть непосредственно воспринята, первой своей задачей они видели критическое исследование различных идей, мыслей и убеждений человека, а также содержащихся в них многочисленных иллюзий, необоснованных положений или догм. У представителей критического реализма можно встретить немало замечаний о необоснованных идеях и убеждениях людей, замечаний, отчасти напоминающих бэконовские разоблачения «идолов»[1].

Постепенно внимание к истории идей становится одним из ключевых направлений в развитии американской историософской мысли XX столетия. В 1940 г. в США был основан журнал по истории идей - *Journal of the History of Ideas*. Его основателем был не кто иной, как один из наиболее видных представителей философии критического реализма, а также один из разработчиков рассматриваемой нами концепции примитивизма А. О. Лавджой. Значительно позднее, уже во второй половине нашего столетия, все эти штудии вылились в солидный энциклопедический словарь по истории идей, в 4 томах[2]. Статья о примитивизме из этого словаря, автором которой является другой уже известный нам американский ученый Дж. Боас, послужила одним из основных источников нашего анализа концепции примитивизма.

Концепция примитивизма получила распространение в 30-е гг. в среде профессоров университета Джона Хопкинса в Балтиморе. В издательстве этого университета в эти годы одна за другой выходили работы, посвященные примитивизму и близким к нему идеям. А.О. Лавджой (в соавторстве с Дж. Боасом) опубликовал замечательную хрестоматию по истории примитивистских идей в античности[3]. Дж. Боас (значительно позже) дополнил ее средневековыми источниками[4]. А еще один профессор из Балтимора, Лоис Уитни, специализировался на изучении примитивистских идей нового времени[5].

Общий смысл термина «примитивизм» нам уже известен. Теперь постараемся его уточнить посредством коротких цитат, а также изложить суть концепции примитивизма. В упомянутом нами словаре по истории идей Дж. Боасом дается чересчур обобщенное толкование понятия примитивизма[6]. «Примитивизм, - говорится в словаре, - название, объединяющее всю совокупность идей, восходящих к наблюдениям над ходом человеческой истории и ценой человеческих установлений и бла-

гоустройств». Далее в этом же словаре говорится, что примитивизм «обнаруживается в двух формах - хронологической и культурной, причем «каждая из них может существовать в качестве «мягкого» или «жесткого» примитивизма. Однако, если учесть раннюю работу А. О. Лавджоя и Дж. Боаса о примитивизме (1935 г.)[7], то следует отметить, что деление на ««мягкий» и «жесткий» типы должно быть присуще большей частью культурной форме примитивизма, а не хронологической.

Прежде всего разберемся с терминами «хронологический» и «культурный» примитивизм. Кстати говоря, эта терминология и сам этот принцип разделения примитивизма являются одним из слабых мест концепции А.О. Лавджоя и Дж. Боаса, по мнению отдельных ее критиков[8]. «Хронологический примитивизм, - как гласит все тот же «Словарь истории идей», - утверждает то, что самая ранняя стадия человеческой истории была самой лучшей, что древнейший период национальной, религиозной, художественной или фактически любой области истории был лучше, чем периоды, которые за ним последовали, что детство лучше зрелого состояния... Так, например, первобытный человек был лучше, чем цивилизованный, первоначальное христианство - лучше, чем более поздние усовершенствования христианства, художества дикарей и детей - лучше, чем у образованных людей и взрослых». Хронологический примитивизм не является абсолютной антитезой идее прогресса. Он лишь утверждает, что в прошлом не было прогресса, но вовсе не исключает самых разных среди хронологических примитивистов взглядов на будущее - от полных надежд до крайне пессимистических. Эта форма примитивизма «однозначно противоположна» только лишь «вере во всеобщий и необходимый з а к о н прогресса» в том смысле, как он понимается в последние два-три столетия.

«Культурный примитивизм, - по словам Дж. Боаса, - утверждает, что какие бы то ни было прибавления, которые были сделаны к тому, что названо «естественным» состоянием человечества, были вредными. Иначе говоря, культурный примитивизм - это «проявление со стороны представителей цивилизации недовольства этой цивилизацией или отдельными и характерными ее чертами..., это вера людей, живущих в относительно благоприятно развивающихся и разнообразно культурных условиях, в то, что жизнь гораздо более простая и менее извращенная во многих или же во всех отношениях более желательна», и потому он «имеет прочные корни в человеческой природе с тех самых пор, как только начался цивилизационный процесс»». В этой форме примитивизма культура как бы противопоставляется «натуре» (природе, естеству).

Именно в рамках «культурного примитивизма» возникает весьма популярная со времен античности тенденция идеализировать жизнь различных «естественных» народов (отчасти вымышленных, отчасти реальных) как наиболее наглядный пример противопоставления «естественного» состояния культурному. На примере этой тенденции легче и естественнее всего понять смысл таких разновидностей примитивизма, как «мягкий» и «жесткий». Впервые эти термины вводятся в совместной работе А. О. Лавджоя и Дж. Боаса, вышедшей в 1935 г., как раз для раз-

межевания двух наиболее ярких типов культурного примитивизма, не имевших до той поры определенного названия. Итак, по утверждению «Словаря истории идей», «мягкий» примитивизм - это вера людей в то, что лучшая жизнь есть жизнь без тяжелого труда, некое подобие той жизни, каковой она иногда изображалась применительно к островам Южных морей, где климат нежен, земля стихийно плодородна, животные дружелюбны, море полно легко ловящейся рыбы». Например, в античности люди так называемого «золотого века» при Сатурновом управлении были «мягкими» примитивами (здесь «мягкий» примитивизм сопутствует примитивизму хронологическому), и мифические гипербореи обычно были «мягкими» дикарями. С другой стороны, «благородные» дикари *в полном смысле слова* (в позднем примитивизме классической эпохи), скифы и геты, а позднее германцы, были людьми грубыми, выносливыми, по отношению к которым природа не была ни нежной, ни снисходительной матерью. Они вынуждены были в трудах добывать себе пропитание, обороняться от хищников и терпеть множество других страданий и лишений, отнюдь не характерных для вымышленных идеальных дикарей. «Жесткие», иначе говоря, «грубые» примитивы превозносились за скудость своих желаний и вытекающее отсюда безразличие к предметам роскоши и даже элементарным удобствам цивилизованной жизни.

Примитивизм рассматривается А. О. Лавджоем и Дж. Боасом как некая «сквозная» идея, сопровождающая человечество с самых ранних периодов его истории, но в то же время лишь как одна из «индивидуальных идей» человечества, характерная для всех времен и народов, вписывающаяся в любое мировоззрение и при этом прекрасно уживающаяся с рядом других «индивидуальных идей». Концепция «индивидуальной идеи» (unit-idea) была развита А. О. Лавджоем в его книге «Великая цепь существования» (The Great Chain of Being, 1936), и согласно этой концепции примитивизм является как раз наиболее типичной такой идеей, вечно живущей в человеческом сознании. Слабость этой позиции и еще одно слабое место всей рассматриваемой нами концепции заключается, на наш взгляд, в чрезмерном обобщении и универсализации примитивистских идей, в определенном пренебрежении их значительным своеобразием в каждой конкретной исторической ситуации. Не случайно концепция о примитивизме как об «индивидуальной идее» (unit-idea) подвергалась критике другими исследователями, например Карлом Мангеймом и Анджеем Валицким, которые пытались доказать, что восхваление былого (и, в частности, превознесение всего первоначального, первобытного) является не «индивидуальной идеей», а элементом более широкого синдрома[9]. Кроме того, многие исследователи запросто причисляют все то, что А. О. Лавджой и Дж. Боас считали примитивизмом, к «утопическим» идеям и даже вовсе избегают термина «примитивизм», «примитивистские идеи», заменяя его другими понятиями, производными от слова «утопия». В связи с этим встает вопрос о разграничении понятий «утопические» идеи и «примитивистские» идеи. В сущности, это должны быть довольно разные понятия, но по их определению сферы, охватываемые этими понятиями, во многом перекликаются.

Слово «утопия» имеет в словарях много значений. В интересующем нас значении под утопией и, соответственно, утопическими идеями следует понимать любые представления о лучшем обществе, лучшей, более счастливой жизни, в основе которых лежит критическое противопоставление обеспечивающего ее общественного устройства существующим в действительности неустройствам. При этом проект наилучшего устройства рисуется вне зависимости от возможностей его реализации[10]. Отсюда ясно, что утопизм более широкое понятие, чем примитивизм; уже хотя бы потому, что идеалы утопии могут быть направлены не только в прошлое или в настоящее чужих народов, но и в будущее. Вообще, примитивистские идеи могут рассматриваться не отдельно сами по себе, а как проявления утопизма, утопического образа мыслей в широком смысле этого слова. Однако все же при этом могут возникнуть по крайней мере две проблемы. Утопия, по мнению многих исследователей, несет в себе элемент революционности и противоположности традиции[11], в то время как примитивизм, исходя из самого происхождения этого слова, во многих чертах есть «традиционалистское восхваление» первобытного, первоначального образа жизни, близкого к матери-природе. Конечно, идеализация первобытных времен и «естественных народов» обычно сопровождается желанием применить их характеристики к существующему обществу, но все же вопрос о том, должен ли примитивист обязательно быть утопистом, остается открытым, хотя и следует признать, что очень многие отвечают на него положительно. Позиция А.О. Лавджоя и Дж. Боаса во многом тем и примечательна, что они относят идеи, связанные с идеализацией первобытности и, тем более, естественных народов, исключительно к примитивизму, не вдаваясь в вопрос о соотношении этого понятия с понятием утопии и утопического; и в их работах, посвященных примитивизму вообще, трудно встретить понятие утопии. Во-вторых, следует заметить, что примитивизм, в отличие от утопизма, - это элементарный, необязательно связанный с утопизмом, «культ наивного и естественного». Не случайно он нашел себе прекрасное выражение в живописи XIX-XX вв. (в творчестве так называемых художников-«примитивистов»).

Разница между понятиями «примитивизм» и «утопизм» в целом хорошо прослеживается в американской историографии, связанной с историей идей. Однако даже там, как это можно наблюдать на страницах неоднократно цитированного «Словаря истории идей», примитивистские идеи не могут быть достаточно категорично отделены от утопических. Так, например, традиционный пример примитивизма, миф о «золотом веке», в статье об утопии в том же «Словаре...» относится к протоутопическим идеям[12], и, таким образом, примитивистские идеи признаются протоутопическими.

На наш взгляд, примитивистские идеи нельзя, конечно, универсализировать, но нельзя и пренебрегать ими, полностью включать их в сферу чего-то более общего. Примитивистские идеи и идеи утопические, скорее всего, соотносятся как пересекающиеся поверхности, два взаимопроникающих круга, прибегая к помощи языка геометрии, - точно так же, как и многие другие близкие к ним идеи человечества (как, например, идеи «естественности», «грехопадения» и «спасения», идеи цик-

лизма и прогресса, милленаризма, эсхатологизма и пр.). Таков уж, видимо, мир человеческих идей (во многом переплетающихся и перекликающихся) - мир, для изучения которого так много сделали представители американской историографии XX в. вообще и, в частности, А.О. Лавджой и Дж. Боас с их концепцией примитивизма и примитивистских идей.

Несмотря на то, что эта концепция не является бесспорной и уж, конечно, не дает исчерпывающих ответов на все возникающие вопросы, она является безусловным достижением американской историософской мысли XX в. и представляет значительный интерес для современных исследователей духовной истории человечества. Между тем, например, в отечественной историографии концепция примитивизма до недавнего времени крайне мало обсуждалась, лишь в последние два десятилетия уходящего века эта концепция стала оказывать влияние на нашу научную литературу, и появилась надежда, что и эта концепция займет достойное место в отечественной (равно как и в мировой) историографии духовной истории.

---

[1] *Богомолов А.С.* Буржуазная философия США XX века. М., 1974. С. 179-217; *Лукачев Д.М.* Гносеология американского реализма. М., 1968. С. 52-61.

Dictionary of the History of Ideas. Studies of Selected Pivotal Ideas / Ed. Ph. P. Wiener. Vol. I-IV. N. Y., 1973.

[3] *Lovejoy A.O.* Boas G. Primitivism and Related Ideas in Antiquity. Balt., 1935.

[4] *Boas G.* Essays on Primitivism and Related Ideas in the Middle Ages. Balt., 1948.

[5] Cf. *Whitney L.* Primitivism and the Idea of Progress in English Popular Literature of the Eighteenth Century. Balt., 1934.

[6] *Boas G.* Primitivism // Dictionary ... Vol. III. P. 577-598. P. 577 f.

Lovejoy A.O., Boas G. Op. cit. P. 6 ff.

[8] Cf. *Gatz B.* Weltalter, goldene Zeit und sinnverwandte Vorstellungen. Hildesheim, 1967. S. 144.

[9] Цит. по: *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М., 1990. С. 399.

[10] Ср.: Там же. С. 27-28; *Flaschar H.* Formen utopischen Denkens bei den Griechen // Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft. Innsbruck, 1974. Heft 3. S. 5—14. S. 5.

[11] *Шацкий Е.* Указ. соч. С. 38 сл.

[12] *Emerson R.L.* Utopia // Dictionary ... Vol. III. P. 459.

ЕВРОПА И АМЕРИКА: ПРОБЛЕМЫ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ И НАРОДНОЙ РЕЛИГИИ

Н.В. Карначук

Томский госуниверситет

Тема данной работы, на первый взгляд, представляется очень широкой. Однако автор не ставит перед собой цель подвести итоги всех исследований, посвященных народной культуре в Европе и Америке. Подобную цель можно было бы реализовать лишь в рамках объемной монографии. В данном же случае перед вами попытка найти ответ на один конкретный вопрос: допустимо ли говорить о феномене «народной культуры» применительно к американским колониям семнадцатого столетия? Существовал ли там тот культурный пласт, который в европейской истории средних веков и раннего нового времени принято определять как культуру простецов, «низовую культуру», чьи особенности и взаимовлияния с «культурой элиты» породили целое направление в современной исторической литературе? Вопрос этот не столь наивен, как может показаться.

Сравнивая исторические работы, вышедшие в свет в 80-90-е гг. нашего столетия и посвященные (непосредственно или косвенно) проблемам народной культуры, можно отметить одну характерную особенность. Она касается североамериканской историографии. Рассматривая историю средневековой Европы (преимущественно Западной) или Европы нового времени, как европейские, так и американские исследователи выделяют в качестве значимого фактора существование различных, обладающих своеобразными чертами, культурных пластов - простонародного и элитарного, и заинтересованно обсуждают вопрос о взаимоотношениях этих пластов. В качестве примеров пристального исследования «низовой культуры» достаточно упомянуть работы таких авторов, как Н.З. Дэвис, П. Берк, Р. Мюшембле, Д.В. Сабеан или ряд сборников, например: «Понимание народной культуры: Европа со средних веков до девятнадцатого века» и «Народная культура в Англии в XVII в»[1]. Однако в исследованиях, посвященных американской истории, подобные вопросы практически не затрагиваются.

Интересно, что даже само понятие «popular culture» - «народная культура» - не часто применяется в истории ранней колонизации Америки. В огромном большинстве случаев оно возникает в рамках новейшей истории, применительно к событиям XX века[2]. Одним из характерных примеров может служить книга Л. Ливайна "Непредсказуемое про-

шлое Исследования американской культурной истории"[3]. Этот автор ассоциирует фольклорную культуру прежде всего с культурой чернокожих американцев, а термин «popular» у него появляется не ранее чем в описании времени Великой депрессии и обозначает культуру, доступную для массового потребителя, преимущественно горожанина.

Что касается содержания понятия «народная культура», то и оно отличается от трактовки этого термина применительно к Европе. В большинстве случаев он используется для обозначения отдельных жанров искусства: песен, книг для массового потребителя, фильмов, комиксов и т.п. Редко встречается действующее определение культуры, как всеобъемлющего комплекса представлений. В то время, как М. Маллет (опять же в работе, посвященной народному протесту в позднесредневековой Европе) считал, что в понятие культуры можно и нужно включать "образ работы, отдыха, семейной жизни, искусства, религии, политики и знаний - практически всего, что делает человеческую жизнь человеческой"[4] А Питер Берк обозначил культуру как «систему разделенных представлений, привязанностей, ценностей и символических форм (действий и артефактов), в которых они выражаются или заключаются"[5]. Таким образом, понятие культуры для этих исследователей охватывало практически всю область человеческой мысли и деятельности, учитывая и личностные аспекты, и стереотипы сознания, и порожденные тем и другим действия

И, наконец, еще одна особенность, характеризующая понимание исследователями американской истории, проявляется в том, что речь идет не столько о «культуре простецов», сколько об «упрощенной культуре». Не учитываются те различия между «массовой» и «народной» культурой, о которых говорилось еще в конце 60-х - 70-е гг. Тогда, к примеру, Д. Макдональд выдвинул следующую идею. Он считал, что политические изменения, разрушившие стену, отделявшую прежде аристократию от простонародья, открыли доступ к "высоким" культурным ценностям, но упростили их суть, стандартизировали некие эталоны "прекрасного" и "лучшего", под которые неизбежно начали подстраиваться широкие слои населения. Результатом чего и явилось создание массовой культуры, которая, в отличие от подлинной народной культуры, производится не простецами, а для простецов, поставлена на коммерческую основу, ориентирована на массового потребителя и требует наличия профессионалов, ее вырабатывающих [6].

Итак, применительно к американской истории, народная культура обычно выявляется лишь в новейший период и представляется в виде набора художественных произведений для «человека массы», а не в виде обширного комплекса представлений и переживаний, выраженного в слове, букве, образе

Не уделяется, следовательно, внимания и противоречиям «высокой» и «низкой» культур. Рассматривая социо-культурные аспекты жизни в колониях в XVI-XVII вв., исследователи заостряют свое внимание на совершенно иных культурных различиях. Так, много внимания уделяет-

ся расовой и этнической специфике – исследованиям по истории чернокожего населения США, индейцев, евреев, американцев испанского происхождения и т. д., а также возрастным и половым группам - гендерные исследования, история детства и т.п. Противостояние простецы - элита не выделяется.

Причиной подобного «забвения», надо полагать, является мысль, выраженная Дэвидом Холлом в его книге «Чудесные миры, судные дни: народные религиозные верования в Новой Англии раннего нового времени» и явно разделяемая большинством исследователей. Холл полагает, что «культура низов» в заморских колониях Англии коренным образом отличалась от английской и, тем более, континентальной европейской модели. И прежде всего, отсутствовали крайние проявления как народной, так и элитарной культур. Вследствие этого не существовало и напряженного противостояния культур [7].

Безусловно, во многом он прав. Однако, подчеркивая различия культур, формирующихся по разные стороны Атлантики, не следует преуменьшать их сходства. Итак, рассмотрим подробнее, в чем именно кроется культурное своеобразие Новой Англии, и насколько оно глубоко.

Доступный автору материал в основном группировался вокруг вопросов религии и суеверий, поэтому именно эта тематика предлагается в качестве иллюстрации.

Итак, религиозная практика Новой Англии существенно отличалась от европейской, утверждает Холл. Причем различия захватывали все слои общества и все уровни общественной мысли. Действительно, в области церковного устройства мы не найдем «ни соборов, ни аббатств, ни литургии, ни выплаты десятины духовенству, ни ранга епископа и архиепископа, ни церковного суда, ни процессий духовенства, ни алтарей, ни свечей, ни месс...» Кроме того, в американских колониях отсутствовали поклонение святым и связанные с этим праздники, паломничества, вера в святые реликвии и мощи, майские шесты и карнавалы... Список можно было бы продолжить.

Совершенно очевидно, что многие внешние проявления религиозной жизни, характерные для средневековой Европы и связанные, прежде всего, с католичеством, отсутствуют. Однако большинство этих проявлений точно так же отсутствовали или сурово искоренялись в протестантских государствах Европы того времени. Что же касается таких типичных проявлений «культуры низов», как почитание местных святых и святынь и многозначная обрядность майских и карнавальных праздников, то вспомним - в то же самое время они начинали исчезать или, по крайней мере, «уходить в подполье» в самой Европе. Там происходило то, что Питер Берк назвал «реформой народной культуры сверху»[8].

Реформа эта началась приблизительно в начале XVI в. и велась с переменным успехом вплоть до XIX столетия. В ходе ее обличениям, гонениям и запрещениям были подвергнуты как многие формы народной религиозности, среди которых оказались миракли и мистерии, паломни-

чества и празднества в дни, связанные с именами святых, так и светские развлечения простецов. Список этих последних был огромен и включал в себя уличных актеров, шарлатанов и фокусников, баллады, петушиные бои, карты, шаривари, танцы, театры марионеток, таверны и колдовство[9]. Фактически по мере распространения грамотности и устная культура (а простонародная культура таковой и являлась) сдавала свои позиции[10].

В ходе этой реформы традиционная, устойчивая система представлений «низов» становилась все более разорванной, эклектичной, теряла и забывала глубинный подтекст обрядов и обычаев. Однако в таком «растрепанном» виде она сохранялась еще длительное время.

Непосредственно в церковной сфере также возникло или, скорее, с новой силой возродилось стремление "очистить" истинную веру от суеверных, языческих обычаев. Это стремление выявилось в ходе Реформации и Контрреформации и проявилось как в странах протестантского, так и католического лагеря[11]. Призывы к упрощению церкви стали находить все более широкий отклик. Вслед за повышением уровня образованности, как считает Э. Даффи, более явными становились индивидуалистические наклонности мирян, и средневековое благочестие клонилось к упадку[12].

В американских колониях Англии в XVII в. уровень образованности населения был в среднем значительно выше, чем в Западной Европе того времени. К тому же доминировавшая протестантская этика заставляла людей, даже не принадлежащих к образованной верхушке общества, подозрительно относиться к "католическим суевериям" в религиозной практике[13]. В результате этого, как можно предположить, процесс вытеснения "низовой" религиозности из церковной сферы протекал быстрее.

Но если мы станем рассматривать область оккультных верований, непосредственно не относящихся к церковной практике, то без труда отметим многочисленные сходства, переклички через океан - из Европы в Америку.

Прежде всего, колонисты разделяли с европейцами веру в чудеса и знамения, необязательно связанные с действием сил христианской религии. Существовали широко распространенные в Новой Англии рассказы о появлении всевозможных призраков (привидения, призрачные армии, сражающиеся на фоне неба), свидетельства о кровавых дождях, истории о младенцах, заговоривших в колыбели). Холл, приводящий примеры из этой области, соглашается с тем, что в Европе люди наблюдали те же чудеса и рассказывали те же истории[14]. В Америке мы можем столкнуться и с уверенностью в демонической природе подобных явлений со стороны образованного священства - например, Коттон Мазер в своей книге «Чудеса невидимого мира» доказывал, что подобные явления - работа Сатаны и его приверженцев[15].

Вера в одержимость человека духом - демоническим или Божьим, пророческим, также не претерпела изменений, будучи перенесена на

американскую почву английскими и французскими переселенцами[16]. Интересно, что Холл пишет о большой вовлеченности протестантского духовенства в распространение историй о сверхъестественных явлениях. Многие священники являлись в семнадцатом веке составителями альманахов, повествующих о встрече с духами и о пророчествах и приметах.

Что касается веры в колдовство и ведьм, а также характера преследований их, то они мало отличаются от английской модели. Достаточно сравнить портреты потенциальных обвиняемых и обвинителей, а также причины обвинений, отмеченные А. Макфарлейном и Дж. Демосом, чтобы убедиться в этом (17). Здесь заметны и психологически сходный контекст, и много общего в представлениях о магии. В Америке существовали и всплески ведьмомании, подобные европейским, самым известным из которых является, конечно, Салемская охота на ведьм. В связи с нею становится заметной и аналогичная европейской склонность духовенства охотно допускать вмешательство Сатаны в земные дела, помощь его колдуньям и существование колдовского заговора, «заразы», которую следует истреблять с корнем.

Таким образом, как представляется, Америка, вместе с переселенцами из Европы, получила уже не единый пласт народной культуры, а затронутый «реформами», пласт, который превращался из живого, развивающегося явления в набор часто не связанных между собой поверий, привычек, традиций.

Безусловно, многие атрибуты средневековой религиозности и народной культуры были осознанно отвергнуты колонистами. Однако поведение переселенцев и наличие многих сходных убеждений и обычаев свидетельствуют о том, что внутреннее их мировоззрение сохранило значительно больше общих черт с представлениями европейских «низов», чем принято говорить.

---

[1] *Davis N.Z.* Society and culture in Early Modern France. Stanford, 1975. *Burke P.* Popular culture in Early Modern Europe. N.Y., 1978. *Muchembled R.* Popular culture and elite culture in France, 1400-1750. Baton Rouge, 1975. *Sabean D.V.* Power in the blood. Popular culture and village discourse in early modern Germany. N.Y., 1984. Popular culture in seventeenth-century England. L., Sydney, 1985. Understanding popular culture. Europe from the Middle Ages to the 19th century./ Ed. by Kanlan Mouton, 1984.

[2] *Storey J.* Study of popular culture. N.Y., 1994.

[3] *Levine L.* The Unpredictable Past. Explorations in American Cultural History. N.Y., 1993.

[4] *Mullett M.* Popular culture and popular protest in Late Medieval and Early Modern Europe. L., N.Y., 1987. P. 63.

[5] *Burke P.* Popular culture in Early Modern Europe. N.Y., 1978. P. 2.

[6] *MacDonald D.* A Theory of Mass Culture / Mass Media and Mass Man. N.Y., 1968. P. 10-24.

[7] *Hall D.D.* Worlds of Wonder, Days of Judgement. Popular religious belief in Early New England. Yale, 1990.

[8] *Burke P.* Op. cit. P.223.

[9] Ibid. P. 230-242.

[10] *Christman M.* Lay culture, learned culture: books and social change in Strasbourg, 1480-1599. New Haven, L., 1982. P.12.

[11] *Burke P.* Op. cit. Mullet M. Late medieval and Early Modern Europe. N.Y., 1987. P. 88-102

[12] *Duffy E.* The stripping of the altars: traditional religion in England, 1400-1580. New Haven, 1992. P. 27

[13] *Miller P.* The New England Mind: The XVI-th century. N.Y., 1986. P. 18-32.

[14] *Hall D.D.* Op. cit. P.8-9

[15] Энциклопедия колдовства и демонологии / Под. ред. Р.Х.Роббинса. М., 1996.

[16] *Garret C.* Spirit possession and popular religion: From the Caisards to the Shakers. Baltimore, 1987

[17] *Demos J.P.* Entertaining Satan: witchcraft and the culture of Early New England. N.Y., Oxf., 1982. *Macfarlane A.* Witchcraft in Tudor and Stuart England. A religional and comparative study. N.Y., 1970

ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОСТИ КОНТРФАКТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ Р. ФОГЕЛЯ)

А.В. Бочаров

Томский госуниверситет

В середине 50-х – начале 60-х гг. нашего века в американской исторической науке сформировалось новое направление, названное «эконометрической историей». Коренное убеждение сторонников новой методики состоит в том, что в экономической истории почти каждое утверждение можно и нужно рассматривать как сравнение между действительно существовавшим миром и миром, которой был бы в отсутствие обсуждаемых в данном утверждении условий, то есть историк должен строить контрфактические модели истории[1].

Прежде всего, следует ответить на вопрос: почему возникла потребность контрфактического моделирования истории? Идея несостоявшейся, но возможной истории не нова. Редко какому историку удаётся избежать, иногда не осознанного, перехода к рассуждениям в сослагательном наклонении, избежать фразы "если бы". Корни такой логики - в способе доказательства от противного. Дело в том, что, имея дело только с одним результатом функционирования системы событий – с тем, который действительно произошёл в прошлом, - исследователь изучает историческую ситуацию не в полной мере, так как упускается потенциал, который содержался в данной исторической ситуации. Поэтому появляется потребность восполнить этот недостаток исторического познания.

Самой существенной и известной работой эконометрического направления является изданная в 1964 году монография Роберта Фогеля "Железные дороги и экономический рост Америки: очерки по экономической истории". Это исследование способствовало тому, что «эконометрическая история» быстро завоевала прочные позиции в американской исторической науке, возрастало число последователей и подражателей новой школы. Фогель является одним из немногих историков, получивших Нобелевскую премию, он существенно повлиял на современную историческую науку. Однако новая школа не была безоговорчно принята всеми историками США, поскольку у контрфактического моделирования много уязвимых мест. Конечно, в критике выдающегося труда следует исходить из того, что ошибки великого ума также поучительны, как и открытые им истины.

Книга Р. Фогеля представляет собой попытку опровержения существующего в традиционной американской историографии положения о необходимости железных дорог для экономического развития США в XIX веке. Традиционные аргументы таковы: решающая роль железных дорог в освоении Запада страны, расширение внутреннего рынка, рост промышленности из-за потребностей в угле, железе и локомотивах, рост занятости, рост уровня капиталовложений и т.д. Р.Фогель считает: описания того, что сделали железные дороги, ещё недостаточно для доказательства их исторической необходимости. Он утверждает, что для выяснения роли железных дорог нужно исследовать, как развивалась бы страна в XIX веке, если бы ей пришлось обходиться только водным и автодорожным транспортом. Итоговый вывод Р. Фогеля: США в XIX в. могли бы успешно развиваться и без железных дорог за счёт развития других видов транспорта[1]

Как оценить адекватность модели Р. Фогеля? Отвечая на этот вопрос, один из первых критиков «эконометрического направления» американский исследователь М. Десай выдвинул идею так называемого «недоопределения моделей». При моделировании какой-либо связи между какими-то переменными очень важно не потерять другие связи, оказывающие влияние на изучаемую связь. Если же такие потери произойдут, то это приведёт к неправильной, «недоопределённой» модели, а значит, и к неверным выводам.

По мнению М. Десая, для историка преграда «недоопределения» непреодолима. Первоначального количества информации, которой обладает историк, не всегда достаточно даже для построения достоверного уравнения зависимостей[1]. Так, например, наиболее часто критиковалось оппонентами Фогеля предположение о том, что цены на перевозки по водному транспорту в «контрфактической ситуации» остались бы равными действительным ценам 1890 г. Аргументы Р.Фогеля таковы: 1) нет причин полагать, что цена постройки и эксплуатации дополнительного количества грузовых судов возросла бы; 2) увеличение цены по эксплуатации каналов и шлюзов было бы незначительно по сравнению с увеличением перевозимых грузов. М. Десай замечает, что цены на перевозки водным транспортом испытывали сильное влияние железнодорожных тарифов. Поэтому отсутствие в прошлом железных дорог означало бы не только увеличение количества грузов на воде, но и в первую очередь прекращение этого влияния. В связи с этим цены на перевозки по водному транспорту не могли остаться неизменными в «контрфактической ситуации». Теряя связь между ценами на перевозки по воде и железнодорожными тарифами, Р.Фогель допускает «недоопределение» своей модели и неверно оценивает из-за этого влияние железных дорог на экономику.

Исследования Фогеля критиковали и наши отечественные историки. Академик И. Д. Ковальченко считал, что "основной изъян контрфактического моделирования исторического развития состоит в его субъективизме. Эти модели представляют ход истории таким, каким его хотел бы

видеть историк."[4]. И. Д. Ковальченко критиковал безосновательное изъятие Р.Фогелем железных дорог из истории. Он замечал, что "в историческом прошлом... условия и обстоятельства развития того или иного процесса или явления "заданы" в самом ходе этого развития и не могут быть изменены". Поэтому следует не изымать факторы из исторического прошлого, а, напротив, находить факторы возможной реализации альтернативного хода событий[5].

Завершив этот краткий обзор критики, попытаемся ответить на вопрос: Возможно ли вообще построить адекватную контрфактическую модель истории? Поскольку в контрфактических моделях анализируется какая-то система событий прошлого, то в оценке адекватности этих моделей следует исходить из основных принципов системного анализа.

В любой контрфактической модели истории из-за "недоопределения факторов" нарушается принцип целостности системы. Всякая система обладает целостностью, и недопустимо рассмотрение частей системы по отдельности вне их взаимодействия с другими частями[6]. Между тем в модели Р.Фогеля из всех воздействий железных дорог на экономику и общество рассмотрены только перевозки сельскохозяйственных грузов и производство чугуна. Другой пример: основой выводов Р.Фогеля является так называемое "общественное сбережение" - величина, на которую действительная цена перевозки товаров в определённый год отличалась от альтернативной цены перевозки того же количества товаров между теми же пунктами, но в случае отсутствия железных дорог. "Общественное сбережение" вычислялось в предположении, что в случае отсутствия железных дорог в XIX в. модель перевозок осталась бы той же, которая была на самом деле. Однако естественно, что общество, использующее только водный и автодорожный транспорт, отказалось бы от такой модели, изменились бы маршруты перевозок, географическая структура перевозок и т.д. Игнорирование этого будет нарушением целостности системы хозяйства, а значит, взятые за основу данные были неадекватны моделируемым процессам.

Другой пример: чтобы измерить потерю капитала, который не мог находиться в обороте из-за замедления перевозок при отсутствии железных дорог и увеличения дополнительных запасов на складах, измерялся средний процент прибыли в 1890 г. Однако не учитывалось, что на этот процент повлияло использование железных дорог, и поэтому в контрфактической модели он был бы иным.

Сущность нарушения принципа целостности систем в контрфактическом моделировании состоит в том, что изменения в одном пространственно-временном континууме не предусматривают как следствия неизбежные изменения в другом пространственно-временном континууме. Явления, рассматриваемые в начале контрфактической модели, должны взаимодействовать только с уже изменёнными событиями, причём изменёнными не по логике исследователя, а по логике развития самой моделируемой системы.

В вышеприведённом примере с вычислением цен на перевозки по воде, кроме нарушения целостности, можно заметить и то, что Фогель берётся сам решать, как поведёт себя транспортная система. Здесь дело не просто в субъективизме. Даже если бы были учтены все факторы поведения системы и проведены предельно точные вычисления, всё равно невозможно было бы предсказать поведение системы при отсутствии одной из её частей, поскольку игнорируется ещё одно свойство всех систем – эмерджентность. Термин "эмерджентность" происходит от англ. emergent – неожиданно появляющийся, внезапно всплывающий, непредвиденный. В системном анализе эмерджентность определяется как важнейшая особенность всех систем, состоящая в том, что свойства системы не сводятся к совокупности свойств её частей и не выводятся из них, что целое обладает качественно новыми свойствами.[7] Применительно к прошлому это означает прежде всего то, что историю творит непредсказуемость сочетающихся обстоятельств. Мы не можем описать реализацию возможной, но не состоявшейся истории, исходя только из данных о состоявшейся истории.

Рассмотрим примеры нарушения принципа эмерджентности в работе Фогеля. При вычислении спроса на пшеницу в 1890 г. используются данные о потреблении пшеницы на душу населения среди городских рабочих в 1909 г. Здесь данные из будущей по отношении к модели состоявшейся истории переносятся в прошлую несостоявшуюся историю, как будто в отдельно взятой интересующей историка сфере события будут развиваться именно так, как нужно для его математической формулы. То же самое нарушение допускается, когда о возможностях усовершенствования шоссейных дорог Фогель судит по правительственному обследованию дорог в 1812 г. и делает выводы относительно «контрфактической» истории конца XIX в. Не имея возможности получить данные об альтернативной истории, из-за её непредсказуемости, историку не остаётся ничего другого, как выбирать подходящие ему факты из реализовавшейся истории и переносить их в свою модель.

В большинстве гипотетических допущений в контрфактической модели истории, как правило, будут нарушаться несколько взаимосвязанных принципов системного анализа. Так, например, очевидно, что в «контрфактической» ситуации Фогеля инженерная мысль была бы направлена на поиски других дешёвых видов транспорта. Предугадать развитие технического прогресса в случае отсутствия железных дорог невозможно. Фогель предлагает рассмотреть и учесть при вычислении «общественного сбережения», что для улучшения в технике не потребовалось бы никаких новых знаний. Здесь снова логика развития системы подменяется логикой исследователя и нарушается принцип эмерджентности. Более того, в данном случае нарушается также целостность событий всемирной истории и открытость системы американского хозяйства. Ведь если доводить до конца логику Фогеля, то ограничение на новые знания должно действовать для всего мира. Никто и нигде не должен изобретать парового двигателя и паровоза, так как если это произойдёт,

то Америка неизбежно заимствует изобретение и вычисления Фогеля потеряют смысл. В исследуемый Фогелем период изобретения уже сделаны. Может быть, для соблюдения принципов целостности и открытости систем следовало начинать строить модель с Великобритании 1774 г., когда Дж. Уатт начал создавать паровую машину? Идея использования пара для получения механической работы существовала уже много столетий. Технические новшества, позволившие создать паровую машину связаны с предшествующими новшествами, и цепочка этих взаимосвязей уходит в глубокое прошлое. Историк не может объективно установить точку, в которой он имел бы объективные основания для того, чтобы прервать эту цепочку. Таким образом, стремление к соблюдению основных принципов системного анализа не позволит адекватно установить даже пространственно-временные координаты контрфактической модели истории.

Итак, построить адекватную модель несостоявшейся истории невозможно. Как тогда восполнить неполноту понимания истории при изучении только инвариантного хода событий?

Сущность потенциальности в истории – это существовавшие в действительности взаимосвязи, которые могли повлиять, но не повлияли на ход событий. Исходя из такого предположения и из того, что адекватно можно анализировать только состоявшуюся историю, можно сделать вывод: допустимо всё глубже изучать существовавший в событиях прошлого потенциал, но реализация этого потенциала будет пределом глубины изучения. Пересечение этого предела для историка будет означать выход за пределы науки в область мифотворчества, к которому не применимы основополагающие для науки принципы верификации и фальсификации.

---

[1] *Промахина И.М.* Количественные методы исследования в работах представителей «новой экономической истории» (США) // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975. С. 285.

[2] *Fogel R.W.* Railroads and American Economic Growth: Essay in Econometric History. Baltimore, 1964.

[3] *Desai M.* Some Issues in Econometric History // The Economic History Review. Second Series. № 2. April 1968. P. 6-7.

[4] *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. С. 407.

[5] *Ковальченко И.Д.* Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984. С. 74.

[6] *Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П.* Основы системного анализа. Томск, 1997. С. 19-20.

[7] Там же. С. 302.

ДИСКУССИИ О ПРИРОДЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ю.А. Тюменцев

Томский госуниверситет

Вполне естественно, что дискуссии о природе исторического познания, познавательных возможностях исторической науки, как правило, инициируются учеными, занимающими наиболее радикальные, "крайние" позиции по этим вопросам. Не исключение в этом отношении и современная американская историография.

Прошло уже более десяти лет, как вышла книга П. Новика "Эта Благородная Мечта. "Проблема объективности" [исторического познания] и американская историческая наука", а и по сей день в статьях, посвященных этой проблеме, очень часто даются ссылки на эту книгу. Книга Новика заслуживала бы большого внимания только благодаря исключительно широкому охвату историографического материала. Автор подробно описывает, как вопрос об объективности исторического познания рассматривался на протяжении столетней истории профессиональной исторической науки в США. Новик показывает, как на взгляды американских историков по этому вопросу оказывали влияние социально-политические обстоятельства, развитие философии и методологии науки в целом, процессы в других социальных и гуманитарных науках, изменение подходов к изучению различных проблем внутри самой исторической науки и многие другие факторы[1]. Между прочим, поэтому книга Новика заслуженно стала одним из главных пособий по изучению американской историографии для молодых американских исследователей[2].

Однако парадоксальна цель написания этой книги. Уже во введении автор заявляет: "Мне представляется, что сказать об историческом исследовании, что оно является или не является объективным, значит сделать *пустое* высказывание, высказывание, не являющееся ни интересным, ни полезным". В конце книги Новик, описывая кризис идеи объективности в американской историографии, заявляет: "Как широкое сообщество ученых, объединенных общими целями, общими стандартами и общими намерениями, дисциплина истории перестала существовать". Он добавляет к этому цитату из Священного Писания: "В эти дни не было царя в Израиле: каждый делал то, что считал правильным"[3].

В дальнейшем, в рамках дискуссии по поводу своей книги, отвечая на критику в свой адрес, Новик еще более рельефно проясняет свою позицию. В первую очередь он отвергает, казалось бы, вполне естественную характеристику своих взглядов как релятивистских или даже

"крайне релятивистских". Он настаивает, что его позиция находится по ту сторону объективизма и релятивизма. Его позиция, дословно, - это позиция не анти-, а *а*-объективизма, заключающаяся в признании идеи объективности пустой, бесполезной идеей.

Главный аргумент в пользу такой позиции - это доказательство того, что идея объективности не оказывает реального влияния на конкретно-историческую практику историков, на продуктивность их творчества. Новик признается, что его книга и явилась попыткой доказать последний тезис. Но и этим дело не ограничивается. Возвращаясь к своей цитате из Библии, Новик отрицает, что она отражает пессимизм по поводу перспектив американской исторической науки. Новик напоминает, что, согласно Священному Писанию, именно после появления царя в Израиле и начались настоящие народные бедствия. Именно состояние фрагментации исторической науки, безграничного плюрализма точек зрения Новик полагает наиболее многообещающим и продуктивным положением дел, которое вселяет в него и в его единомышленников недюжинный оптимизм[4].

Схожая позиция выражена и в статье Ф. Анкерсмита "Историография и постмодернизм", где он сравнивает современное состояние постмодерна в историографии не просто с листвой дерева истории, а с опавшими на землю, оторванными от ветвей отдельными листьями[5]. Важно подчеркнуть, что Анкерсмит выражает самый искренний и неподдельный восторг по поводу такого состояния дел в современной исторической науке.

Таким образом, главный вопрос, который в настоящее время обсуждается в эпистемологических дискуссиях в американской историографии, это уже не вопрос, возможно ли и как возможно объективное познание прошлого. Вопрос в настоящее время ставится по-другому - должна ли идея объективности служить регулятивным принципом исторической науки. Представляется, что так называемый "лингвистический поворот", который на сегодняшний день служит одним из главных предметов обсуждения в американской историографии, является отражением именно такой постановки вопроса.

Пришло время в целях дальнейшего изложения определить понятие объективности исторического познания. Как представляется, идея объективности исторического познания как регулятивный принцип исторической науки состоит в том, что целью последней является постижение внутреннего смысла исторического развития. При этом, конечно же, признается активная роль познающего "субъекта", который в зависимости от своего мировоззрения ставит те или иные вопросы прошлому и таким образом высвечивает те или иные стороны прошлого. Однако, хотя каждая конкретная интерпретация прошлого является частичной, относительной по своему познавательному статусу, историческое познание в целом нацелено, во-первых, на познание прошлого ради него самого, и, во-вторых, полагает за прошлым неоднозначный, сложный, многогранный, но тем не менее имманентный этому прошлому смысл.

В рамках "лингвистического поворота" центральными представляются два положения, противоречащие названным выше составляющим идеи объективности. Во-первых, предмет гуманитарных наук рассматривается как текст, текст, освобожденный как от "тирании" исторического контекста, в котором он возник, так и от "тирании" единого смысла, заключенного в этом тексте. Поэтому, во-вторых, целью гуманитарного познания полагается языковая игра на основе того или иного текста, которая заключается просто в произведении нового текста, который, в свою очередь, будет служить в качестве предмета для последующих интерпретаций, интерпретаций, творящих новые смыслы, не заключенные в первоначальном тексте, и так далее, до бесконечности[6].

Может показаться, что только что обрисованный образ отражает лишь крайнюю точку зрения в рамках "лингвистического поворота". Однако даже в том случае, когда за исторической действительностью признается право на "объективное" существование в качестве первичного субстрата исторического познания, сущностью последнего все же полагается набрасывание на этот поток событий независимой от него интерпретации. Эта интерпретация укоренена в языке историка и придает сырому протоколу явлений прошлого единство в соответствии с особенностями структуры языка историка и замыслом автора[7].

Таким образом, мне представляется, что весь пафос "лингвистического поворота" заключается в том, чтобы постулировать в качестве цели исторического познания производство нового смысла, смысла трансцендентного исторической действительности. Поэтому-то идея объективности исторического познания оказывается попросту невостребованной в рамках описываемого направления современной американской исторической мысли.

Такой радикальный разрыв с самой идеей исторического познания как постижения прошлого как прошлого, в его имманентном содержании, конечно же, не может не вызывать ожесточенной критики со стороны большинства историков. И действительно, на страницах американской исторической периодики преобладают критические высказывания в адрес этого "постмодернистского", лингвистического направления исторической мысли. Критика главным образом заключается в доказательстве неизбежной связанности исторического познания своим предметом, в просвечивании через любую языковую структуру объективного материала, самой исторической действительности[8]. Но от подобной критики, несмотря на правомерность многих ее аргументов, ускользает исходная установка на творческую, свободную деконструкцию исторического материала как на саму цель исторического познания. Пусть при этом историческое познание перестает быть собственно историческим. Ну что ж - тем хуже для старого толкования словосочетания "историческая наука".

В связи со всеми этими соображениями возникают вопросы: как могло появиться столь радикальное направление в американском (да и во всем западном) гуманитарном познании? Можно ли данное направление, несмотря на всю его радикальность, вписать в традиционное, исконное понимание историзма?

Нижеследующие размышления не претендуют на решение этих вопросов, они скорее являются попыткой высветить основы описанного выше направления в американской исторической мысли.

Казалось бы, проще всего охарактеризовать установку на отрицание объективного, имманентного прошлому содержания как некую абсолютизацию, гипертрофию вполне конструктивной идеи активности познающего субъекта в процессе познания. Однако подобная характеристика проходит мимо центральной идеи анализируемого направления в гуманитарном познании, идеи, заключающейся в постулировании выхода за пределы традиционной оппозиции, внеположности субъекта и объекта познания.

Как представляется, сутью "лингвистического поворота", сутью, может быть, даже не всегда сознаваемой его отдельными представителями, является эта попытка исходить не из прошлого как такового, прошлого-объекта, и не из субъекта как отвлеченного "центра познания", соотносительного своему "объекту", а из языка, "текста" как некой целостности, снимающей саму дихотомию субъекта и объекта. Отсюда – постулаты о том, что нет ничего вне текста, что знак, "означающее" не есть выражение чего-то "означаемого", чего-то трансцендентного самому тексту.

Насколько оправдано такое упование на непосредственное откровение истины в ее непотаенности и открытости через язык, упование, обосновывавшееся силой философии Мартина Хайдеггера? И в соответствии с предметом нашего интереса – к чему реально приводит и что может дать этот "поворот к языку" для методологии исторической науки? Случайность ли, что, отталкиваясь от такого понимания самораскрытия истины прошлого в языке, формируется представление об абсолютности, самозаконности языка только, в пределах которого впервые *осмысливается* сырой субстрат исторических явлений? И поскольку текст автономен, но в то же время несамотождествен, открыт, незавершен и незавершим, не остается ли, в самом деле, признать гуманитарное познание, в том числе познание историческое, просто участием историков в "бесконечном разговоре человечества"[9]?

Таким образом, утверждая растворение в универсуме языка традиционной дихотомии познающего и познаваемого, прошлого и историка, "лингвистический поворот" со своей точки зрения вполне правомерно заявляет о бессмысленности вопроса об "объективности" исторического познания, "имманентном смысле" истории. В рамках этого направления в гуманитарном познании столь же бессмысленно говорить о "субъективности" познающего, историке как "субъекте познания", так как человек изначально погружен в язык, "принадлежит" ему, принадлежит бесконечному универсуму культуры и только в этой своей укорененности в культуре обретает свою "человечность". История и культура есть некая несамотождественная, развивающаяся целостность, постоянно переосмысливающая себя в "бесконечном разговоре человечества". Поэтому

прошлое как таковое не обладает имманентным, "объективным" смыслом.

В заключение остается только задать вопрос: обладает ли эта дурная бесконечность "радостной игры смыслов" в рамках безличного "текста культуры" воистину человеческим смыслом, смыслом, отвечающим конкретному живому единству человеческой личности?

---

[1] См. *Novick P.* That Noble Dream. The "Objectivity Question" and the American Historical Profession. Cambridge and oth., 1988. 648 p.

[2] *Hollinger D.A.* Postmodernist Theory and Wissenschaftliche Practice // The American Historical Review. 1991. Vol. 96. № 3. P. 688.

[3] *Novick P.* That Noble Dream. P. 6, 628.

[4] Novick P. My Correct Views on Everything // The American Historical Review. 1991. Vol. 96. № 3. P. 699-703.

[5] *Ankersmit F.R.* Historiography and Postmodernism // History and Theory. 1989. Vol. 28. № 2. P. 150.

[6] *Harlan D.* Intellectual History and the Return of Literature // The American Historical Review. 1989. Vol. 94. № 3. P. 581-609.

[7] *White H.* Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore, London, 1978. *Ankersmit F.R.* Op. cit. P. 137-153. Idem. Historism. An Attempt at Synthesis // History and Theory. 1995. Vol. 34. № 3. P. 143-161; *McCullagh C.B.* Review. Narrative Logic. By Ankersmit F.R. // History and Theory. 1984. Vol. 23. № 3. P. 394-403.

[8] *Lorenz C.* Can Histories Be True? Narrativism, Positivism, and the "Metaphorical Turn" // History and Theory. 1998. Vol. 37. № 3. P. 309-329. *Zammito J.H.* Ankersmit's Postmodernist Historiography, the Hyperbole of "Opacity" // History and Theory. 1998. Vol. 37. № 3. P. 330-346. *Zagorin P.* History, the Referent, and Narrative: Reflections on Postmodernism Now // History and Theory. 1999. Vol. 38. № 1. P. 1-24.

[9] Любимое выражение современного американского философа Р. Рорти. (*Целищев В.В.* Предисловие переводчика // Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997. С. IX-XVII.)

С О Д Е Р Ж А Н И Е

I. ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ США . . . 3

Казакевич Л.И. Проблема Китая в американо-английских отношениях в 1941-1945 гг. . . . 3

Пелипась М.Я. Англо-египетские переговоры о статусе Суэцкой базы и позиция США (1946-1954 гг.) . . . 24

Румянцев В.П. Позиция США в связи с выводом израильских войск с оккупированной территории Египта в 1956-1957 гг. . . . 65

Крылов И.В. Миссия Дж. Ричардса на Ближнем Востоке и Багдадский пакт . . . 71

Троицкий Е.Ф. США и Создание Европейского платежного союза (1949-1950 гг.) . . . 74

Лекаренко О.Г. Создание Совета Европы: планы Черчилля и их реализация . . . 75

Банникова Ж.А. Европейский парламент и политика Европейского союза по отношению к Соединенным Штатам Америки . . . 78

Арсланова Е.Б. Западноевропейский союз в системе европейской интеграции и организация Североатлантического договора . . . 83

Абрамова О. "Война с бедностью" как этап становления послевоенной социальной политики США . . . 88

Бланк М.В. Некоторые особенности основных этапов развития компьютерной индустрии США . . . 90

Остриков П.И. Экономическая экспансия Англии в Аргентине в последней трети XIX – начале XX в. . . . 93

Сафронов А.Ю. Китайско-русский договор 1896 г. . . . 97

II. МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ . . . 101

Чернышов Ю.Г. Ранние утопические эксперименты и коммунитарное движение в США . . . 101

Могильницкий Б.Г. Дискуссии о постмодернизме в американской историографии (по страницам научных журналов) . . . 107

Кащаева М.В. Теория интерполяции в зарубежной историографии: некоторые этапы эволюции . . . 117

Козулин В.Н. Концепция примитивизма в работах американских ученых А.О. Лавджоя и Дж. Боаса . . . 123

Карначук Н.В. Европа и Америка: проблемы народной культуры и народной религии . . . 129

Бочаров А.В. Проблема адекватности контфактического моделирования истории (на примере Р. Фогеля) . . . 135

Тюменцев Ю.И. Дискуссии о природе исторического познания в современной американской историографии . . . 140

OREGON TERRITORY
WASH
TITLE ESTABLISHED 1846
OREG
IDAHO
MONT
TITLE ESTABLISHED 1818
N DAK
S DAK
LOUISIANA PURCHASE
WYO
NEBR
IOWA
WIS
MICH
N Y
PA
OHIO
IND
ILL
W VA
VA
KY
MO
KANS
COLO
UTAH
NEV
CALIF
CEDED BY MEXICO 1848
TREATY OF 1803
PURCHASE
ARIZ
N MEX
OKLA
ARK
TENN
N C
S C
GA
ALA
MISS
LA
FLA
GADSDEN PURCHASE 1853
TEXAS ANNEXED 1845
TEXAS
Rio Grande
TERRITORY OF THE ORIGINAL THIRTEEN STATES
CEDED BY SPAIN 1819
GULF OF MEXICO